

Национальный бестселлер Британии

С К Р Ы Т Ы Е

В

Т Е М Н О Т Е

Кара
Хантер

Кара Хантер
Скрытые в темноте

Cara Hunter
In the Dark
Copyright © Cara Hunter, 2018

© Перевод на русский язык, М. Стрепетова, 2018

* * *

Кара Хантер – литературный псевдоним английской писательницы Линн Шеппард, широко известной в мире своими историческими романами-детektивами. Имея оксфордскую докторскую степень в области литературы, а также различные призы и премии, она попробовала себя в жанре психологического триллера. И сразу добилась громкого успеха. Ее дебютный остросюжетный роман стал национальным бестселлером.

Редкий талант...

Daily Mail

Головокружительное, захватывающее чтение.

Йан Рэнкин

Один из лучших триллеров, которые я когда-либо читала.

Кэтрин Крофт

Кара Хантер – мастер сюжета, но совершенно выдающимися ее романы делают потрясающе прописанные персонажи.

Рейчел Эбботт

Я проглотила эту книгу за один присест.

Эмма Кавана

*«Берку и Хиту»
в память о счастливых днях*

ПРОЛОГ

Она открывает глаза – темно, как будто на них повязка. Затхлым и сырым воздухом давно никто не дышал.

Просыпаются и другие ощущения. Она чувствует тишину и холод. К запаху плесени примешивается какое-то животное зловоние. Пальцы нащупывают мокрый гравий под тканью джинсов. Теперь она начинает вспоминать, как попала сюда и что случилось.

Как можно было так сглупить?

Сдерживая панику, она пытается привстать, но ничего не выходит. Глубокий вдох – и она кричит, ее вопли эхом отражаются от стен. Кричит и кричит, пока не срывается голос.

Никто не услышит, никто не придет на помощь.

Она снова закрывает глаза, по лицу от злости текут горячие слезы. Неподвижное тело переполняет гнев, а вскоре она в ужасе понимает, что ее кожи коснулись чьи-то острые маленькие лапки...

* * *

Кажется, кто-то писал, что апрель – жесточайший месяц^[1]. Не знаю, кто именно, но этот человек точно не был детективом. Я-то знаю, что жестокость может произойти в любое время года – насмотрелся, – просто холод и мрак немного притупляют восприятие, а вот солнце, голубое небо и пение птиц создают контраст. Смерть и надежда.

Эта история начинается с надежды. Начинается она первого мая, в первый день весны – настоящей весны. Если вы бывали в Оксфорде, то знаете, что здесь нет золотой середины: во время дождя каменные строения приобретают цвет мочи, но в лучах солнца старинные колледжи кажутся сотканными из облаков, и, глядя на них, думаешь, что нет места прекрасней на земле. А я лишь старый циничный коп.

Вернемся к первомайскому утру, когда город предстает во всей своей оригинальности и непокорности. Трудно понять, какой он – то ли языческий, то ли христианский; такой вот безумный городок. С озаренной светом верхушки башни доносится хор певчих. Уличные музыканты окружили круглосуточный фургон с бургерами. Пабы открываются в шесть утра, а половина студентов еще не отошли с прошлой ночи. На улицы

с цветами выходят даже трезвые жители Северного Оксфорда (я не шучу). В прошлом году собралось двадцать пять тысяч человек; один парень нарядился деревом. Представили?

В общем, серьезный день для полиции. Впрочем, если и выбирать праздник для дежурства, так уж лучше этот. Да, предстоит убийственно ранний подъем, зато все проходит тихо, и нас активно угощают кофе и сэндвичами с беконом. По крайней мере, раньше, когда я еще ходил в форме, точно угощали. Теперь-то я детектив, занимаюсь уголовными делами...

К тому же в этом году все иначе. В этом году убийственным оказался не только ранний подъем.

* * *

Марк Секстон появляется у дома с часовым опозданием. В такой утренний час он должен был добраться быстро, но пробки на трассе М40 растянулись до самой Банбери-роуд. Когда поворачивает на Фрэмpton-роуд, то видит, что подъездную дорожку перекрыл строительный грузовик. Выругавшись, Секстон резко сдает назад, визжа шинами. Распахивает дверь «Кайенна» и выходит из автомобиля, едва не наступив в лужу рвоты на асфальте. Марк с отвращением смотрит на нее, проверяя, не испачкал ли туфли. Да что сегодня творится в этом гребаном городе? Он закрывает машину и широким шагом направляется к дому, нащупывая в кармане ключи. Ну хоть лесá убрали, и то хорошо. Продажа заняла больше времени, чем ожидал Марк, но к Рождеству, если повезет, все уже утрясется. На аукционе он упустил отличный дом на Вудсток-роуд, так что пришлось повысить ставку и купить этот. Ничего, как только работы будут окончены, местечко превратится в настоящую, черт возьми, золотую жилу. Пусть на рынке недвижимости и наблюдается застой, в этом городе цены никогда не падают благодаря богатым китайцам и русским. Всего час езды до Лондона, а еще поблизости престижная частная школа для мальчиков. Жене Марка не нравились дома с двумя собственниками, но он сказал ей: «Ты только посмотри на эту хренову громадину!» Настоящая викторианская постройка, четыре этажа и подвал, который он собирается переоборудовать под новомодный винный погреб и домашний кинотеатр (об этом Секстон жене еще не сообщал). За общей стеной живет какой-то старый придурок – не станет же он закатывать вечеринки по ночам, правда? Сад у него, конечно, слегка запущен, хотя в крайнем случае можно поставить шпалеры. Ландшафтный архитектор упоминал что-то про деревья с переплетенными ветвями. Тысяча фунтов за штуку, зато сразу

получается живая изгородь. «Только проблему с парадным входом таким способом не решишь», – мысленно добавил Марк, глядя на ржавеющий «Форд Кортана», подпертый кирпичами, и три велосипеда, пристегнутых цепью к дереву у дома номер 33. Рядом со всем этим добром красовалась стопка гниющих поддонов и черные мусорные мешки, из которых на тротуар сыпались пустые банки из-под пива. С прошлого приезда Марка ничего не изменилось, а был он здесь две недели назад. Оставил старому пердуну записку, попросив все убрать, однако, как видно, не подействовало.

Открывается дверь, из дома выходит Тим Найт, архитектор, со свертком растений в руке. Он широко улыбается заказчику и зовет за собой.

– Мистер Секстон, рад снова видеть вас. Мы серьезно продвинулись – думаю, вы будете довольны.

– Вот уж надеюсь, – с иронией говорит Марк. – Начался этот денек просто отвратительно.

– Посмотрим сперва наверху.

Они поднимаются по лестнице, стуча подошвами по зашкуренному дереву. Громко играет радио, почти в каждой комнате чем-то заняты рабочие: штукатуры на четвертом этаже, сантехник в ванной, прилегающей к спальне, реставратор трудится над рамами. Некоторые из рабочих поглядывают на Секстона, но он отводит глаза. Достает планшет, спрашивает строителей о ходе работ и вносит комментарии по каждому специалисту.

Осмотр завершают в задней части дома, где вместо снесенной кирпичной пристройки с навесом возводится просторная терраса из стекла и металла. Среди деревьев в дальнем конце сада проступает Кресент-сквер во всей своей георгианской изысканности. Жаль, что Секстон не смог позволить себе один из тех домов, хотя жаловаться не стоит: с момента покупки этого местечка цены на недвижимость поднялись на пять процентов. Марк расспрашивает архитектора о планировке кухни («Черт, я плачу шестьдесят штук, а мне даже долбаную посудомойку не поставят?»), потом оборачивается и смотрит на дверь, ведущую в подвал.

– Да, я как раз собирался сказать, – понял его намек Найт. – С погребом вышла заминка.

– Какая еще *заминка*? – спрашивает Секстон, прищутив глаза.

– Вчера звонил Тревор. Возможно, нам потребуется официальное разрешение от соседа, так как работы затронут общую стену.

– Твою мать, не хватало еще вмешивать сюда гребаных юристов, –

скривившись, говорит Марк. – Так в чем проблема?

– Ребята начали снимать штукатурку, чтобы проложить новые кабели, и обнаружили, что состояние кирпичной кладки местами весьма плачевное. Похоже, миссис Пардью давненько туда не спускалась.

– Тупая старуха, – бормочет Секстон.

Найт не обращает внимания на его комментарий – дельце очень выгодное.

– Так вот. Боюсь, один из молодых рабочих не сразу понял, с чем имеет дело, но не волнуйтесь, завтра мы позовем инженера-проектировщика...

Не дожидаясь, пока Найт закончит, Секстон идет в подвал.

– Я сам, черт возьми, посмотрю.

Над лестницей горит тусклая лампочка. Внизу все провоняло плесенью.

– Осторожнее, – предупреждает Найт, – порожки не очень надежные. Тут шею можно сломать, если оступиться в темноте.

– Фонарик есть? Ни хрена не видно.

Найт подает Секстону фонарик. Включив его, Марк сразу понимает, в чем проблема. Кирпичи под краской с остатками старой желтой штукатурки покрыты сухой сероватой плесенью и осыпаются. От пола до потолка зияет трещина шириной с палец – трещина, которой раньше тут не было.

– Господи, нам что, теперь переделывать весь фундамент? Как оценщик мог такое упустить?

– У миссис Пардью стояли полки вдоль всей стены, – извиняющимся тоном отвечает Найт. – За ними разглядеть не получилось.

– И что самое главное, почему никто не следил за мелким идиотом, который разобрал на куски мою сраную стену?..

Секстон берет с пола какой-то инструмент и начинает ковырять кирпичи. Архитектор подходит ближе.

– Слушайте, лучше не...

Из стены вываливается кирпич, за ним другой, и в итоге целый пласт кладки падает, обдавая пылью туфли Марка. На обувь он не обращает внимания, потому что с открытым ртом смотрит на дыру шириной сантиметров пять.

И в полумраке за этой дырой в стене видит лицо.

* * *

В полицейском участке Сент-Олдейт детектив-сержант Гарет Куинн, недавно получивший повышение, пьет вторую чашку кофе и ест третий по счету тост, перекинув дорогой галстук через плечо, чтобы на него не

попали крошки. Под стать галстуку и недешевый костюм: всем своим видом Куинн показывает, что слишком умен и элегантен для обычного копа. Офис департамента уголовного розыска наполовину пуст, из всей команды на работу пока что приехали только Крис Гислингхэм и Верити Эверетт. Серьезного дела сейчас нет, инспектор Фаули весь день пробудет на конференции, а потому можно позволить себе не спеша заняться увлекательной работой с документами.

На солнце видно, как в воздухе пляшет пыль. Куинн шуршит газетой, в офисе пахнет кофе. Момент спокойствия нарушает телефонный звонок. Время 9.17.

Куинн берет трубку.

– Департамент уголовного розыска. – И тут вдруг: – Вот черт. Уверен?

Гислингхэм и Эверетт смотрят в его сторону. Гислингхэм, в описании которого всегда звучат слова вроде «крепкий» и «прочный» – и не только потому, что он слегка полноват. Гислингхэм, который, в отличие от Куинна, не получил звания детектива-сержанта и вряд ли получит, учитывая возраст. Но не осуждайте его за это. Каждой команде уголовного розыска нужен свой Гислингхэм. Надежный человек – такого хочется увидеть с другого конца веревки, брошенной утопающему. Эверетт тоже не стоит судить по одной лишь внешности: пусть она выглядит, как мисс Марпл лет в тридцать пять, упорства ей не занимать, как и знаменитому персонажу Агаты Кристи. Гислингхэм говорит, что в прошлой жизни Эв точно была собакой-ищейкой.

– И дверь никто не открывает? – Телефонный разговор продолжается. – Ладно. Нет-нет, мы займемся. Скажите офицеру, чтобы встретил нас на месте, и пусть приведет хотя бы одну женщину-полицейского.

Гислингхэм уже тянется за пиджаком. Куинн кладет трубку и, вставая из-за стола, съедает последний кусочек тоста.

– Это из диспетчерской. На Фрэмpton-роуд кто-то нашел девушку в подвале соседнего дома.

– В подвале? – удивленно переспрашивает Эверетт.

– Случайно пробили общую стену. Там вроде живет какой-то старикан, но он не отвечается.

– Твою ж мать!

– Вот именно.

* * *

У дома уже собирается толпа: тут и строители из тридцать первого, которым только дай повод увильнуть от работы и не выслушивать

придирки Секстона, и соседи, и несколько потрепанных жизнью гуляк с цветами на шляпах и банками пива в руках. Сюрреализма этой картине добавляет полноразмерная пластиковая корова, стоящая у обочины. Она накрыта цветастой скатертью, рога украшены нарциссами. На тротуаре танцоры в народных костюмах устроили импровизированное представление.

– Что за черт! – говорит Гислингхэм, когда Куинн глушит двигатель. – Может, оштрафовать их за незаконную парковку этой штуковины?

Они выходят из машины как раз в тот момент, когда подъезжают два патрульных автомобиля. Какая-то тетка из толпы присвистывает вслед Куинну, сержант оборачивается, и та едва не падает со смеху. Один из троих полицейских в форме несет таран. Женщину тоже прислали – это Эрика Сомер. Гислингхэм замечает, как она улыбается в ответ на смущение Куинна. А Крис ведь подозревал, что между ними что-то происходит. Так и сказал Джанет: «Эти двое слишком часто сталкиваются у кофейного аппарата, на совпадение не тянет». Хотя чего уж тут: Эрика – та еще красотка, даже форма и туфли на плоской подошве ее не портят. Лишь бы она отбросила завышенные ожидания, потому что Куинна, будь он псом, никто не назвал бы верным.

– Имя старика известно? – спрашивает Куинн.

– Некий Уильям Харпер, сержант, – отвечает Сомер. – Мы вызвали парамедиков на случай, если там и вправду есть девушка.

– Мне, черт возьми, не привиделось.

Куинн видит мужчину в костюме, который и сам хотел бы купить, если б мог себе позволить. Приталенный, шелковистый, с атласной подкладкой, подчеркивающей сиреневую рубашку в клетку и розовый крапчатый галстук. Весь его наряд прямо кричит: «Сити!^[2]» – а во взгляде написано: «Я в бешенстве».

– Слушайте, надолго все это затянется? У меня в три часа встреча с юристом, и если на трассе опять пробки...

– А вы, сэр, простите?..

– Марк Секстон. Владелец другой половины дома.

– Так это вы нас вызвали?

– Да, я. Мы с архитектором были в подвале, когда выпала часть стены. Там девушка, и мне не привиделось. В отличие от собравшегося тут сброда, я вполне трезв. Спросите у Найта, он тоже все видел.

– Хорошо. – Куинн дает офицеру с тараном сигнал к действию. – Давайте за дело. И угомоните уже этих людей! Что за хрень? Какие-то

ритуальные танцы, прямо как из ужастика «Плетеный человек»^[3]...

Куинн отходит в сторону, но его окликает Секстон:

– Эй, а что мне сказать строителям? Когда им можно вернуться к работе?

Сержант игнорирует вопрос, а Гислингхэм, проходя мимо, хлопает хозяина дома по плечу и жизнерадостно сообщает:

– Вашему шикарному ремонту, дружище, придется подождать.

Сержант стучит кулаком в дверь:

– Мистер Харпер! Полиция долины Темзы. Если вы дома, то откройте, пожалуйста, иначе мы будем вынуждены выбить дверь.

Молчание.

– Что ж, – Куинн кивает офицеру с тараном, – вперед.

Дверь старинного дома оказывается на удивление крепкой, однако с третьего удара ее выбивают из петель. В толпе раздается пьяный крик, любопытствующие вытягивают шею в надежде что-нибудь рассмотреть.

Куинн с Гислингхэмом заходят в дом, прикрывая за собой дверь.

Внутри тихо. Слышны лишь звон колокольчиков (танцоры не унимаются) и жужжание мух в комнатах со спертым воздухом. Ремонт здесь не делали очень давно: обои кое-где отклеиваются, потолок провис и весь в коричневых пятнах. По полу разбросаны газеты.

Куинн медленно идет по коридору, газеты шуршат под ногами, поскрипывают половицы.

– Есть тут кто? Мистер Харпер? Это полиция.

Вдруг он слышит какой-то стон. Совсем близко. Откуда же идет звук? Метнувшись вперед, Куинн распахивает дверь под лестницей.

На унитазах сидит старик в одной майке. Пучки жестких черных волос прилипли к коже головы и плечам. Трусы спущены до щиколоток, между ног висит вялый член. Что-то бормоча, старик испуганно хватается костлявыми пальцами за стульчак. На полу дерьмо, да и сам мужчина весь грязный.

– Сержант Куинн? – кричит с порога Сомер. – «Скорая» приехала.

– Слава богу, веди их сюда скорее.

Сомер отходит в сторону, пропуская в дом двух парамедиков в зеленых комбинезонах. Один из них садится на корточки перед стариком.

– Мистер Харпер, не волнуйтесь. Я просто хочу осмотреть вас.

Куинн идет на кухню и зовет за собой Гислингхэма.

– Срочно звоним в Музей Виктории и Альберта^[4], – присвистывает последний, когда открывается дверь.

Древняя газовая плита, коричнево-оранжевый кафель семидесятих годов, металлическая раковина. Стол с пластиковым покрытием, четыре разных стула. Повсюду грязная посуда, бутылки из-под пива и недоеденные консервы в банках, кишачих мухами. Все окна закрыты, обувь прилипает к линолеуму. За стеклянной дверью со шторой из бусин расположена оранжерея, а другая дверца, судя по всему, ведет в подвал. Она закрыта, но рядом на гвоздике висит связка ключей. Гислингхэм снимает ее и, неуклюже перебирая в руках, только с третьей попытки находит подходящий ключ. Тот поворачивается легко, хоть и ржавый. Гислингхэм открывает дверь и пропускает Куинна вперед, включив свет. Они медленно спускаются вниз, над головами шипит неоновая лампа.

– Эй? Есть тут кто-нибудь?

Даже в тусклом свете видно, что подвал пуст. Коробки, черные полиэтиленовые мешки, старый торшер, оловянная ванна со всяким хламом – и никаких следов живых существ.

Куинн и Гислингхэм переглядываются, стук их сердец заглушает все остальные звуки.

– Что это было? – вдруг шепчет Гислингхэм. – Какой-то шорох. Крысы?

Куинн машинально подергивается и смотрит под ноги. Только не чертовы крысы.

Гислингхэм снова осматривается, глаза привыкают к полумраку. Надо было взять фонарик из машины.

– Вон там, что это?

Он проходит меж коробок, понимая, что подвал куда просторнее, чем кажется.

– Куинн, тут еще одна дверь. Поможешь?

Хотя сержанту удастся сдвинуть засов, дверь все равно не поддается.

– Видимо, заперто, – говорит Гислингхэм. – Связка еще у тебя?

Подобрать нужный ключ в полумраке еще сложнее, но в итоге они его находят. Куинн с Гислингхэмом наваливаются плечами на дверь, и изнутри их обдает таким зловонием, от которого хочется закрыть рот рукой.

На бетонном полу лежит молодая женщина, на ней джинсы с протертыми коленями и потрепанный кардиган, некогда желтый. Ее рот приоткрыт, а глаза, наоборот, закрыты. Кожа мертвенно-бледная.

Только женщина там не одна.

Рядом с ней сидит ребенок и дергает ее за волосы.

Такого они не ожидали.

* * *

А где был я, когда все это произошло? Хотел бы сказать, что занимался чем-то отважным и впечатляющим (выступал в качестве связного для спецслужбы, боролся с терроризмом и т. п.), но печальная правда заключается в том, что я был в городе Уорик – проходил учебный курс под названием «Совместная охрана порядка в XXI веке» для инспекторов и более высоких чинов. Вот нам повезло, да? Глядя на бесконечные презентации с самого утра, я начал подумывать, что ребятам, охраняющим первомайские гуляния, выпала лучшая доля. Затем мне позвонили. Организатор курса, настоятельно просившая отключить телефоны, бросает на меня хмурый взгляд и шумно вздыхает, когда я выскакиваю в коридор. Наверное, думает, что я уже не вернусь.

– Девушку отвезли в больницу имени Джона Рэдклиффа, – говорит Куинн. – Состояние плачевное: давно не ела и сильно обезвожена. В комнате нашли бутылку воды, хотя подозреваю, что в основном она поила ребенка. Врачи сообщат больше подробностей, как только закончат полный осмотр.

– А что мальчик?

– Молчит. Но на вид ему не больше двух лет, чего еще ждать от бедняги? Он не подпускал к себе ни меня, ни Гиса, так что в машине «Скорой» с ним поехала Сомер. Харпера тут же арестовали, а когда попытались вывести его из дома, он начал вырываться и кричать. Видимо, у него «альцгеймер».

– Ты и без меня прекрасно знаешь: если Харпер недееспособен, нужно строго следовать инструкции.

– Конечно. Я уже позвонил в соцслужбу – и не только из-за него. Мальчишке тоже понадобится помощь.

На мгновение мы оба замолкаем – видимо, размышляя об одном и том же.

Вполне вероятно, мы имеем дело с ребенком, который в своей жизни не видел ничего, кроме этого подвала. Который родился там, в темноте.

– Ладно, – говорю я. – Выезжаю. Буду к обеду.

* * *

Би-би-си Мидлендс Сегодняшние новости

Понедельник, 1 мая 2017 года | Последнее обновление в 11.21

Срочное сообщение

Молодая женщина и ребенок найдены в подвале дома в Северном Оксфорде

Поступают сообщения о том, что этим утром в подвале дома на Фрэмpton-роуд в Северном Оксфорде были обнаружены девушка и маленький ребенок, предположительно ее сын. Это случилось благодаря строительным работам по соседству. Имя девушки пока не разглашается, и полиция долины Темзы еще не делала заявления.

Следите за обновлениями.

* * *

Время 11.27. В Кидлингтоне в комнате для свидетелей Гислингхэм наблюдает за Харпером по видео: старик, теперь уже в рубашке и брюках, съездившись, сидит на диване. Рядом с ним на стуле с твердой спинкой – соцработник; он сосредоточенно беседует с Харпером. Женщина из службы охраны психического здоровья стоит чуть поодаль. Харпер беспокойно дергает ногой, но даже по видео без звука понятно – с головой у него всё в порядке. По крайней мере, сейчас. Старик раздраженно поглядывает на соцработника и морщинистой костлявой рукой отмахивается от вопросов.

Открывается дверь, заходит Куинн. Бросает папку на стол и, опершись на него, говорит:

– Эверетт поехала напрямик в больницу и сможет опросить девушку, как только разрешат врачи. Эри... – Краснеет. – Констебль Сомер вернулась на Фрэмpton-роуд, чтобы скоординировать обход всех домов на улице. Чаллоу работает с криминалистами.

Он делает какую-то пометку в папке и привычным жестом засовывает ручку за ухо. Потом кивает на экран.

– Есть что-нибудь?

Гислингхэм качает головой:

– Соцработник провел с ним уже полчаса. Дерек Росс. Я вроде уже с ним сталкивался. Неизвестно, когда вернется Фаули?

Куинн смотрит на часы.

– Около двенадцати. Сказал начинать без него, если врач и соцслужбы не против. Адвокат уже едет. Соцработник просто прикрывает свою задницу, но его можно понять.

– Ага, готов к любым неожиданностям, – с иронией говорит Гислингхэм. – Они уверены, что старика можно допрашивать?

– Да. В тот момент, когда у него наступает просветление. Если начнет

психовать, придется отложить.

Крис внимательно смотрит на экран.

На подбородке Харпера уже минут десять висит ниточка слюны, которую он не спешит вытирать.

– Думаешь, он вообще способен на такое? Это он сделал?

– Если мальчишка и вправду родился в подвале, то да, – с мрачным видом отвечает Куинн. – Понимаю, сейчас Харпер выглядит жалким стариком, но года два-три назад... Может, тогда он был совсем другим. Тот человек и совершил преступление, а не этот убогий дедок.

Хотя в помещении душно, Гислингхэм вздрагивает.

– Что, кто-то прошел по твоей могиле? – спрашивает Куинн.

– Я вот подумал, он же не за один день таким стал. Состояние ухудшается в течение нескольких месяцев или даже лет. А она ничего не знала. Не знала, что он постепенно сходит с ума. Может, Харпер вообще начал забывать, что держит ее в подвале. Заканчивается еда, потом вода, а тут еще ребенок, и она кричит, но старик ее не слышит...

Гарет качает головой:

– Господи, как же вовремя мы ее нашли.

* * *

Дерек Росс встает и оказывается вне поля зрения. Через секунду он заходит к полицейским.

– Так вы его соцработник? – спрашивает Гислингхэм.

– Последние пару лет, – говорит Росс.

– Вам было известно про деменцию?

– Официальный диагноз поставили несколько месяцев назад, однако началось все задолго до этого. Вы и сами знаете, как это непредсказуемо, – ему то хуже, то лучше... Я волновался, что в последнее время болезнь стала прогрессировать. Он несколько раз падал, а год назад обжегся о плиту.

– И еще он выпивает, верно? От него несет перегаром.

Росс делает глубокий вдох.

– Да, появилась и эта проблема. И все же я не могу поверить, чтобы он сделал что-то настолько... настолько ужасное...

Куинна его слова не убеждают.

– Ни один человек не знает, на что он способен.

– Но в его состоянии...

– Послушайте. – В голосе Гарета начинают звучать суровые нотки. – Врач разрешила его допросить, ей виднее. Обвинять – это уже другое дело,

и когда мы до этого дойдем, Служба уголовного преследования выскажет свое мнение. А сейчас у нас есть девушка и ребенок, которые были заперты в подвале Харпера, и мы *обязаны* узнать, как они туда попали. Вы ведь это понимаете, мистер Росс?

Тот неохотно кивает.

– Могу я присутствовать? Он меня знает, так будет легче. С ним... с ним бывает непросто.

– Хорошо, – соглашается Куинн, собирая бумаги.

Втроем они направляются к двери, но Росс вдруг останавливается и трогает сержанта за плечо.

– Не давите на него, ладно?

Гарет поднимает бровь:

– Как он не давил на девушку?

* * *

***Допрос Изабель Филдинг, произведенный
по адресу: Фрэмpton-роуд, д. 17, г. Оксфорд***

1 мая 2017 года, 11.15

Присутствуют: констебль Э. Сомер

Э.С.: Как давно вы здесь живете, миссис Филдинг?

И.Ф.: Всего пару лет. Это дом от университета, мой муж преподает в Оксфорде.

Э.С.: Вы знаете мистера Харпера из дома номер 33?

И.Ф.: Ну, мы особо не общались. Вскоре после нашего переезда сюда он явился с вопросом, не видел ли кто чехол от его машины. Мистер Харпер был немного не в себе. Вы заметили, в каком состоянии его автомобиль? Зачем ему чехол? В общем, мы решили, что он просто местный чудак. Здесь таких полно. Бывшие преподаватели, которые живут тут уже сто лет. Думаю, большинство из них просто дошли до сиреневой стадии.

Э.С.: Сиреневой стадии?

И.Ф.: Ну да, как в том стихотворении. «Вот буду старушкой и оденусь в сиреневое», или как оно там. Короче, люди достигают такого возраста, когда им становится все равно.

Э.С.: Мистеру Харперу уже было все равно?

И.Ф.: Он то бродил по улицам в пижаме, разговаривая сам с собой, то надевал перчатки в июне. И все в таком духе, хотя, по сути, он безобиден. [Пауза] Извините, прозвучало как-то... Я имела в виду...

Э. С.: Ничего, миссис Филдинг. Я вас поняла.

* * *

– Итак, мистер Харпер, я детектив-сержант Гарет Куинн, а это мой коллега детектив-констебль Крис Гислингхэм. С Дерекком Россом вы уже знакомы. Вот эта леди будет вашим адвокатом.

Женщина у дальнего края стола поднимает голову, однако Харпер не реагирует. Кажется, он вообще не замечает ее присутствия.

– Мистер Харпер, вас арестовали сегодня в десять пятнадцать утра по подозрению в похищении и неправомерном лишении свободы. Вам зачитали обвинение и ваши права, и вы заявили, что все поняли. Теперь мы проведем официальный допрос, который будет записан.

– Тебя снимут на камеру, Билл. Ясно? – добавляет Росс.

Старик раздраженно прищуривается.

– Я что, похож на идиота? Все мне ясно. И для тебя, сынок, я *доктор* Харпер.

Куинн смотрит на Росса, и тот кивает.

– До тысяча девятьсот девяносто восьмого года доктор Харпер преподавал социологию в университете Бирмингема.

Куинн слегка краснеет – третий раз за утро. «Это рекорд», – мысленно отмечает Гислингхэм.

– Вы проживаете по нынешнему адресу с тысяча девятьсот семьдесят шестого года? – спрашивает Гарет, заглянув в папку. – Хотя работали в Бирмингеме?

Харпер смотрит на сержанта так, будто тот намеренно прикидывается тупым.

– Бирмингем – та еще дыра.

– То есть сюда вы переехали в семьдесят шестом году?

– Брехня. Одиннадцатого декабря семьдесят пятого года, в день рождения моей жены, – отвечает Харпер.

– Первая жена доктора Харпера умерла в девяносто девятом году, – быстро вставляет Росс. – Он женился снова в две тысячи первом, но, к сожалению, в две тысячи десятом году вторая миссис Харпер погибла в аварии.

– Тупая корова, – громко говорит Харпер. – Напилась. Напилась в стельку.

Росс смущенно поглядывает на адвоката.

– Коронер обнаружил повышенное содержание алкоголя в крови миссис Харпер на момент несчастного случая.

– У доктора Харпера есть дети?

Тот протягивает руку и стучит по столу перед Куинном.

– Говори со мной, сынок. Со *мной*, а не с этим идиотом.

– Ну так есть у вас дети? – обращается к нему сержант.

– Энни. Толстая корова. – Харпер кривит лицо.

Гарет берет ручку.

– Вашу дочь зовут Энни?

– Нет, – перебивает Росс. – Билл немного путается. Энни – это его соседка из сорок восьмого дома. Судя по всему, очень милая женщина. Она часто заходила к нему в гости, но в четырнадцатом году переехала в Канаду, чтобы быть поближе к сыну.

– Хочет скрайпить, дурында. Сказал ей, что у меня в доме такого не будет.

Куинн вопросительно смотрит на Росса.

– Он имеет в виду «скайпить», общаться по «скайпу». Билл не хочет пользоваться компьютером, так что их общение не продолжилось.

– Других родственников у него нет?

– По крайней мере, я не в курсе, – говорит Росс.

* * *

– У него точно есть сын, но как его зовут, не помню.

Сомер стоит на пороге дома № 7 уже пятнадцать минут. Надо было соглашаться на чай, хотя тогда она застряла бы тут на весь день. Миссис Гибсон тараторит без умолку.

– Сын, говорите? – Эрика просматривает записи. – О нем больше никто не упоминал.

– И неудивительно. Люди тут... не любят «вмешиваться». В моем детстве все было иначе. Раньше все присматривали друг за другом и знали своих соседей, а теперь мне и половина местных богачей неизвестна.

– Вы уверены, что речь идет о сыне?

– Джон, точно! Не сомневалась, что вспомню. Правда, я его давненько не видела. Средних лет, волосы седые...

Сомер делает записи.

– И когда вы видели его в последний раз?

Из коридора раздается шум, и миссис Гибсон, крикнув «брысь!», плотнее прикрывает дверь.

– Простите, дорогая. Чертова кошка вечно пытается выскочить тут на улицу, хотя в задней части дома у нее есть дверца. Кошки – они такие, всегда поступают по-своему, а сиамские тем более...

– Миссис Гибсон, можем вернуться к сыну мистера Харпера?

– Ах да. Думаю, он был здесь пару лет назад.
– К мистери Харперу приходит кто-нибудь еще?
– Ну, этот соцработник, наверное. – Миссис Гибсон кривится. – Толку от него ноль.

* * *

Куинн делает глубокий вдох.

– Чего вздыхаешь, сынок? Выкладывай уже на хрен. А то вид такой, будто присел потужиться.

Теперь засмушалась даже адвокат.

– Доктор Харпер, вы знаете, почему к вам сегодня пришла полиция?

Старик откидывается на спинку стула.

– Понятия не имею. Видать, этот придурок из соседнего дома жаловался на мусорные баки. Урод хренов.

– Да, нас вызвал мистер Секстон, но дело не в мусоре. Этим утром он был у себя в подвале, и часть стены обвалилась.

Харпер переводит взгляд с Куинна на Гислингхэма и обратно.

– Ну и хрен ли с того? Урод.

Детективы смотрят друг на друга. Они провели немало допросов и знают, что настал тот самый момент. Виновный с трудом контролирует язык своего тела, даже если он отличный и опытный лжец. Что-то обязательно выдаст его: блеск в глазах, дрожащие руки. Некоторые держатся отстраненно, другие нагло всё отрицают. Однако лицо Харпера не выражает никаких эмоций. Ничего.

– И у меня нет гребаного телика.

– Что, простите? – удивленно спрашивает Куинн.

Харпер наклоняется вперед.

– Дебил, что ли? *У меня нет гребаного телика.*

Росс беспокойно вставляет:

– Кажется, доктор Харпер хочет сказать, что ему не нужно платить за телевидение. Он думает, что из-за этого его сюда и привезли.

– Не надо мне говорить, что я думаю, – рявкает на него Харпер. – Чертов идиот. Жопу от сисек не отличит.

– Доктор Харпер, – обращается к старику Гислингхэм. – В вашем подвале нашли молодую женщину, поэтому вы здесь. С телевидением это никак не связано.

Харпер дергается вперед, тыкая пальцем в лицо Крису:

– *У меня нет гребаного телика.*

Куинн замечает беспокойство во взгляде Росса: ситуация выходит из-

под контроля.

– Доктор Харпер. В вашем подвале была девушка. *Как она там оказалась?*

Старик по очереди смотрит на полицейских, и впервые за время допроса у него бегают глаза. Гислингхэм достает из папки фотографию девушки и показывает Харперу.

– Вот она. Как ее зовут?

– Энни, – со злобой говорит Харпер. – Толстая корова.

Росс качает головой:

– Это не Энни, Билл. Ты же знаешь, что это не Энни.

Старик не обращает внимания на снимок.

– Доктор Харпер, вы должны посмотреть на фото, – настаивает Гислингхэм.

– Присцилла, – выдает Харпер, брызжа слюной. – Такая красотка. Развратная баба. Слонялась по дому, выставив сиськи напоказ.

Росс в отчаянии.

– Ты же прекрасно понимаешь, что это не Присцилла.

Не отводя глаз от Гислингхэма, Харпер протягивает скрюченную руку и сбрасывает снимок со стола вместе с телефоном Криса. Мобильный ударяется о стену и кусками падает на пол.

– Какого черта вы творите? – кричит Гислингхэм, вскакивая со стула.

– Доктор Харпер, – сквозь зубы цедит Куинн, – эта женщина сейчас в больнице. Врачи проведут полный осмотр, и, как только она сможет с нами поговорить, мы узнаем, кто она такая и как очутилась взаперти в вашем подвале. У вас есть возможность рассказать, что произошло. Вы осознаёте, насколько все *серьезно?*

Харпер плюет в лицо сержанту.

– Да пошел ты. Слышишь? *Иди на хрен!*

Воцаряется пугающая тишина. Гислингхэм боится даже глянуть на Куинна. Сержант достает из кармана платок и вытирает лицо.

– Думаю, нам лучше остановиться, офицер, – предлагает адвокат. – Что скажете?

– Допрос окончен в одиннадцать тридцать семь, – с ледяным спокойствием говорит Куинн. – Доктора Харпера отведут в камеру и...

– Господи, да вы посмотрите на него! Разве его можно держать под арестом? – возражает Росс.

– Мистер Харпер представляет опасность для окружающих и для самого себя, – невозмутимо отвечает Гарет и с напускной аккуратностью складывает бумаги. – В любом случае его дом теперь – место

преступления. Туда он вернуться не может.

Куинн встает и направляется к выходу, Росс бежит за ним в коридор.

– Я что-нибудь придумаю. Найду дом престарелых, где за Биллом будут присматривать...

Сержант разворачивается так резко, что оказывается почти вплотную к соцработнику.

– *Присматривать?* – шипит он. – Так вот чем вы занимались все эти месяцы – *присматривали за ним?*

Побледневший Росс делает шаг назад.

– Послушайте...

Куинн не дает ему сказать.

– Как долго она там пробыла, а? Вместе с ребенком? Два года? Три? И все это время ты ходил к старику, *присматривал*, день за днем. Ты, ты *один* бывал в этом доме. И ты *ничего* не замечал, серьезно? – Он тыкает пальцем в грудь Росса. – Лично я считаю, что арестовать нужно не только Харпера. Вам тоже придется ответить на *очень* серьезные вопросы, *мистер Росс*. Это не просто профессиональная халатность...

Тот поднимает руки, как бы защищаясь от Куинна.

– Вы *хоть* представляете, сколько у меня клиентов? Сколько бумажек я заполняю? А на дорогах вечно пробки, так что хорошо, если удастся зайти минут на пятнадцать и проверить, что человек нормально ест и не сидит в собственном дерьме. На обход дома времени ни хрена не остается.

– И вы *ничего* не видели и не слышали?

– Куинн, – зовет сержанта стоящий у двери Гислингхэм.

– Я никогда не был в этом чертовом подвале, – утверждает Росс. – Я вообще не в курсе, что он там *есть*...

Лицо Куинна становится багровым.

– Думаете, я в это поверю?

– *Куинн*, – настойчиво повторяет Гислингхэм.

Тот не реагирует, и тогда детектив разворачивает его в сторону коридора, схватив за плечо. Кто-то идет в их сторону.

Это Фаули.

* * *

На Фрэмpton-роуд Алан Чаллоу направляется по тропинке к дому, и полицейский в форме приподнимает оградительную ленту, впуская его. В защитном костюме Чаллоу весь вспотел – такой жары в этом году еще не было. Толпа увеличилась вдвое, а ее состав изменился. Первомайские гуляки разошлись; строители тоже решили, что с них на сегодня хватит. Не

считая пары соседей, теперь здесь стояли одни зеваки, жаждущие увлекательных сплетен или леденящих душу подробностей. Или же и того, и другого, если учесть, что половину из них составляли газетные писаки.

На кухне двое криминалистов из команды Чаллоу снимают отпечатки. Одна из них кивает Алану и опускает маску, чтобы поговорить с ним. Над верхней губой у нее собрались капельки пота.

– Впервые за долгое время радуюсь, что приходится работать в маске. Давненько тут не делали уборку.

– Где подвал?

– Сзади, – показывает она. – Мы сделали свет поярче, хотя стало только хуже. – Криминалист с мрачным видом поводит плечом. – Ну, ты и сам знаешь.

Еще бы, Чаллоу занимается этим уже двадцать пять лет. Спускаясь, он пригибает голову, чтобы не задеть лампочку, которую повесили над ступеньками. На кирпичные стены падает большая подрагивающая тень. Внизу его ждут еще двое криминалистов, которые осматривают скопившийся в подвале хлам.

– Понимаю, это настоящий геморрой, но придется отвезти все в отдел. Где была девушка?

– Вон там.

Чаллоу проходит к дальней комнатке. В круге света безжалостно блестит грязный пол; хорошо видно замусоленное постельное белье и унитаз посреди лужи смрада. Снова коробки с хламом. Картонный поддон из-под упаковки воды, в котором осталась всего одна бутылка, а еще полиэтиленовый мешок с пустыми банками и обертками, но никакой еды. В углу – детская кроватка, похожая на мышиную норку.

– Так, – наконец прерывает тишину Чаллоу. – Это нам тоже надо забрать.

Женщина-полицейский разглядывает трещину в общей стене. Кирпичи кое-где сломаны, известку расковыряли.

– Алан, – подзывает она. – Смотри.

Чаллоу наклоняется ближе и видит красные разводы на сырой штукатурке.

– Боже... Она пыталась процарапать путь к свободе.

* * *

Последний раз я встречал Дерекка Росса во время работы над делом Дейзи Мэйсон^[5]. Росс присутствовал на допросах ее брата, так что виделись мы часто. Было это год назад, хотя, глядя на него, можно

подумать, что прошли все пять. Волосы поредели, живот округлился, под глазом дергается сосуд. Впрочем, последнее, пожалуй, заслуга Куинна.

– Сержант Куинн, – обращаюсь я к нему. – Может, принесете всем нам кофейку? И не из аппарата.

Гарет смотрит на меня, то открывая, то закрывая рот.

– Сэр, я...

– Идем, я тебе помогу, – перебивает Гислингхэм, коснувшись локтя сержанта.

Типичная ситуация: Гис прекрасно знает, когда надо перестать копать, а вот у Куинна с собой целый набор лопат.

Я отвожу Росса в соседний кабинет. На экран без звука транслируется видео из комнаты для допросов. Адвокат встала и собирается уходить, Харпер боком сидит на стуле, подтянув колени к груди. Он выглядит маленьким, старым и очень напуганным.

Я ставлю перед Россом пластиковый стаканчик воды и сажусь напротив, немного отодвинувшись от стола. В области подмышек у Дерека влажные пятна, так что помещение наполняется резким запахом. Сидеть к нему близко не хочется, уж поверьте.

– Как поживаешь?

– Так себе, – отвечает Росс, настороженно глядя на меня.

Я откидываюсь на спинку стула.

– Расскажи-ка мне про Харпера.

Он немного напрягается.

– Я что, подозреваемый?

– Ты должен понимать, что являешься важным свидетелем.

– Да, вроде того, – со вздохом говорит Росс. – Что ты хочешь знать?

– Ты сказал моим ребятам, что ходил к Харперу всего раз в неделю. Как давно?

– Пару лет, может, больше. Надо проверить в документах.

– И надолго ты у него не задерживаешься?

Росс делает глоток воды, которая немного проливается на его брюки, но он, похоже, не замечает.

– Я не могу... у меня, черт возьми, не хватает времени. Seriously, я с удовольствием посидел бы с ним часок и потрепался бы о погоде, только нам урезали бюджет, и...

– Я тебя не обвинял.

– В отличие от вашего сержанта.

– За это я прошу прощения. Не забывай, он видел, в каком состоянии была девушка. Не говоря уже о ребенке. Его можно понять: Куинну

с трудом верится, что ты ходил туда все это время и ничего не слышал. Да и мне, честно говоря, тоже.

Несмотря на все мои слова, я и сам уже готов допрашивать Росса как подозреваемого, а пока я не буду убежден в его невинности, Харперу понадобится другой соцработник. Получить от него признание – и так работенка не из легких; не хватало еще других препятствий следствию.

Дерек ерошит рукой волосы. Точнее, то, что от них осталось.

– В этих домах очень толстые стены. Неудивительно, что я ничего не услышал.

– И в подвал ты не спускался?

Росс смотрит мне прямо в глаза.

– Говорю же, я вообще не знал про него. Думал, это просто кладовка.

– А что насчет второго этажа?

Росс качает головой:

– Сколько я знаю Билла, он обитает только на первом.

– Однако спуститься или подняться по лестнице он может?

– В случае необходимости – да, но он туда не ходит. Перед отъездом Энни устроила ему спальню из гостиной на первом этаже, а в пристройке есть простецакая ванна – для его нужд хватает. Боюсь представить, что творится наверху. Туда давно никто не ходил. Наверное, со смерти Присциллы.

– К нему не присылают уборщицу, например?

– Пробовали – он обложил ее матом, и больше она туда не пошла. Я иногда вытираю пыль и заливаю в сортир хлорку. Времени-то мало.

– Еду тоже ты покупаешь?

– Когда у Билла отобрали водительские права, я устроил доставку из супермаркета с помощью местной благотворительной организации, которая помогает старикам. Это было года полтора назад. С его банковского счета регулярно списывается определенная сумма. Денег у него много. Ну, не то чтобы прямо-таки много, но достаточно.

– Почему он не продаст дом? Тот ведь стоит целое состояние. Даже в таком жалком виде.

Росс кривится:

– Да, этот сосед-богачей выложил за свою часть три миллиона. А Билл, он отказывается переезжать в дом престарелых, хотя с артритом за последний месяц стало только хуже. Врач скоро назначит ему лекарства от болезни Альцгеймера, и кто-то должен следить, чтобы он вовремя их принимал. Я с этим не справлюсь. Старик один в доме – рано или поздно с ним что-нибудь случится. Как я говорил, раз он уже обжегся.

– Ты обсуждал с ним переезд?

Дерек делает глубокий вдох.

– Да, недель шесть назад. Я пытался объяснить, что так будет лучше, но ему эта идея пришлась не по душе. Начал кричать на меня, бросаться вещами, вот я и замолчал. Правда, хотел снова затронуть тему на этой неделе. Освободилось место в «Ньюстед-хаусе» в Уитни, там один из лучших домов престарелых. Что теперь с ним будет...

Росс допивает воду. Я наливаю еще.

– Тебе не приходило в голову, – осторожно подбираю слова, – что переезжать он не хотел как раз из-за девушки?

Бледнея, Росс ставит стаканчик обратно на стол.

– Харпер не мог уехать, ведь тогда бы ее нашли. И отпустить ее он не мог по той же причине.

– Так что же он собирался делать?

Я пожимаю плечами:

– Не знаю. Надеялся, что ты мне...

Из коридора доносится шум, и Гислингхэм вдруг распахивает дверь.

– Босс, кажется...

Я уже проталкиваюсь мимо него.

В соседнем помещении двое констеблей удерживают Харпера. Трудно поверить, что это тот самый старикан, – он размахивает руками, лягается, кричит на женщину-полицейского:

– *Сука!*

Та, хоть и опытная сотрудница, заметно потрясена. На щеке у нее царапина, по форменной рубашке расплывается мокрое пятно.

– Я просто принесла ему чай, – запинаясь, говорит она. – А он сказал, что слишком горячо, что я пытаюсь обжечь его, а я ничего такого... ничего...

– Конечно. Иди-ка присядь, и пусть кто-нибудь займется твоей щекой.

Она прижимает руку к лицу.

– Я даже не почувствовала...

– Думаю, это всего лишь царапина, но все равно стоит осмотреть.

Моя коллега кивает, и я увожу ее из комнаты. Харпер, вырываясь, кричит ей вслед:

– *Сука!* Вот кого нужно арестовать, идиот хренов! Она пыталась меня ошпарить. *Мерзкая корова!*

* * *

Когда я возвращаюсь к Россу, то вижу, что он следит за происходящим

на экране, и некоторое время я наблюдаю за тем, как наблюдает он.

– Так какой же из них настоящий Билл Харпер? – наконец спрашиваю я. – Тот, что трясется в углу, как напуганный ребенок, или тот, что нападает на моих офицеров?

– Это все болезнь, – качает головой Росс. – Именно так она и проявляется.

– Возможно. Или же болезнь лишь ослабляет самоконтроль, а он всегда был жестоким, просто старался сдерживать эмоции. Умел с ними справляться. Скрывать их.

Росс повернулся в мою сторону, но смотрит куда-то мимо. Он явно что-то не договаривает.

Я не сразу прерываю тишину.

– Ну же, Дерек? – Делаю шаг в его сторону. Он бросает на меня взгляд и тут же, краснея, отводит глаза. – Что еще скрывает Уильям Харпер?

* * *

Констебль Верити Эверетт уже два часа ждет в больнице имени Джона Рэдклиффа. Большинство людей терпеть не могут лечебные учреждения, однако до работы в полиции Эверетт училась на медсестру, а потому обстановка не кажется ей гнетущей. Напротив, успокаивает. В отделении «скорой помощи» каждый знает свое место и свои обязанности. Белые халаты и белый шум действуют на Верити умиротворяюще. В последнее время она плохо спит, да и в коридоре душновато, так что ей очень хочется прикрыть глаза и уснуть, пусть даже на жестком пластиковом стуле. Наверное, она уже задремала, потому что когда кто-то коснулся ее руки, Эверетт резко вздернула голову и выпрямилась.

– Констебль Эверетт?

Открыв глаза, она видит лицо врача – доброе, обеспокоенное.

– Вы в порядке?

Верити спешит взбодриться. Шея затекла.

– Да, простите. Похоже, отключилась на минутку.

Доктор улыбается. Такой симпатия, прямо Идрис Эльба^[6] со стетоскопом.

– А может, и дольше. В любом случае не стоило вас беспокоить.

– Как она?

– Боюсь, ничего нового я не сообщу. Как и подозревали парамедики, девушка обезвожена и давно нормально не питалась. Похоже, других серьезных проблем нет, однако в какой-то момент она сильно встревожилась, из-за чего полный осмотр мы пока отложили. Сейчас от

этого будет больше вреда, чем пользы. Мы дали ей успокоительное, пусть немного поспит.

Эверетт встает и на негнущихся ногах, будто старая бабка, идет к палате. Заглядывает в окно: девушка лежит на койке, спутанные темные волосы разметались по подушке, рука сжимает одеяло. Под глазами у нее темные круги, лицо осунулось, хотя все равно видно, что она была – да и *остаётся* – красивой.

– А где мальчик? – спрашивает Эверетт у врача.

– Сейчас он у педиатра. Поразительно, но малыш в довольно хорошем состоянии. Учитывая ситуацию.

– Она ничего не говорила? Никаких имен? Как долго она там пробыла? Хоть что-нибудь?

– Нет, простите, – качает головой доктор.

– Когда можно будет с ней поговорить? Это очень важно.

– Понимаю, однако самочувствие пациента на первом месте. Придется подождать.

– Она поправится?

Врач подходит к окну палаты и смотрит на озабоченное лицо Эверетт.

– Честно говоря, больше всего меня беспокоит ее душевное состояние. После того, через что прошла бедняжка, ей нужно как следует отоспаться. Сейчас это – лучшее лекарство, а потом посмотрим.

* * *

– Дерек, не молчи. Если ты видел хоть что-нибудь... любая мелочь поможет.

Росс смотрит на меня и сжимает пластиковый стаканчик с такой силой, что тот вдруг трескается, а вода течет по его брюкам.

– Ладно, – после долгого молчания говорит он, вытирая одежду. – Где-то полгода назад, в декабре, одна соседка сказала, что видела Харпера на улице в одних тапочках, вот мне и пришлось заехать, чтобы найти его обувь. Он начал терять вещи, забывал, где что лежит... В общем, я решил, что его ботинки, наверное, под кроватью.

– И ты нашел их там?

Росс качает головой:

– Нет, но я нашел коробку со всякими журналами.

Я понимаю его без лишних намеков.

– Порнушка?

– Причем жесткая, – после заминки отвечает Дерек. – Садомазо, пытки... Что-то вроде того, особо я не разглядывал.

«В отличие от Харпера», – мысленно продолжаю за него я.

Наступает тишина. Неудивительно, что он боялся говорить об этом.

– Как думаешь, где он такое достал? – интересуюсь я.

Росс пожимает плечами:

– Точно не через Интернет. Во всяких женских журналах, если присмотреться, бывают объявления мелким шрифтом. В то время он еще иногда сам ходил в магазин.

– Коробка по-прежнему на месте?

– Скорее всего. Я просто засунул ее обратно, так что если Билл и заметил что-нибудь, то промолчал. Но знаете, гадкие журнальчики – это одно, а вот похитить девушку и запереть ее в подвале – совсем другое.

Лично я не был бы так уверен. Видел я, что творит деменция с людьми. В первые месяцы никто, даже сам Харпер, не осознает, что болен. Он еще полон сил и решительности, однако личность его, меняясь, ожесточается. Действительно ли Харпер превратился в другого человека или просто стал более суровой и безжалостной версией себя прежнего?

Встаю и выхожу в коридор, оставляя Росса одного. Стоявший у кулера с водой Гис подходит ко мне.

– Есть что-нибудь?

– Не особо. Говорит, как-то раз нашел в доме стопку журналов с жестким порно. Пусть Чаллоу и его ребята обыщут не только цокольный этаж и подвал. Вдруг найдется еще что-то...

– Хорошо.

– И давайте покопаемся в прошлом Харпера. Начни с университета, где он работал. Это было не так уж давно, двадцать лет назад; наверняка его помнят.

* * *

Беседа по телефону с Луизой Фоли, начальником отдела кадров Бирмингемского университета

1 мая 2017 года, 13.47

Беседу провел детектив-констебль К. Гислингхэм

К.Г.: Простите, что беспокою вас в праздничный день, однако мы надеялись получить у вас кое-какую информацию об Уильяме Харпере. Если не ошибаюсь, он преподавал в Бирмингеме до конца 90-х?

Л.Ф.: Да, все верно. Меня тогда еще не было в университете, но я знаю, что доктор Харпер работал на факультете социальных наук и специализировался на теории игр. Кажется, он написал знаменитую статью по ролевым играм. Очень прогрессивную для тех времен.

К.Г.: Что еще можете рассказать про этого гения?

Л.Ф.: Он ушел на пенсию в девяносто восьмом, констебль. Это было очень давно.

К.Г.: Понимаю, хотя компьютеры ведь уже имелись? Не доисторическая эпоха-то... Должны же быть какие-то записи.

Л.Ф.: Разумеется, но вам прекрасно известно, что я не имею права

разглашать личную информацию – такова наша внутренняя политика. У вас есть разрешение от доктора Харпера?

К.Г.: Нет, и оно мне не нужно, если требуемая информация необходима для ареста или уголовного преследования обвиняемого. Закон об охране информации, пункт 29 (3), если желаете проверить.

Л.Ф.: Что он натворил? Вы же не просто так звоните. Дело не в каком-нибудь там штрафе за парковку, иначе вы не стали бы... [Пауза] Постойте, это из-за той девушки в подвале, о которой говорят во всех новостях? Его возраст как раз...

К.Г.: Боюсь, мисс Фоли, я не вправе сообщать подробности. Не могли бы вы просто скинуть мне нужные файлы на почту? Это сэкономит всем нам кучу времени.

Л.Ф.: Мне понадобится разрешение от директора по кадрам. Однако если у вас есть конкретные вопросы, я попробую ответить.

К.Г.: [Пауза] Тогда расскажите мне, почему он ушел с работы.

Л.Ф.: В смысле?

К.Г.: Ну, я вроде еще не забыл математику – в девяносто восьмом Харперу было пятьдесят семь лет. А во сколько обычно уходят на пенсию университетские преподаватели, лет в шестьдесят пять или даже в семьдесят?

Л.Ф.: [Пауза] Судя по личному делу, доктор Харпер вышел на пенсию раньше по обоюдному соглашению с университетом.

К.Г.: Ясно. И какова была настоящая причина?

Л.Ф.: Я не понимаю, о чем вы...

К.Г.: Да ладно вам, мисс Фоли, вы же знаете, что на языке отдела кадров эта ранняя отставка означает «нам пришлось от него избавиться».

Л.Ф.: [Пауза] К сожалению, на данный момент я больше ничего не могу вам сказать. Мне нужно переговорить с директором и получить его разрешение на отправку вам документов. Предупреждаю, что директор сейчас в Китае и быстро с ним связаться не получится.

К.Г.: Что ж, тогда приступайте, не стану больше мешать.

* * *

Би-би-си Мидлендс Сегодняшние новости

Понедельник, 1 мая 2017 года | Последнее обновление в 14.52

Девушка и ребенок из оксфордского подвала: полиция публикует официальное заявление

Полиция долины Темзы сделала краткое заявление по поводу девушки и маленького мальчика, найденных сегодня утром в подвале дома по Фрэмpton-роуд в Оксфорде. Пострадавших отправили в больницу имени Джона Рэдклиффа, где ими занимаются врачи и социальные работники.

Личность молодой женщины пока не разглашают; тот факт, что мальчик приходится ей сыном, тоже еще не подтвержден. Свидетели с места происшествия сообщают, что девушка была в сознании, когда ее увозили парамедики.

По словам соседей, дом, о котором идет речь, принадлежит некому Уильяму Харперу, живущему в нем уже двадцать лет. Утром мистер Харпер уехал в сопровождении офицеров полиции, его состояние описывают как «встревоженное».

* * *

На верхних этажах дома номер 33 по Фрэмpton-роуд все шторы задернуты. В воздухе столбом стоит пыль, углы в паутине. Ковер на лестнице проеден, и криминалист Нина Мукерджи старается не наступить на россыпь круглых катышков. Она заглядывает в хозяйскую спальню: на кровати лишь голый матрас с огромным заплесневелым пятном в центре. На стене справа – пустой стеклянный шкафчик-витрина; туалетный столик завален помадами, духами и салфетками с отпечатками красных губ. Крем в открытой баночке засох до состояния цемента.

К Нине подходит коллега.

– Черт, прямо как на «Марии Селесте»^[7], – говорит он.

– Или как мисс Хэвишем из «Больших надежд»^[8]. У меня от этого фильма мурашки по коже.

– Так когда умерла его вторая жена?

– В две тысячи десятом. Попала в аварию.

Второй криминалист осматривается, идет к прикроватному столику и проводит рукой в перчатке по поверхности с толстым слоем пыли.

– Готов поспорить, старик давно сюда не заходил.

– Так бывает, когда теряешь близких. Моя бабушка долго отказывалась выкидывать вещи покойного деда. Считала, что даже спустя годы после его смерти это было бы кощунством.

Коллега поднимает фоторамку, лежавшую лицом вниз, и показывает Нине.

– Внизу тоже есть ее снимки. Привлекательная женщина. Не мой типаж, но привлекательная.

Присцилла Харпер смотрит прямо в камеру, изогнув бровь и держа

руку на бедре. Она выглядит уверенной и невозмутимой.

И тратить на нее явно приходилось немало.

Нина открывает шкаф и достает несколько вещей: вечернее платье ярко-красного цвета с глубоким вырезом, кашемировое пальто, отороченное мехом, бледно-зеленая блузка с гофрированным воротником.

– Это настоящий шелк. У нее были дорогие запросы.

– Загнать бы на «И-бэй», если б не дырки от моли.

– Спасибо за совет, Клайв. – Нина морщится и возвращает одежду в шкаф. – Управление всерьез приказало все это упаковать? Мы же проторчим тут целую неделю.

– Кажется, больше всего Фаули интересовался порнушкой, так что, если под кроватью нет плеток и других садомазохистских штучек, можем закругляться с этим этажом. Я еще проверю наверху, хотя, по-моему, там пусто. Только каркас металлической кровати и стопка старых номеров «Дейли телеграф».

Нина открывает ящик прикроватной тумбочки – раздается стук пластиковых флакончиков из-под таблеток.

– Ого, ну и запасы, – говорит Клайв. Нина складывает их в пакет для улик: в основном снотворное, на всех этикетках написано имя Присциллы Харпер.

– Внизу нашлось что-нибудь? – спрашивает Нина.

– Кроме похабных журнальчиков? В столе полно писем и старых счетов. Не знаю, какой от них толк, но на всякий случай тоже возьмем. Из подвала уже почти все унесли.

Нина вздрагивает.

– У меня перед глазами стоят эти кровавые царапины на штукатурке. Бедняга, наверное, помутилась рассудком, раз дошла до такого... Страшно подумать.

– Мне кажется, она их слышала.

– В смысле?

– Представь, – с мрачным видом говорит Клайв, – по соседству лет тридцать жила старая бабка, и тут вдруг пару недель назад появляются рабочие. За стенкой она впервые услышала людей. Хотела добраться до них.

* * *

Время 15.15. Учитывая проблемы с допросом Харпера, я решил отложить это дело до тех пор, пока мы не поговорим с девушкой – правда, она все еще накачана успокоительными. Вытянуть что-нибудь из мальчика

мы даже не надеемся. Криминалисты получают предварительные результаты лишь через несколько часов. Все это значит, что меня достает суперинтендант, в пресс-службе царит хаос, а в отделе полно заряженных тревожной энергией людей, которым нечем заняться. Гислингхэм пробует отыскать коллег Харпера по университету и доставщиков еды из супермаркета, Бакстер смотрит списки пропавших без вести – вдруг хоть кто-то подойдет под описание пострадавшей. Он – настоящий энтузиаст своего дела, любит копаться в компьютере, однако час спустя, когда я заглядываю к Бакстеру, то вижу, что он устало хмурит брови.

– Ничего не нашел?

– Ни хрена. У нас нет имени, мы не знаем, откуда она и сколько времени провела в этом подвале. Неизвестно даже, заявлял ли кто-нибудь о ее пропаже. Можно месяц копаться, и всё без толку. Даже через программу распознавания лиц нельзя найти человека, если его нет в базе.

* * *

Отправлено: Пн 01/05/2017 в 15.45

От: AnnieGHargreavesMontreal@hotmail.com

Кому: D. Ross@SocialServices.ox.gov.uk

Тема: Билл

Спасибо за письмо. Как раз сейчас читаю новости, а фотографии с Фрэмpton-роуд показывают даже по канадскому телевидению. Сравнивают его с тем ненормальным из Австрии, который долгие годы держал в подвале свою дочь. Разве Билл мог сделать что-то подобное? Да, он всегда был человеком радикальным, но только не жестоким. Присцилле я не знала, однако, как я понимаю, после нее Билл с другими женщинами не встречался. А если и встречался, то мне не рассказывал. Психолог, наверное, сказал бы, что я чересчур наивна и такие люди умеют скрывать свою сущность. Неужели это никак не проявляется? Извини за сумбурные размышления, тут еще раннее утро и я никак не могу поверить в услышанное. Прямо как те люди, у которых журналисты берут интервью о каком-нибудь маньяке, а они лишь бестолково повторяют: «Он казался таким спокойным парнем...» В общем, дай мне знать, если понадобится помощь.

* * *

Сомер стоит на углу Чиннор-плейс. Отсюда видно, как криминалисты

выносят коробки из дома номер 33 по Фрэмpton-роуд и загружают все в фургон. На другой стороне улицы припаркованы два микроавтобуса телевизионщиков. Сомер третий раз звонит в звонок. Похоже, в этом доме никого нет, хотя, судя по количеству велосипедов, мусорных баков и общему состоянию жилья, здесь обитают студенты. Таких общаг почти не осталось. Тридцать лет назад никому не были нужны дома монструозных размеров, которые трудно содержать, вот большинство из них и разделили на жилые комнаты либо по дешевке продали университетским кафедрам. Теперь все иначе. Сейчас эти строения вновь превращаются в семейные дома, какими их и задумывали викторианские архитекторы. Места в них хватает даже для домашнего персонала, живущего вместе с хозяевами. Марк Секстон – лишь один из последователей современного тренда.

Сомер звонит в последний раз и уже собирается уходить, когда дверь наконец-то открывают. Рыжий парень лет двадцати, зевая, потирает шею. Наверное, только что проснулся. Коридор заставлен пустыми бутылками, изнутри идет запах несвежего пива. Глянув на Сомер, юноша делает притворно испуганный вид.

– Вот черт.

Она улыбается:

– Констебль Эрика Сомер, полиция долины Темзы.

Парень шумно сглатывает.

– Старые пердуны опять жаловались на шум? Ну серьезно, мы ведь не так уж громко...

– Дело не в этом, мистер...

– Дэнни. Дэнни Абрахамс.

– Хорошо, Дэнни. Я хотела спросить про дом на соседней улице. Дом номер тридцать три, там живет мистер Харпер. Ты его знаешь?

Дэнни почесывает шею. Кожа покрасневшая, много прыщей.

– Это который псих?

– Так ты его знаешь?

Парень качает головой:

– Да он просто ходит тут и разговаривает сам с собой. Однажды принес нам упаковку пива. Вроде ничего такой.

Сомер достает мобильный и показывает ему фотографию найденной девушки.

– А ее когда-нибудь видел?

Дэнни всматривается в экран.

– Понятия не имею, кто это.

– Твои соседи дома?

– Не в курсе. Вряд ли. Выпускные экзамены, знаете ли... Все, наверное, в библиотеке.

Сомер убирает телефон и дает парню визитку.

– Если у кого-нибудь из них есть информация о мистере Харпере, пусть позвонят по этому номеру.

– Что он натворил-то? Светил хозяйством перед местными бабками?

– С чего ты взял?

Дэнни краснеет.

– Да я просто...

– Передай друзьям мои слова, ладно?

Сомер разворачивается и уходит, оставив парня недоумевать, что вообще происходит. Его неведение длится всего минуты полторы.

– Черт. – Дэнни просматривает ленту новостей на мобильном. – Черт, черт, черт...

* * *

ОТДЕЛ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Схема-набросок места преступления

Адрес: Фрэмpton-роуд, д. 33, Оксфорд

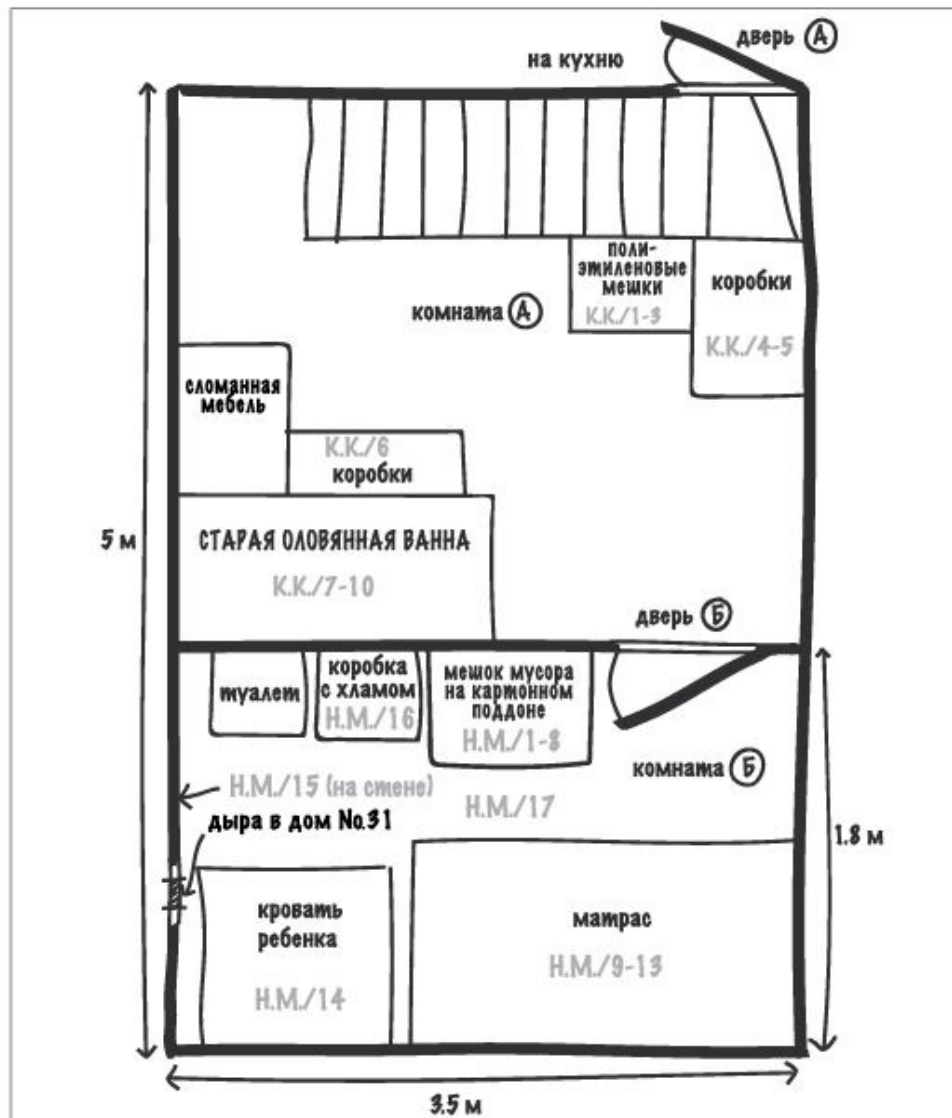
Номер дела: КЕ2308/17J

БЕЗ СОБЛЮДЕНИЯ МАСШТАБА

Криминалисты: Алан Чаллоу, Нина Мукерджи, Клайв Киминг

Дата: 1 мая 2017 года

Время: 10:00

Подписано: ОМП №1808, Дж.Дж. Гэтинс

Дата: 1 мая 2017 г.

Страница 1 из 2

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО (по завершении)

ОТДЕЛ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Схема-набросок места преступления

Адрес: Фрэмpton-роуд, д. 33, Оксфорд

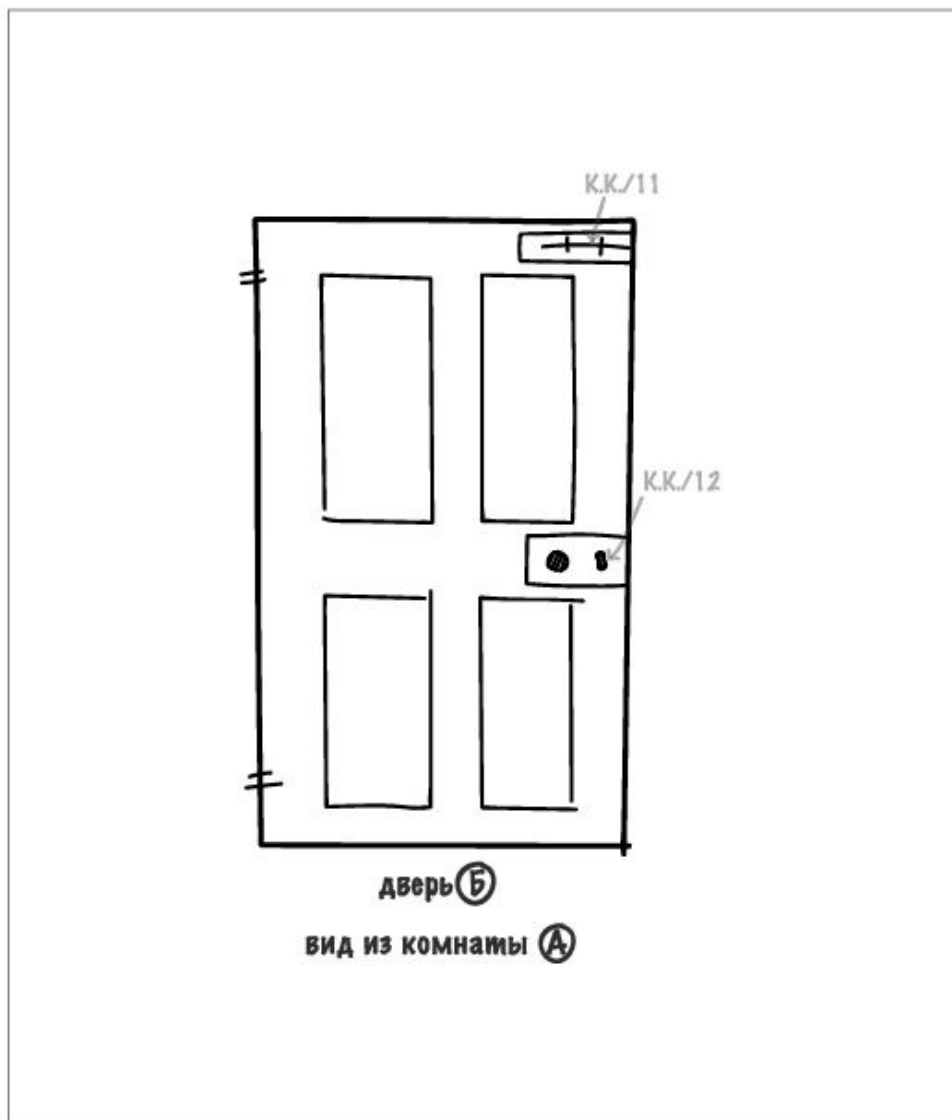
Номер дела: КЕ2308/17J

БЕЗ СОБЛЮДЕНИЯ МАСШТАБА

Криминалисты: Алан Чаллоу, Нина Мукерджи, Клайв Кининг

Дата: 1 мая 2017 года

Время: 10:00

Подписано: ОМП №1808, Дж.Дж. Гэтинс

Дата: 1 мая 2017 г.

Страница 2 из 2

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО (по завершении)

РАСШИФРОВКА УЛИК

К.К./1–3 – несколько пустых упаковок из полиэтиленовых мешков рядом с лестницей в подвале (комната А), взяты для получения более качественных отпечатков с помощью химической обработки.

К.К./4–5 – частичные отпечатки с клейкой ленты, которой была запечатана коробка рядом с лестницей в подвале (комната А).

К.К./6 – отпечатки с глянцевого клапана картонной коробки в подвале (комната А).

К.К./7–10 – отпечатки с наружной поверхности предметов из старой оловянной ванны в подвале (комната А).

К.К./11 – частичный отпечаток с засова на двери Б в подвале (наружная сторона, вид из комнаты А).

К.К./12 – частичные отпечатки со связки ключей в замке двери Б в подвале (наружная сторона, вид из комнаты А).

Н.М./1–5 – несколько пустых упаковок, коробок и контейнеров из-под еды из мешка мусора в подвале (комната Б), взяты для получения более качественных отпечатков с помощью химической обработки.

Н.М./6–8 – отпечатки с пустых пластиковых контейнеров из мешка мусора в подвале (комната Б).

Н.М./9 – темная наволочка с белыми пятнами (предварительный тест на слюну – положительный), взята с матраса в подвале (комната Б).

Н.М./10 – серая простынь с многочисленными белыми пятнами (предварительный тест на слюну и сперму – положительный), взята с матраса в подвале (комната Б).

Н.М./11 – белое одеяло с красными пятнами (предварительный тест на кровь – положительный), взята с матраса в подвале (комната Б).

Н.М./12–13 – женское нижнее белье с белыми пятнами (предварительный тест на сперму – положительный), взято с матраса в подвале (комната Б).

Н.М./14 – постельное белье с небольшим красным пятном (предварительный тест на кровь – положительный), взято с кровати ребенка в подвале (комната Б).

Н.М./15 – влажные и сухие мазки красных разводов (предварительный тест на кровь – положительный), взято с общей стены в подвале (комната Б).

Н.М./16 – коробка с разнообразными предметами, включая несколько старых книг, взята в подвале (комната Б).

Н.М./17 – фонарик с севшими батарейками, взят в подвале (комната Б).

* * *

Констебль Бакстер находит меня в столовой, где я покупаю сэндвич.

– Кажется, что-то есть, – слегка запыхавшись, говорит он. Жена советует Бакстеру ходить по лестнице – хоть какая-то физическая активность.

– По девушке?

– Нет, по Харперу. Пока я копался в списках пропавших без вести, решил пробить Харпера по нашей системе.

– И что?

– Никаких нарушений. Даже скорость не превышал. Может, конечно, медленно ездил вдоль тротуаров, пытаюсь подцепить кого-нибудь, но за этим делом его никто не поймал. Однако полицию дважды вызывали в его дом на Фрэмpton-роуд, в две тысячи втором и две тысячи четвертом. Обвинения не были выдвинуты, а по записям, довольно обрывочным, можно понять, что речь идет о бытовом насилии.

– Кто выезжал на вызов?

– Джим Николлс, оба раза.

– Попробуй найти его. Если память мне не изменяет, Николлс вышел на пенсию и уехал в Девон. В отделе кадров должен быть новый адрес. Свяжись с ним, пусть он мне позвонит.

* * *

Блин, чувак, ты видел новости? Этот тип с соседней улицы, он просто чертов псих. Запер какую-то девчонку в своем подвале... Ко мне только что приходила полиция. Не знаю, сказать ли им.

Ни хрена не говори! Проблем не оберемся. Помалкивай, ладно?
Девчонку узнал?

Не-а, первый раз видел.

Ну вот и заткнись на хрен, понял?

* * *

– Билл Харпер? Вот так привет из прошлого...

Рассел Тодд – уже четвертый бывший коллега Харпера, которому звонит Гислингхэм. Первые два умерли, у третьего проблемы с памятью, а вот Тодд не просто в добром здравии, но еще и очень разговорчив.

– Значит, вы его помните? – спрашивает Гислингхэм, стараясь не радоваться раньше времени.

– Конечно. Когда-то мы тесно общались, хотя это было давно. А в чем дело?

– Что вы можете о нем рассказать?

На том конце трубки слышится долгий выдох.

– Ну-у-у, – говорит Тодд, – работник из него был не первоклассный. В академическом смысле. При этом сам-то он ставил себя выше всех и считал, что оказаться в Бирмингеме для него унижительно. Жена его родом отсюда, наверное, поэтому они тут и обосновались. И все же Харпер был хорош. Знал свое дело. Он даже опубликовал статью, которая наделала много...

– Что-то там про ролевые игры?

– А, так вы в курсе? Между нами говоря, работа Билла просто оказалась в нужном месте в нужное время. Ничего оригинального в плане рассуждений, однако он исследовал эту тему в применении к интернет-играм – или как они там называются. Дело было в девяносто седьмом, Сеть только начинала развиваться, так что его публикация стала настоящим прорывом.

В тоне говорящего слышится все больше язвительности, и Гислингхэм понимает, что Тодд завидует коллеге. Ох уж эти ученые, вечно готовы всадить нож в спину другому... «А тебя-то кто-нибудь считал первоклассным?» – мысленно думает он про своего собеседника.

– В общем, – продолжает Тодд, – после тридцати лет преодоления крутых академических склонов Билла вдруг начинают обхаживать люди из Стэнфорда и Массачусетского технологического. Если верить слухам, его даже звали в Гарвард.

– И что случилось?

Тодд издает не очень приятный смешок. Гислингхэма он уже раздражает.

– Прямо шекспировская трагедия. Герой взбирается на пьедестал – и вдруг теряет все. Дом уже был выставлен на продажу, чемоданы собраны, и тут – на тебе. Все коту под хвост. Хотя, учитывая обстоятельства, точнее бы упомянуть метафору другой части тела.

– Я догадываюсь какой, – отзывается Гислингхэм.

– Да, боюсь, змея Билла сунулась не в ту норку. Дело, конечно, замяли,

но американцев к тому времени и след простыл. Женатый мужчина связывается со студентками – щепетильные янки такого не потерпят.

– С тех пор вы не общались?

– Не особо. Слышал, его жена умерла. Вроде рак груди. Не знаю, нашел ли он другую работу, или, может, ему и не требовалось ее искать. Супруга-то была при деньгах.

– И подобный случай – единственный? Или Харпер не раз приставал к студенткам?

– Нет-нет, это как раз было очень на него не похоже. Ирония заключалась в том, что если администрация хотела наказать кого-то в пример другим, в кампусе имелись куда более заядлые бабники – как среди преподавателей, так и среди студентов. Не то что сейчас – соскочили штаны, и на тебя уже подают в суд.

О да, старые, добрые времена, когда можно было домогаться в любое время суток... «Урод», – беззвучно произносит Гислингхэм.

– Раз уж на то пошло, – добавляет Тодд, – он был человеком очень строгих правил, если вы меня понимаете. Вот уж никогда не подумаешь.

– И правда, – говорит Крис сквозь зубы. – Не подумаешь.

* * *

Американский журнал социальных и когнитивных наук

Том 12, выпуск № 3, осень 1998 года

Подземелья и девицы в беде: ролевые игры во Всемирной сети Интернет

Уильям М. Харпер, доктор философии,
Университет Бирмингема

Аннотация

В статье рассматриваются потенциальные возможности многопользовательских ролевых игр (RPG) в электронной сети связи, известной под названием «Всемирная паутина». Доступ к этой технологии пока есть не у всех желающих, но она может позволить нескольким игрокам, находящимся в разных географических зонах и часовых поясах, взаимодействовать в реальном времени посредством компьютерных терминалов. Статья исследует когнитивные и психосоциальные последствия «удаленной игры», включая влияние анонимных компьютерных «лиц» на доверие между игроками и на процесс принятия решений. Автор также изучает возможные последствия длительного

воздействия жестокого виртуального мира, в том числе проблемы с сопереживанием, рост межличностной агрессии и иллюзорное ощущение личного всемогущества.

* * *

В начале пятого Эверетт стоит рядом с медсестрой и смотрит на мальчика через стеклянную перегородку. Жалюзи опущены, ребенок в детском манеже – рассматривает игрушки. Кубики, самолет, красно-зеленый поезд. То и дело он, протянув ручонку, трогает какую-то из них. Темные волосы по-девчачьи висят длинными кудряшками. В комнате есть еще и женщина, она устроилась на стуле в дальнем углу.

– Так никого и не подпускает?

Медсестра качает головой. Судя по бейджу на форме, ее зовут Дженни Кингсли.

– Бедняжка... Врач осмотрел его, мы взяли кое-какие анализы, однако стараемся сильно его не напрягать. Особенно после того, как отреагировала мама.

Сестра Кингсли видит немой вопрос в глазах Эверетт.

– Мы немного привели мальчика в порядок и отнесли к матери, а та, едва завидев его, принялась кричать. Прямо-таки *орать* во все горло. Мальчишка весь напрягся и тоже зашелся криком. Мать получила дозу успокоительного, а его вернули сюда. От подобного стресса им обоим сейчас было бы только хуже.

– Он ничего не говорил?

– Нет. Мы сомневаемся, что он вообще *умеет* говорить. Учитывая, в каких обстоятельствах находился ребенок и что он перенес, неудивительно, что его развитие заторможено.

Эверетт опять смотрит на мальчика, и на мгновение они ловят взгляд друг друга. Глаза у него темные, на щеках легкий румянец. Затем мальчик отворачивается и, прижавшись к стенке манежа, закрывает лицо рукой.

– Он все время так делает, – сообщает медсестра. – Может, никак не привыкнет к свету, хотя за долгое время в темноте зрение, вероятно, нарушилось... На всякий случай мы решили опустить жалюзи.

– Так хочется обнять его и избавить от страданий, – говорит Эверетт, наблюдая за малышом.

– Точно, – вздыхает Дженни Кингсли. – Прямо сердце разрывается.

* * *

Первое совещание по делу начинается в пять вечера. Когда я захожу

в оперативный штаб, команда почти в сборе, а Куинн прикрепляет к доске те немногие материалы, которые у нас имеются: снимки дома и девушки, карта города. Обычно этим занимается Гис. Видимо, Гарет хочет показать, что от него тоже есть толк.

– Итак, – начинает он, – Эверетт все еще в больнице, но когда ее пустят поговорить с девушкой, пока неизвестно.

– Будем отталкиваться от предположения, что это ребенок Харпера? – спрашивает один из констеблей с задних рядов.

– Да, – отвечает Куинн. – Такова рабочая гипотеза.

– Может, провести анализ ДНК? Тогда получим доказательство того, что он изнасиловал девушку.

– Все не так просто, – вступаю я в разговор. – Девушка не в состоянии дать разрешение, однако я привлек к делу соцслужбы, а криминалисты тем временем проверяют постельное белье из подвала. Если повезет, у нас будет все необходимое.

Я киваю Куинну.

– Отлично. Обход домов на Фрэмpton-роуд ничего не дал, – продолжает тот. – Все знают Харпера как ненормального, но при этом никто не считает его опасным. Одна соседка утверждает, что у Харпера есть сын по имени Джон, хотя нам известно, что это не так. Либо старушка ошибается...

– Еще одна сумасшедшая, – бормочет кто-то. Слышится смех.

– ...либо Джон и *вправду* существует, и он часто навещал Харпера, не являясь при этом его сыном. Надо узнать, кто это, даже если человек не причастен. И не забывайте: возможно, этот «Джон» понятия не имел о том, что происходит в подвале старика. Не стоит делать скоропалительных выводов.

– Как ты с тем соцработником?

Мне не видно говорящего, и на этот раз никто не смеется. Куинн смотрит себе под ноги. Наступает неловкая пауза, но я не собираюсь его вытаскивать. На помощь приходит Гислингхэм. Похоже, эти двое все же уладили разногласия. После назначения Куинна сержантом между ними разразилась настоящая война, однако, став отцом, Гислингхэм смягчился. Или же он просто вымотан. Я его понимаю.

– Я говорил с коллегой Харпера по Бирмингемскому университету. В девяностых старик закрутил с одной студенткой, однако ничего извращенного в той истории не было. Из отдела кадров обещали прислать полное досье – может, узнаем больше. Кстати, в те годы Харпер написал статью про ролевые игры в Интернете и их влияние на людей: мол, игроки

начинали считать жестокость приемлемой, так как она виртуальная. Статья называется «Подземелья и девицы в беде» – жуть, правда?

– А что насчет разносчиков из супермаркета? С ними кто-нибудь говорил?

– Да, – отзывается констебль с заднего ряда. – Они тоже ничего толкового сказать не могут. Просто разгружают пакеты в прихожей. Видимо, Харпер не очень-то разговорчив.

– Исходя из всего этого, следующая задача – расширить территорию обхода, – делает вывод Куинн. – Может, кто-то узнает девушку или расскажет нам об этом Джоне.

Он отходит назад и, показывая на карту, начинает рассказывать, какие улицы будут охвачены в обходе. Я его не слушаю. Смотрю на доску – и наконец понимаю то, что должен был понять с самого начала. Встаю и подхожу к карте. Все замолкают.

– Напомни еще раз, в каком доме по Фрэмpton-роуд живет Харпер?

– В тридцать третьем, – немного хмурясь, отвечает Куинн. – А что?

Я отмечаю дом на карте и провожу от него линию к юго-востоку.

– Так я и думал.

– О чем вы? – не понимает Куинн.

– Дом Харпера прямо позади Кресент-сквер. Позади дома номер восемьдесят один по Кресент-сквер, если точнее.

Я смотрю на собравшихся. Некоторые даже не догадываются, о чем речь. Ну что ж, они тогда с нами не работали. А вот до Гислингхэма, как я вижу, дошло.

– Постойте-ка, – говорит он. – Не там ли жила Ханна Гардинер?

Теперь все вспомнили. Это имя создает эффект разорвавшейся бомбы, и коллеги начинают сыпать вопросами.

– Та пропавшая женщина, которую так и не нашли?

– Когда это было? Два года назад?

– Черт, думаете, есть связь?

– Совпадение? – тихо добавляет Куинн, направляя на меня вопросительный взгляд.

Я опять смотрю на карту, на снимок девушки и вспоминаю, как к такой же вот доске была прикреплена фотография Ханны Гардинер. Месяцами мы смотрели на нее, но в итоге убрали фото. Она была ненамного старше найденной сегодня девушки.

– Я не верю в совпадения, – отвечаю я.

* * *

Канал: Первый мистический
Передача: Громкие нераскрытые преступления
Выпуск: Исчезновение Ханны Гардинер
Премьера на ТВ: 9 декабря 2016 года

Панорама горизонта Оксфорда, рассвет, лето

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

С тех пор как на экраны вышел детективный телесериал «Инспектор Морс», зрители по всему миру считают задумчивый Оксфорд с его остроконечными башенками идеальным местом для идеального убийства. Однако мрачные сказки о том, что происходит в университетских дворах, имеют мало общего с реальной жизнью в этом процветающем городе, где уровень преступности очень низок, а нераскрытых убийств почти не бывает.

Летом 2015 года все изменилось. Полиция города столкнулась с загадкой не менее поразительной, чем те, что решал инспектор Морс. Это таинственное дело стало одним из самых печально известных нераскрытых преступлений Британии.

Общий план Кресент-сквер: велосипеды вдоль улицы, кошка перебегает дорогу, мама с мальчиком едут на скутере

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Здесь, в полном зелени Северном Оксфорде, и начинается наша история. Осенью 2013 года двадцатипятилетняя Ханна Гардинер и ее муж Роб сняли квартиру в этом зажиточном пригороде и переехали сюда вместе с маленьким сыном Тоби.

Семейный снимок Гардинеров, медленный наезд крупным планом; видеореконструкция: мальчик играет с мячом в саду

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Ханна работала журналистом в Лондоне, когда познакомилась с Робом. Ему предложили должность в местной биотехнологической компании, и молодая семья перебралась в Оксфорд. Они поселились в квартире на первом этаже, очень солнечной и с выходом в общий садик, где мог играть Тоби.

Интервью: съемки в помещении

БЕТ ДАЙЕР, ПОДРУГА ХАННЫ

Ханна с нетерпением ждала переезда в Оксфорд. Она была так счастлива... Все складывалось просто замечательно, и к тому же она устроилась на работу в Би-и-си. Мы ездили к ней в гости, чтобы отметить эти радостные перемены.

Отрывок из телерепортажа для местных новостей Би-би-си, Ханна говорит на камеру

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Вскоре Ханна зарекомендовала себя отличным журналистом, выпуская сюжеты по самым противоречивым событиям в городе.

Интервью: офис Би-би-си в Оксфорде

ЧАРЛИ КЕЙТС, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, БИ-БИ-СИ ОКСФОРД

Ханна не раздумывая бралась за сложные темы. Сделала несколько репортажей про бездомных, а также освещала почтовую лотерею, в которой разыгрывалось лечение от бесплодия – серия этих сюжетов даже вышла на национальный уровень. Ханна страстно отдавалась работе и посвятила себя журналистике из лучших побуждений.

Кадр: офисы компании-застройщика «Эм-Ди-Джей»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

В начале 2015 года, когда местный застройщик Малкольм Джервис выдвинул предложение о строительстве нового жилого массива в нескольких милях от города, Ханна взялась за труднейшее задание в ее карьере.

Съемка с движения: лагерь протестующих, транспаранты, люди выкрикивают слоганы

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

С мощными протестами против задумки Джервиса выступили как жители Оксфорда, так и защитники окружающей среды, которые разбили лагерь у предполагаемого места строительства.

Панорамный обзор полей до самых холмов Уиттенхэм-Клампис;

красивые кадры с быстро плывущими облаками и тенями

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Многих волновал тот факт, что новый микрорайон будет построен среди нетронутой природы всего в нескольких сотнях ярдов от Уиттенхэм-Клампе, исторически важного места.

Кадр: пещера на Касл-Хилл

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

С холмов открывается вид на бескрайние земли Оксфордшира, имеющие богатое историческое прошлое. На Касл-Хилл была обнаружена крепость железного века, а рядом с вершиной есть пещера, которая уже многие века известна под названием «Денежная яма».

Переход: в кадре ворон на фоне луны и ночного неба

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

По легенде, здесь зарыты сокровища, и охраняет их призрачный ворон.

Крупный план: кукушка на дереве

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Неподалеку расположена рощица «Гнездо кукушки». Говорят, если поймать кукушку среди этих деревьев, лето никогда не кончится.

[крик кукушки]

Раскопки, кадры с воздуха

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Весной 2015 года на холме Касл-Хилл снова начались археологические раскопки, и в начале июня Ханна первой сообщила новость о страшном открытии.

Отрывок из телерепортажа Би-би-си Оксфорд, снятого в районе Уиттенхэм-Клампе

ХАННА ГАРДИНЕР

Мне сообщили, что в неглубоко зарытой могиле вон за теми деревьями найдены скелеты трех женщин. Они лежали лицом вниз, черепа выглядят

разбитыми, а руки, судя по расположению костей, были связаны. Предположительно тела можно отнести к железному веку, около 50 года н. э. Археологи пока отказываются от комментариев по поводу смысла такого странного захоронения, однако, по мнению знатоков языческих ритуалов, оно может относиться к так называемой «Триединой богине», которую часто изображают в виде трех сестер. Найденные кости животных и нескольких птиц, возможно, также имеют важное значение. Ханна Гардинер, новости Би-би-си Оксфорд.

Кадр: скелеты в яме

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Не прошло и двух дней, как находка обросла пугающими историями о том, что на самом деле найденных женщин принесли в жертву. Это лишь накалило и так жаркую обстановку перед фестивалем середины лета^[9].

Видеорекострукция: календарь на кухне, 24 июня обведено в кружок

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Для семьи Гардинер 24 июня 2015 года начиналось, как и любой другой день. Роб встал заблаговременно, чтобы успеть на встречу в Рединге, Ханна тоже выехала из дома рано утром.

Видеорекострукция: «Ханна» садится в оранжевый «Мини Клубмен», пристегивает маленького мальчика в детском автокресле. На ней темно-синяя стеганая куртка; каштановые волосы завязаны в хвост

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Всю неделю перед этим Ханна брала интервью в лагере протестующих, а теперь сумела уговорить Малкольма Джервиса приехать на место будущей стройки, чтобы снять там их беседу. Приходящая няня заболела, поэтому Ханне пришлось взять Тоби с собой. Она села в машину в 7.30 утра. Роб уехал в Оксфорд на пятнадцать минут раньше, чтобы успеть на поезд до Рединга.

Видеорекострукция: взволнованный «Роб» ходит туда-сюда, прижимая телефон к уху

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

В 11.15, во время перерыва, Роб набрал номер Ханны, но супруга не

ответила. Только приехав домой ближе к вечеру, он понял – что-то случилось. Оператор Ханны оставил сообщение на автоответчике, спрашивая, почему она не явилась на съемки. Роб снова позвонил жене – та по-прежнему не отзывалась, – и тогда он обратился в полицию. В тот момент Роб не знал, что малыша Тоби уже нашли. Одного.

Видеореконструкция: детская коляска и игрушка в кустах

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Турист заметил пустую коляску в «Денежной яме» еще в 9.30 утра, однако Тоби обнаружили только через час. Напуганный, он прятался среди кустов, прижимая к себе плюшевую птичку.

Отрывок из телерепортажа Би-би-си: автомобиль «Мини» у холмов, толпа полицейских, ограждающая лента

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Организованы поиски, но Ханну так и не находят. У полиции нет никаких зацепок.

Интервью: съемки в помещении

СУПЕРИНТЕНДАНТ АЛАСТЕР ОСБОРН, ПОЛИЦИЯ ДОЛИНЫ ТЕМЗЫ

Ни в машине, ни в коляске криминалисты не обнаружили никаких улик, которые могли бы пролить свет на то, что случилось с Ханной. Мы опрашивали людей в Уиттенхэме, и некоторые из них сказали, что видели Ханну и Тоби тем утром, однако приблизиться к разгадке это не помогло.

Видеореконструкция: крупный план компьютерных экранов и файлов

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Роба Гардинера быстро исключили из подозреваемых, и полиция стала искать тех, кто мог желать Ханне зла. Судя по материалам на ее ноутбуке, она планировала разоблачить сомнительные финансовые операции компании-застройщика «Эм-Ди-Джей». Полицейские допросили Малкольма Джервиса, однако его алиби было неопровержимым. В то утро он задержался и приехал в Уиттенхэм лишь в 9.45.

Видеореконструкция: лента новостей в «Твиттере»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Тем временем в социальных сетях стали появляться домыслы о том, что Ханну убили во время некоего сатанинского ритуала, связанного с холмами. Полиция выпустила несколько опровержений, так как ничто не указывало на оккультные мотивы. И все же слухи разрастались.

Отрывок из телерепортажа Би-би-си: лагерь протестующих, палатки, прикованные к деревьям люди, собаки среди куч мусора, бегающие голышом дети

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

В накалившейся атмосфере все, конечно же, обратили внимание на лагерь, тем более что число протестующих увеличилось за счет последователей движения «Нью-эйдж»^[10], прибывших в город, чтобы отметить канун середины лета.

Как оказалось, исчезновение Ханны действительно было связано с лагерем, только не так, как предполагали блогеры и активные пользователи «Твиттера».

Интервью: съемки в помещении

СУПЕРИНТЕНДАНТ АЛАСТЕР ОСБОРН, ПОЛИЦИЯ ДОЛИНЫ ТЕМЗЫ

Через три месяца после исчезновения Ханны в Уорике арестовали мужчину по имени Реджинальд Шор. Его обвиняли в попытке изнасилования. Обыскав его дом, полиция обнаружила браслет, идентичный тому, который носила Ханна.

Анализ ДНК показал, что украшение на самом деле принадлежало Ханне, а Шор в перекрестном допросе признался, что летом бывал в Уиттенхэме. Впоследствии свидетели подтвердили, что видели, как он говорил с Ханной, когда та приезжала в лагерь в конце мая.

Кадр: найденный браслет

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Шор утверждал, что нашел браслет в лагере протестующих и не знал, чей он. Служба уголовного преследования рассмотрела улику, однако в отсутствие тела сочла ее недостаточной для того, чтобы вынести обвинение на суд присяжных.

Фотография задержанного Реджинальда Шора

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

В итоге Шор получил три года за попытку изнасилования. Родные обвиняемого утверждали, что только из-за широкой огласки в связи с исчезновением Ханны Гардинер для Шора было избрано такое суровое наказание.

Как стало известно, Шор отсидел меньше года. В 2016 году его выпустили из соображений сострадания: у мужчины обнаружился рак легких в последней стадии.

Ханну Гардинер так и не нашли.

Узнаем ли мы, что произошло здесь на самом деле?

Раскроют ли холмы свой секрет?

Мрачные кадры Уиттенхэм-Клампис в лунном свете.

Стоп-кадр и

Конец.

* * *

– А теперь расскажите нам то, о чем не прознали в прессе, – просит Куинн.

Я ставлю DVD-плеер на паузу и говорю, обращаясь ко всей команде:

– Мы предполагали, что Тоби каким-то образом выбрался из коляски и уполз в кусты. Поэтому его так долго искали. Еще у мальчика была травма головы – то ли от удара, то ли от падения. Об этом журналистам не сообщалось.

Повисает тишина. Полицейские представляют себе, каково это, а мне и представлять не надо – я был там, когда нашли мальчика. До сих пор помню его крики.

– И он ничего вам не сказал? – интересуется один из констеблей. – Не помнил, что случилось?

Я качаю головой.

– Ему и трех лет еще не исполнилось, к тому же мальчик повредил голову. Его лепет звучал совершенно бессмысленно.

– То есть мы понятия не имеем, как он оказался в той яме?

– Вероятно, личный ассистент Джервис сообщил Ханне об опоздании босса, и она пошла прогуляться с сыном.

И я когда-то гулял с Джейком, когда он был маленьким. Если парень не мог угомониться или вскакивал от ночного кошмара, я сажал его в коляску

и вез по пустым улицам. Движение его успокаивало. Только Джейк, я и бродячие кошки, мягко ступающие по земле...

Я выбрасываю это воспоминание из головы.

– Она точно получила сообщение? – Вопрос Куинна попал прямо в точку.

– Мы знаем, что его отправили, – отвечает Гислингхэм, – но телефон Ханна так и не нашли, поэтому неизвестно, прочитала ли она сообщение. – Крис вздыхает. – Честно говоря, это был настоящий кошмар. Сбежались все чудилы: ясновидящие, медиумы – в общем, полный набор. Про одну старушенцию даже написали в «Оксфорд мейл» – она утверждала, что на браслете изображен какой-то языческий символ, что-то вроде трехконечной звезды. Всё триндела про цифру три – мол, это ключ ко всему делу, вот увидите...

Глянув на снимок дома, Гислингхэм замолкает.

– Черт! Номер тридцать три, ну конечно...

– Мы кое-что еще не рассказали прессе, – продолжаю я. – Семейная жизнь Гардинеров была не такой идеальной, как показано в передаче.

– Точно, – подтверждает Крис. – Им докучала бывшая Роба, считавшая Ханну разлучницей. Писала о ней всякие гадости в «Фейсбуке».

– Что насчет алиби? – спрашивает Куинн.

– У бывшей? В тот день она ездила в Манчестер. Повезло, иначе мы занялись бы ей вплотную, – говорю я.

– Из всей передачи очень выделяются слова Бет Дайер, – задумчиво добавляет Гис. – Кажется, она явно намекала, что у Роба интрижка на стороне.

– Все верно, только доказательств она не привела, сказала только «странно выглядел, будто что-то скрывал».

Никаких подозрительных звонков, ничего такого мы не нашли. Алиби Роба оказалось прочным: в 7.57 он уехал на поезде из Оксфорда, а в 6.50 Ханна оставляла голосовое сообщение няне, то есть еще была жива. Звонила она по городскому телефону с Кресент-сквер. Роб не успел бы убить жену, доехать на машине до Уиттенхэма, бросить там тело и вернуться в Оксфорд, чтобы сесть на поезд.

– Даже если Роб или его бывшая хотели избавиться от Ханна, – говорит Куинн, – то как же ребенок?

– Точно к такому же выводу пришел и Осборн. Успей Роб Гардинер все проверить, вряд ли он бросил бы там своего сына.

– Поэтому все указывало на Шора? – спрашивает Куинн.

Наступает пауза. Все смотрят на меня – ждут, что я скажу: «Мы

старались изо всех сил, но Служба уголовного преследования отвергла дело». Ждут от меня уверенности в том, что мы поймали того самого убийцу.

Однако я молчу.

– Значит, вы и тогда сомневались, – прерывает тишину сержант.

На экране застыл кадр холмов Клампис: черные птицы на фоне светлого неба.

– Мы опросили всех протестующих, которые находились в то время в лагере. Никто не упоминал о Шоре, пока его имя не всплыло в связи с нападением в Уорике несколько месяцев спустя.

– Это не доказывает его отсутствие.

– Но и присутствие Шора в Уоттенхэме мы доказать не смогли. Он утверждал, что в тот день был далеко от холмов, однако свидетелей, способных подтвердить его слова, нет. Тем летом Шор точно бывал в лагере, а найденный в его доме браслет определенно принадлежит Ханне...

– И все же вы не уверены, что это он, – завершает мое предложение Куинн.

– Дело вел Осборн, и он не сомневался в виновности Шора.

Все замолкают. Эл Осборн уже на пенсии, хотя когда-то был легендой долины Темзы. Отличный коп и вообще приятный человек – а это сочетание, поверьте мне, встречается не так уж часто. Он многим в этом отделении помог серьезно продвинуться по службе – и мне в том числе. Несмотря на то что Шор так и не получил свое за Ханну Гардинер, по молчаливому согласию дело считалось закрытым. Если открыть его снова, поднимется шум.

Я делаю глубокий вдох.

– Слушайте, буду с вами честен. Да, я и вправду сомневался насчет Шора. Он не смахивал на убийцу и тем более на преступника, который тщательно все продумывает. Я не утверждаю, что все было заранее спланировано, – Ханна вполне могла стать случайной жертвой. Однако следы замели очень тщательно. Никаких улик, никаких следов ДНК, ничего. Поверить не могу, что Шор все это устроил. Парень он не шибко умный, поэтому и попался в Уорике. Я все время думал, что мы упустили какую-то деталь или зацепку. Но мы так ничего и не нашли.

– До сегодняшнего дня, – тихо добавляет Гислингхэм.

– Точно, – соглашаюсь я, снова глядя на экран. – Версию о том, что Ханна вообще не покидала Оксфорд, что с ней что-то случилось именно здесь, мы даже не рассматривали.

– Тогда как, черт возьми...
– Как, черт возьми, Тоби попал в Уиттенхэм-Клампис?
– Да, – говорит Куинн. – Я предупреджу пресс-службу. Если мы нашли связь с делом Гардинер, писаки тоже скоро на него выйдут. Мы должны опередить их, ребята.
– Слишком поздно. Они уже в курсе, – мрачно сообщает Гислингхэм, поглядывая на свой мобильный.

* * *

Молодая женщина открывает окно и вдыхает теплый воздух. Ползущая по стене жимолость уже зацвела. На кухне мальчик пьет чай и шепчет что-то своему плюшевому медведю. Доносится приглушенный звук вечерних новостей. Где-то вдалеке мужчина оживленно говорит по телефону.

– Пиппа! – зовет мальчик. – Смотри! По телевизору показывают тот дом с кучей велосипедов на улице!

Женщина заходит на кухню, подобрав по дороге брошенную игрушку-панду, и садится за стол рядом с мальчиком. На экране телевизора репортер стоит перед оградительной лентой и показывает на место преступления позади него. В кадр попадают несколько полицейских машин с мигалками и «Скорая». Строка внизу экрана гласит: «ЭКСТРЕННЫЕ НОВОСТИ: дело Ханны Гардинер может быть связано с девушкой, найденной в подвале оксфордского дома». Нет, только не это. Только не сейчас, когда все наконец стало налаживаться... Она обнимает мальчика, вдыхая искусственно-сладкий аромат шампуня, исходящий от его волос.

– Покажем папе? – спрашивает мальчишка, вырываясь из объятий. На виске у него темно-розовый шрам.

– Нет, Тоби, – с тревожным видом отвечает женщина. – Пока не надо. Мы же не хотим его беспокоить. У него сейчас все хорошо.

* * *

«Оксфорд мейл»

1 мая 2017 года

ДЕЛО ФРИТЦЛЯ ПОВТОРЯЕТСЯ В ОКСФОРДЕ: ПОЧЕМУ ЗДЕСЬ?

Автор Марк Левертон

Жители Северного Оксфорда до сих пор пребывают в шоке после сообщения о том, что в подвале дома на Фрэмpton-роуд были найдены

молодая женщина и ребенок. Пока неизвестно, как долго девушка находилась в заточении, однако проводятся параллели с печально известным «делом Фритцля», австрийца, который двадцать четыре года удерживал в подвале свою дочь и неоднократно насиловал ее, в результате чего та родила от него семерых детей. Элизабет Фритцль обнаружили, когда одна из ее дочерей серьезно заболела. Йозеф Фритцль соорудил для Элизабет целую подземную тюрьму, куда можно было попасть, преодолев восемь запертых дверей. Пока не сообщается, имелась ли похожая конструкция на Фрэмpton-роуд. Озабоченных соседей волнует вопрос: почему никто ничего не заметил?

– Это ужасно, – говорит Салли Браун, мать троих детей, живущая поблизости, – что люди совершают такие вещи. И как так вышло, что ни у кого даже не возникло подозрений? К нему ведь приходил соцработник, неужели он ничего не знал?

Другие местные жители также ставят под сомнение компетентность социальной службы, что вновь возвращает нас к делу Фритцля: регулярно посещая австрийца, соцработники не нашли в нем ничего подозрительного, несмотря на то, что трое детей его дочери жили с ним и были, по его словам, «подброшены на порог».

Дом на Фрэмpton-роуд принадлежит одинокому старику по имени Уильям Харпер. Никто из опрошенных нами не поддерживал с ним связь, хотя сообщается, что соседи видели, как сегодня утром его увезли полицейские.

Ни полиция долины Темзы, ни местное отделение социальной службы пока не сделали официальных заявлений. По предварительным данным, девушка и ребенок находятся под присмотром врачей в больнице имени Джона Рэдклиффа.

Если вы живете на Фрэмpton-роуд и обладаете какой-либо информацией по поводу случившегося, пишите нам на электронную почту или в «Твиттер».

154 комментария

VinegarJim1955

Урезали бюджет на социальное обслуживание – вот вам и результат.

RickeyMooney

Не удивлен, что никто ничего не заметил. Людям тут вообще насрать

друг на друга.

MistySong

Просто кошмар. Поверить не могу, что это произошло в таком тихом местечке. Студенткам явно опасно жить тут одним.

VinegarJim1955

Но она ведь не студентка? Иначе ее давно стали бы искать, да и в газетах написали бы о пропаже. Жуть, аж тошно.

Fateregretful77

Я когда-то был соцработником и знаю, с каким давлением они сейчас сталкиваются. Времени в обрез, едва успеваешь побыть со своими подопечными. С полицией долины Темзы я тоже пересекался и могу сказать, что со своим делом ребята справляются отлично. Проверьте факты, прежде чем обвинять других.

* * *

Утро вторника, 8.45. Дверь открывает молодая женщина в белой рубашке и хлопковой юбке. Всем своим видом она источает свежесть и бодрость, отчего рядом с ней я вдруг чувствую себя каким-то потрепанным и неопрятным. В последнее время такое случается все чаще.

– Да?

– Я инспектор Адам Фаули, а это констебль Крис Гислингхэм, мы из полиции долины Темзы. Мистер Гардинер дома?

Догадка сразу отражается на ее лице.

– О боже... Это из-за Ханны, да? – Женщина прикрывает рот рукой. – Я так и подумала, вчера ведь о ней говорили в новостях...

Мы с Гислингхэмом переглядываемся.

– А вы, простите?..

– Пиппа. Пиппа Уокер. Присматриваю за ребенком. В общем, няня.

Теперь я ее вспомнил. Знакомое имя, хотя во время работы над делом Ханны мы не виделись.

– Вы же давно у них работаете и знали Ханну, верно?

Глаза Пиппы наполняются слезами, она кивает.

– Она была так добра ко мне... Не заболейте вы в тот день, Ханна не взяла бы с собой Тоби, и тогда все сложилось бы иначе. Никак не могу выбросить эту мысль из головы.

– Можно войти?

– Да, простите. Сюда.

Пиппа ведет нас по коридору к гостиной. Солнечные лучи проникают внутрь сквозь высокие окна, выходящие на площадь. Через окна с другой стороны виден сад. Светло-желтые стены. Черно-белые постеры в рамках. Повсюду игрушки: плюшевые медведи, машинки, железная дорога. На каминной полке фотографии: вот Ханна с сыном, вот Роб и рядом с ним Тоби на трехколесном велосипеде, вот они всей семьей на пляже. Полные тепла и счастья.

– Извините за беспорядок, – говорит Пиппа, рассеянно подбирая игрушки. – Роб у себя в кабинете. Сейчас позову его.

Когда она выходит из комнаты, я смотрю во двор: из окна виднеется тыльная сторона Фрэмpton-роуд, в том числе крыша сарая Уильяма Харпера. Большие черные птицы, поклевывая какую-то падаль, шумят в высокой траве, а с дерева за ними наблюдают четыре кровожадные сороки. В детстве я редко встречал больше одной за раз, теперь же эти гребаные пернатые попадают на каждом углу.

– Черт! – Гислингхэм убирает с кресла игрушечного котенка и садится. – Так вот что меня ждет?

Он ухмыляется, однако тут же принимает серьезный вид – вдруг его слова прозвучали бестактно? Такое происходит со всеми. Никто не знает, как общаться с родителями погибшего ребенка. Вроде бы это должно помочь мне справиться с подобными ситуациями, только пока что ничего не выходит.

– Вы нашли ее?

В дверном проеме стоит Роб Гардинер. Вид у него бледный, да и вообще он изменился. Раньше его темно-русые волосы были коротко подстрижены по бокам, теперь же он отрастил их и завязывает в хвост; густая борода скрывает шею. Видимо, компьютерщикам такое сходит с рук. Будь здесь моя жена, она бы скривилась.

– Мистер Гардинер? Я инспектор Адам Фаули...

– Да, я знаю. Вы были здесь тогда вместе с Осборном.

– Давайте присядем.

– Раз полицейский предлагает присесть, значит, вести плохие.

Гардинер заходит в гостиную, и я показываю ему на стул. Он нехотя садится на самый краешек.

– Так вы нашли ее?

– Нет, вашу жену мы не нашли.

– Но у вас появилась зацепка? В новостях рассказывали про этого Фритцля и про девушку в подвале...

Пиппа присоединяется к нам и кладет руку на плечо Гардинеру, хотя тот даже не обращает внимания на ее жест. Спустя пару секунд он слегка поводит плечом, и девушка убирает ладонь.

Нет смысла ходить вокруг да около.

– Да, мы рассматриваем возможную связь с домом на Фрэмpton-роуд.

Гардинер встает и подходит к окну.

– Господи, да этот чертов дом даже *видно* отсюда. – Он резко поворачивается ко мне: – Почему вы не нашли его еще в пятнадцатом году, когда она исчезла? Разве вы его не допрашивали?

– На тот момент у нас не было никаких оснований для допроса. Все указывало на то, что ваша супруга пропала в Уиттенхэме: там мы нашли Тоби, а в ее машине не обнаружилось никаких отпечатков или следов ДНК другого человека.

– А как же люди, которые заявляли, что видели ее? Они что, всё придумали? Просто наслаждались вниманием? Такие ведь бывают.

Я качаю головой:

– Не в этом случае. Я лично беседовал с несколькими свидетелями.

Гардинер меряет шагами комнату, запустив руку в волосы. Потом вдруг замирает и снова обращается ко мне:

– Но этот засранец, которого вы арестовали... Вы уверены, что это он похитил Ханну?

– Расследование еще ведется. Жаль, что пока нечего вам сообщить, но, надеюсь, вы меня поймете. Мы должны быть уверены, а сейчас никакой уверенности у нас нет. Поэтому мы пришли сюда. Ваша жена когда-нибудь упоминала человека по имени Уильям Харпер?

– Так его зовут, да?

– Она знала кого-то на Фрэмpton-роуд?

Гардинер делает глубокий вдох.

– Насколько мне известно, нет.

– Могла ли Ханна встречаться с ним по работе? Например, чтобы взять интервью для новостей?

Роб принимает озадаченный вид.

– Я проверю ее ноутбук, хотя имени Харпера вроде бы не слышал.

Два года назад мы сами изучили этот ноутбук вдоль и поперек: просмотрели каждый чертов файл, изучили все письма в электронной, мать ее, почте. Будь там ниточка, ведущая к Харперу, мы обязательно нашли бы ее и раскрутили, учитывая близость их домов... Что ж, в любом случае стоит проверить.

– Послушайте, – добавляет Гардинер, – Ханна могла оказаться на Фрэмpton-роуд лишь по одной причине – если ей надо было припарковаться. У нас здесь все забито, а там у каждого дома подъездная дорожка, так что улица посвободнее.

Вот и ответ. Вот та деталь, которую мы упустили.

– Она точно парковалась в тот день на Фрэмpton-роуд?

Не хочется обнадеживаться раньше времени, но, судя по выражению лица Гислингхэма, мы думаем об одном и том же.

Гардинер отвечает не сразу:

– Знаю лишь, что с вечера машина стояла не у нашего дома. Мне пришлось спуститься и помочь Ханне донести покупки. А вот где именно она оставила автомобиль, я не в курсе.

Я собираюсь встать, однако Роб еще не закончил.

– То есть этот *извращенец* похищает женщин *вместе* с детьми? – Я вижу, что Пиппа смотрит на него с тревогой. – Да? Вот на чем он повернут? Если верить новостям, в подвале нашли мальчика. Совсем маленького, как мой Тоби.

– Честно говоря, мистер Гардинер, мы не уверены. Возможно, ребенок родился уже в доме. Пока девушка находится в состоянии шока, допрашивать ее нельзя. Мы еще не знаем, что именно там произошло.

Роб нервно сглатывает и отводит взгляд.

– Ваш сын жив, – тихо продолжаю я. – Жив и здоров. Вот что самое главное.

Перед уходом Гислингхэм просит показать ему, где туалет, и девушка уводит его дальше по коридору. Мы с Гардинером молча стоим у двери, не в силах подобрать слова.

– Вы занимались и другим похожим делом, так ведь? – наконец говорит Гардинер. – В прошлом году, когда пропала девочка. Дейзи, как ее там...

– Да.

– И кончилось все плохо.

Хорошо, что это звучит не как вопрос, а как утверждение.

– У вас тоже есть ребенок, если я правильно помню?

От необходимости отвечать меня спасает возвращение Гислингхэма, подтягивающего брюки.

– Идем, босс.

– Мы обязательно будем держать вас в курсе, – сообщаю я напоследок Гардинеру. – И прошу, дайте мне знать, если наткнетесь в компьютере Ханны хоть на какое-то упоминание Харпера. Конечно, как только мы обнаружим...

– Я хочу увидеть ее, – выпаливает Роб. – Если вы найдете Ханну, я хочу ее увидеть.

Лучше б он этого не говорил. Господи, только не это...

Я качаю головой:

– Вам не стоит...

– Я хочу увидеть ее, – дрожащим голосом повторяет Гардинер. – Она ведь была моей *женой*. – Он едва сдерживается, чтобы не заплакать в моем присутствии.

– Серьезно, не надо, – говорю я, подходя ближе. – Ханна хотела бы, чтобы ее помнили живой, как на ваших чудесных семейных фотографиях.

Роб внимательно смотрит на меня, а я мысленно пытаюсь убедить его: «Не смотри на то, что потом не сможешь выкинуть из головы. Уж я-то знаю. Я видел и теперь не в силах забыть».

Он сглатывает и кивает. На лице девушки написано облегчение.

* * *

– Как думаете, он ее трахает? – спрашивает Гислингхэм, пристегиваясь ремнем в машине.

Я завожу двигатель.

– Ты даже не знаешь, живет ли она здесь.

В любом случае прошло два года, и бедняга заслужил возможность двигаться дальше. Я понимаю, как трудно это бывает – отделиться от прошлого, не забыв его, и при этом не чувствовать себя виноватым при каждой улыбке.

– Думаю, если еще не трахает, то скоро начнет, – продолжает Гис. – Она-то явно не против, как я вижу. Сам бы не отказался, залезь такая в мою кровать.

– Ты же вроде счастлив в браке? – удивляюсь я, включая передачу.

Гислингхэм отвечает мне ухмылкой:

– Смотреть-то не запрещается.

* * *

Мы возвращаемся в участок Сент-Олдейт. Бакстер притащил в оперативный штаб чистую белую доску и аккуратно выписывает события

того дня из досье по делу Ханна.

6.50 Ханна оставляет няне голосовое сообщение.

7.20 Роб выезжает из дома на велосипеде.

7.30 (?) Ханна выезжает из дома.

7.55 Ассистент Джервиса отправляет сообщение Ханне: интервью переносится на 9.30.

7.57 Поезд Роба отходит с вокзала Оксфорда.

8.35 Звонит соседка няни и говорит, что та заболела (оставляет сообщение).

8.45–9.15 Ханну и коляску видели в Уиттенхэме.

8.46 Роб на вокзале в Рединге (камера наблюдения).

9.30 Свидетель замечает пустую коляску в «Денежной яме».

10.30 Найден Тоби Гардинер.

Закончив, Бакстер отходит и надевает колпачок на маркер.

– Итак, – обращается он к команде, – если предположительно Ханна так и не добралась до Уиттенхэма, что это нам дает?

– Чертовски большой знак вопроса рядом с промежутком времени, когда ее якобы там видели, – иронично отвечает Куинн.

По дороге с Кресент-сквер я как раз об этом и думал. Нашлось так много свидетелей, все они хотели помочь, но ошибались. Все до одного.

– Там была целая толпа, – говорит Бакстер, просматривая показания. – Родители, дети, собаки... Издалека кого-нибудь перепутали с Ханной. Вблизи ее никто не видел, одежда без запоминающихся деталей.

– Тогда почему эта похожая на Ханну женщина так и не нашлась? – спрашивает Куинн. – Газеты и Интернет несколько недель пестрили обращениями к возможным свидетелям. Раз она находилась в Уиттенхэме в тот день и выглядела примерно как пострадавшая, на ее месте стоило бы обратиться в полицию.

Сомнения сержанта не убедили Бакстера.

– Может, просто туристка или даже иностранка. Не хотела лишних проблем.

– Лично меня больше всего интересует собака, которая не лаяла, – вставляю я.

Эрика Сомер улыбается, до остальных доходит не сразу.

– А, как в Шерлоке Холмсе? – высказывает догадку Эверетт.

Я киваю.

– Перепутать какую-нибудь молодую женщину с Ханной очень легко. А вот Уильям Харпер – это и правда огромный знак вопроса. Если он

похитил Ханну на Фрэмpton-роуд и бросил ее автомобиль и сына в Уиттенхэме, неужели никто не заметил бы одинокого старика с коляской?

Бакстер листает материалы в папке.

– Один свидетель упоминает, что видел дедушек и бабушек с внуками, поэтому Харпер не выделялся бы из толпы. Правда, мы спрашивали людей только о Ханне, а не о ком-то другом.

– Вот именно, так что давайте свяжемся со свидетелями и узнаем, видел ли кто-нибудь человека, похожего на Харпера, – предлагаю я.

Кивнув, Куинн делает пометку в блокноте.

– Хорошо. Мы установили, что Гардинер не успел бы смотаться в Уиттенхэм и обратно, если в шесть пятьдесят Ханна еще была жива. А что насчет Харпера? Ему хватило бы времени?

– Учитывая, что Ханна вышла из дома в семь тридцать, – отвечает на мой вопрос Эверетт, – с Харпером она должна была встретиться не позднее семи сорока пяти. Возможно, он под каким-то предлогом заманил женщину к себе, а затем ударил сзади по голове. Ханна теряет сознание, остается лишь связать ее и бросить в доме. Это недолго. Харпер мог отправиться в Уиттенхэм в восемь пятнадцать и быть там около восьми сорока пяти. Да, он успел бы.

– Старик тогда еще водил? – спрашивает Бакстер, не упуская никаких деталей.

– По словам соцработника, да.

– А как бы он вернулся в Оксфорд без машины?

– На автобусе. – Гислингхэм пожимает плечами. – Куда ему спешить? Родных у него нет, никто не пристанет с вопросом, где он пропал. И впереди куча времени, чтобы избавиться от тела.

– После того как он с ней разделался, – мрачно добавляет Эверетт.

– Харпер вполне мог держать ее у себя живой.

– Все равно есть нестыковка, верно, сэр? – вступает в беседу Сомер. – В машине Ханны не обнаружено следов посторонней ДНК. Конечно, он мог доехать до Уиттенхэма и стереть все следы, но это не так уж просто.

Эрика хорошо подготовилась. Ей явно светит место в Управлении уголовных расследований.

– Может, надел защитный комбинезон? – предполагает Гислингхэм. – Вроде пленки, которой накрывают сиденья в автосервисе.

– Позвони Чаллоу и скажи, что надо обыскать дом на Фрэмpton-роуд, – говорю я Куинну. – Пусть ищут тело и одежду, подходящую для заметания следов.

* * *

Когда все начинают выходить из кабинета, я ловлю взгляд Бакстера.

– Я хочу, чтобы ты просмотрел нераскрытые дела о пропаже молодых женщин и маленьких детей за последние десять лет.

Он ясно представил себе объем работы, но промолчал. Поэтому Бакстер мне и нравится – знает, когда нужно держать язык за зубами.

– Начни с Оксфорда и Бирмингема, расширяй поиск по пятьдесят миль. Потом возьми десять лет до этого.

Бакстер кивает.

– Среди детей искать *и* мальчиков, *и* девочек или только мальчиков?

Я уже направился к коридору, однако его вопрос меня остановил.

– Пока только мальчиков.

* * *

Спустя полчаса я захожу в кафе на Крытом рынке и сажусь напротив Брайана Гау, по которому сразу видно, что он в курсе сегодняшних новостей. Вокруг снуют толпы людей, покупатели заглядывают в кофейный магазинчик, роются во всяких вещицах в лавке по соседству. Надписи на винтажных открытках гласят: «Копай ради победы», «Гиннесс вам полезен», «Будь спокоен и двигайся дальше». Тьфу ты, бесит...

– А я все думал, когда же вы позвоните, – говорит Гау, складывая газету. – Повезло, что застали меня, – завтра еду на конференцию в Абердин.

Если и есть собирательное существительное для множества криминалистов-психологов, то это слово «сложность».

Он отодвигает тарелку. Гау никогда не откажется от плотного английского завтрака, особенно если я плачú.

– Как я понимаю, вы хотите поговорить об этом Харпере?

Официантка с грохотом ставит перед нами две чашки, расплескивая кофе на блюдца.

– Тяжелый случай, – продолжает Гау, добавляя в напиток сахар. – Выдвинуть обвинения при наличии болезни Альцгеймера – дело нелегкое. Хотя вы и без меня это знаете.

– Я пришел не за этим. Когда мы обнаружили девушку, ситуация казалась довольно простой...

Гау вопросительно поднимает бровь, затем снова помешивает кофе.

– То есть мы думали, что его мотивы ясны. И сначала предположили, что ребенок родился в подвале, как у того австрийца, Йозефа Фритцля.

– С Фритцлем все иначе – по крайней мере, в психологическом плане, – ведь он держал в подвале собственную дочь. Ну, полицейские не очень-то обращают внимание на подобные детали. Однако из ваших слов я делаю вывод, что все не так уж просто.

– Муж Ханны спросил, почему Харпер напал именно на нее. Может, он помешан на молодых женщинах с детьми? Только в этот раз почему-то передумал и бросил Тоби. Хотел сбить нас со следа? Если все так, то дело принимает совершенно другой оборот. Мы считали, что ребенок родился от Харпера – а что, если он похитил девушку *вместе* с ее сыном?

– Полагаю, сейчас проводится анализ ДНК?

Я киваю.

– Есть некоторые затруднения, но вообще да, мы работаем над этим.

Гау кладет ложку на стол.

– А вы тем временем желаете узнать, типично ли для сексуальных маньяков похищать женщин с детьми.

Позади Гау, у витрины кондитерской, остановилась семья. Два маленьких светловолосых мальчика прижались носами к стеклу, а мама заставляет их выбрать: шоколадный дракон или апельсиновый Супермен? Или Паровозик Томас? На девятый день рождения Джейка мы заказывали здесь сладости. Ему нравились единороги, вот на торте и красовался этот сказочный зверь с золотым рогом.

– Я таких не встречал.

– Что, простите? – переспрашиваю я. В голове у меня одни единороги.

– Сексуальный маньяк, который нападает и на женщин, и на детей, – это неслыханно. Могу покопаться в материалах судебных дел, хотя навскидку ничего не вспоминается. Даже если женщин похищали вместе с детьми, то лишь по одной причине: ребенок просто оказывался не в то время и не в том месте, а целью была именно *женщина*. При этом педофилы, как вы и сами прекрасно знаете, обычно женаты либо состоят в длительных отношениях. Вот они крадут детей, но не женщин. Так что, – Гау подносит к губам чашку кофе, – остается лишь одно разумное объяснение.

– Какое же?

– Это два разных человека. Два маньяка. Первый – педофил, второй – сексуальный садист. Действуют вместе, разделяя риск и добычу.

Кошмар какой, прямо кровь стынет в жилах... Как бы ужасно ни звучало предположение Гау, наличие сообщника у Харпера отменяет многие вопросы. Это объясняет, почему никто не видел старика с коляской. Возможно, Харпер вообще не ездил в Уиттенхэм, а ребенка там

оставил кто-то другой, на кого не обратили внимания. Безымянный человек. Безликий. Неизвестный.

Гау делает глоток и отставляет чашку.

– Есть следы присутствия другого человека в доме? Может, кто-то постоянно заходил, но при этом не жил там?

«Дерек Росс», – сразу думаю я, затем отбрасываю эту мысль.

– Пока не нашли. Соседи утверждают, что никого не видели.

– Ну еще бы, в таком-то районе Оксфорда, – кривится Гау. – Это ничего не доказывает.

– Одна старушка уверяла, что к Харперу приходил его сын, однако, как известно, сына у него нет.

– На вашем месте я бы проверил, – говорит Гау, прихлебывая кофе. – Возможно, старикан не так уж съехал с катушек, как вы думаете.

* * *

Чаллоу собирает команду криминалистов на кухне.

– Похоже, список наших задач стал намного длиннее, так что отменяйте запланированные свидания. Управление уголовных исследований с их безграничной мудростью теперь подозревает, что этот дом связан с исчезновением Ханны Гардинер в две тысячи пятнадцатом году. Пока не докажем обратное, он считается местом убийства. Или захоронения. Или и того, и другого.

Нина делает глубокий вдох. Дело Ханны Гардинер ей знакомо – она обыскивала машину пропавшей. Упаковка мятных конфет в бардачке, пятна от сока на детском автокресле, скомканные чеки с заправки. Невыносимые обломки жизни.

– Искать могилу в подвале не стоит, – продолжает Чаллоу. – Там бетонный пол, который не вскрыть без помощи серьезных инструментов. Следов нарушения поверхности нет. Как насчет сада?

– Вряд ли, – говорит Нина. – Просматривается со всех сторон, слишком опасно. Если выкопать большую яму, соседи наверняка заметят.

Она сдвигает штору из бусин и заходит в оранжерею. Стекло изнутри покрылось зеленым налетом, из выживших здесь только ползучее растение, чьи лианы пробиваются сквозь трещины в окнах. На полках горшки с гниющими стеблями: одеревеневшая герань, засохшие кусты помидоров. Пахнет сыростью и затхлой землей. Циновки на полу черные от плесени и разваливаются на куски.

Нина протирает кружок в грязном стекле, чтобы выглянуть в сад.

– А вон там? – показывает она. – Что-то вроде летнего домика или

сарая.

К Нине подходят двое коллег. Снаружи заросли сорняков по колени и полно крапивы. Кучей валяется садовая пластиковая мебель, стулья грязные и перевернуты вверх ножками. Срезанную траву пучками бросали где попало. Прямо у ворот стоит большой кирпичный сарай с черепичной крышей, увитой плющом. Некоторые окна выбиты.

– Понимаете, о чем я?

Ближе к строению картина проясняется. К сараю земля берет крутой уклон, так что тот стоит на возвышении.

– Думаю, под этими досками вполне может оказаться пустота, – говорит Нина, просовывая руку сквозь разбитое окошко, чтобы открыть дверь.

Внутри все заставлено старыми банками из-под краски и средствами от сорняков, на полу ржавеют садовые инструменты. Из-под карниза торчит гниющее осиное гнездо, с гвоздя свисает покрытый пятнами защитный костюм.

Чаллоу топает ногой – слышно глухое эхо.

– Кажется, ты права.

Он приподнимает край циновки: из нее сыплются грязь и песок, в разные стороны ползут мокрицы.

– В кои-то веки, – обращается Чаллоу к своей команде, – нам повезло.

В полу под циновкой спрятан люк.

* * *

– К ней можно зайти, хотя не знаю, будет ли толк.

Эверетт выходит из комнаты ожидания и следует по коридору за медсестрой. По пути встречаются старик с ходунками и два врача с планшетами для бумаги. Плакаты на стенах призывают мыть руки и правильно питаться, а также учат распознавать симптомы инсульта. Палата в самом конце коридора, на койке сидит девушка в больничной рубашке. Выражение «бледная как полотно» приходится кстати, потому что ее лицо лишь немногим темнее простыни, которую она прижимает к груди. Не только кожа, но и глаза и даже волосы выглядят какими-то бесцветными. словно ее покрыли тонким слоем пыли. Вокруг губ следы герпеса.

Заметив Эверетт, девушка испуганно смотрит на нее и вжимается в подушку.

– Я подожду снаружи, – тихо говорит сестра и закрывает дверь.

– Можно, я сяду? – спрашивает Верити, показывая на стул.

Девушка молчит. Эверетт отодвигает стул подальше от кровати и садится.

– Скажете, как вас зовут? – осторожно обращается она к пострадавшей. Та лишь не сводит с нее глаз.

– Мы знаем, что вы пережили нечто ужасное, и хотим понять, что случилось. Хотим найти того, кто сотворил с вами такое.

Бедняга сильнее сжимает простынь пальцами. Под сломанными ногтями грязь.

– Да, это очень трудно. Я не хочу, чтобы вам стало еще хуже, но нам нужна ваша помощь.

Девушка закрывает глаза.

– Помните, как все было? Как вы попали туда?

Из-под век текут слезы и медленно катятся по щекам.

Какое-то время обе молчат, и тишину нарушает лишь гул из коридора – шаги, голоса, позвякивание каталок. Звук приехавшего лифта.

– Малыш очень милый. Как его зовут? – задает вопрос Эверетт, когда девушка открывает глаза.

В ответ та начинает качать головой, а потом издает испуганный крик и вся съеживается. Прибегают медсестры, и Эверетт оказывается по другую сторону закрытой двери.

* * *

На то, чтобы успокоить девушку, понадобилось двадцать минут и один укол. Из палаты выходит врач и садится на стул рядом с Эверетт.

– Что произошло? – спрашивает она. – Что я сделала не так?

Доктор глубоко вздыхает.

– Психиатр считает, что у нее посттравматическое расстройство. Честно говоря, в этом нет ничего удивительного. Для людей, попавших в такую ситуацию, вполне естественно подавлять воспоминания о случившемся. Мозг включает режим выживания и отсекает болезненные мысли, а вопрос о ребенке заставил ее снова подумать о том, через что она прошла, и бедняжка просто не выдержала. Боюсь, она еще не скоро сможет все рассказать.

– Сколько времени уйдет на восстановление?

– Трудно сказать. Может, пара часов, может, пара недель. А может, она так и не оправится.

Эверетт опускает лицо в ладони.

– Черт, что же я натворила...

– Не корите себя, – по-доброму утешает ее врач. – В ваших намерениях

не было ничего плохого.

Он кладет руку ей на плечо, но спустя мгновение уходит, забирая свое теплое прикосновение.

* * *

Пространство под люком всего в полметра глубиной, внизу лишь земля и щебенка. Чаллоу ложится на пол животом вниз и светит фонариком.

– Ага, здесь точно что-то есть... Нина, сможешь пролезть? Мне, боюсь, габариты не позволяют.

Чаллоу встает и уступает место Нине, которая спрыгивает вниз и опускается на четвереньки. Он подает ей фонарик, и она скрывается из виду.

– Осторожно, вдруг там крысы, – радостно предупреждает Чаллоу.

«Теперь-то уж что», – кривясь, думает Нина. Она водит фонариком слева направо. Слышится шорох, в темноте блестят маленькие глазки. Фонарик вдруг задевает что-то совсем рядом с ее лицом. Что-то острое, черное и давно мертвое. Тонкие ножки, пустые глазницы, как в костюме привидения на Хеллоуин. Выдохнув, Нина приглядывается и понимает, что это всего лишь птица. Похожая на ворону.

Однако это еще не всё. Свет выхватывает не череп и не высушенные кости, а свернутое одеяло. Остальное – работа воображения. Нина догадывается, что в одеяле.

В горле пересохло – и не только от пыли. Сглотнув, она кричит:

– Что-то есть! Запечатано клейкой лентой, но размер соответствует.

Нина ползет обратно, задевая головой половицы, и выбирается наружу.

– Пожалуй, надо разобрать пол, – говорит она и протирает руки о костюм.

– И обязательно все пометить ярлыками, – добавляет Чаллоу. – Мы должны понять, что здесь было, и везде снять отпечатки.

– Может, лучше вызвать судмедэксперта?

– Он уже едет.

* * *

Марк Секстон звонит юристу из своего офиса в высотке «Кэнери-Уорф». Тринадцатью этажами ниже Темза медлительно направляет воды к морю, а в трех милях к западу отсюда переливается на солнце небоскреб «Шард». Звук телевизора в углу выключен, однако Марку видна бегущая строка и фотографии дома на Фрэмpton-роуд. Не только соседского, но и *его*.

– Как это они, черт возьми, *не знают*? Сколько времени длится гребаная криминалистическая экспертиза?

– Я не спец в этой области, – увिलивает юрист, – хотя знаю одного королевского адвоката-уголовника. В смысле, он специализируется на уголовных делах, – смеется он.

Секстон не настроен шутить.

– Просто свяжись еще раз с этими придурками из долины Темзы, ладно? Рабочие пригрозили взять с меня неустойку, если им не разрешат вернуться к работе до конца недели, или вообще найти другого заказчика. А это значит, что они месяца полтора будут не спеша перестраивать чью-нибудь гребаную кухню.

– Не думаю, что это поможет...

– Звони, мать твою! За что я тебе плачу?

Секстон с грохотом кладет трубку и снова смотрит на экран телевизора. В новостях явно рассказывают об исчезновении Ханны Гардинер, а экстрасенс с прилизанными волосами напоминает всему миру, как она уверяла, что разгадка тайны заключается в цифре 3. Затем идет нарезка из заголовков газет двухлетней давности: «Пропавшую на летнем фестивале девушку похитили сатанисты?», «Полиция отрицает связь с языческими ритуалами: в деле возникает все больше вопросов», «Маленький ребенок найден рядом с местом древних жертвоприношений».

«Только этого мне не хватало», – думает Секстон, подперев голову руками.

* * *

– Решили не вскрывать подарок до вашего прихода, – говорит судмедэксперт. – А ведь до дня рождения еще далеко!

Его зовут Колин Бодди – и да, это совсем не смешно. Ладно, смешно, ужасно смешно. Он слышал подобные шуточки столько раз, что научился юморить в своем особенном стиле. Со стороны звучит глуповато, если не знать Колина, однако это всего лишь способ защититься. Только смех позволяет справиться с кошмарами, которые пугают даже среди бела дня в окружении множества профессиональных приборов.

Когда мы шли через сад, все жители высовывались из окон соседних домов, чтобы посмотреть. Наверняка какой-нибудь засранец уже выложил фотку в гребаный «Твиттер».

В полу сарая зияет дыра, а вокруг нее собрались криминалисты, Гислингхэм, Куинн; теперь к ним присоединился и я. Бодди осторожно наклоняется и срезает прогнившее одеяло вместе с клейкой лентой.

С одной стороны, затем с другой. Все прекрасно знают, какое зрелище нас ждет, но внутри все равно все сжимается. Слава богу, лежит лицом вниз. На ребрах видны обрывки зеленовато-сиреневой кожи. Скрюченные руки. От голеней остались одни лишь кости.

– Как видите, останки частично мумифицировались, – спокойно рассказывает Бодди. – Что неудивительно, так как тело было плотно завернуто, а под полом имеется вентиляция. Видимо, нижнюю часть одеяла закрепили слабее, поэтому крысы обгрызли стопы и щиколотки. Здесь явные признаки нашествия грызунов.

У Куинна перекосило лицо от отвращения.

– Пол определенно женский, – продолжает Колин. – Бóльшая часть волос также сохранилась. – Он наклоняется и пластиковой ручкой сдвигает в сторону спутанные пряди. – Причиной смерти, судя по всему, стала травма от удара тупым предметом по теменной кости. Точнее смогу сказать после осмотра в лаборатории.

– Она могла выжить после такого удара? – с бледным видом спрашивает Гислингхэм.

– Она точно потеряла бы сознание, – подумав, отвечает Бодди. – Да, сразу могла и не умереть... Смотрите. – Судмедэксперт опять садится на корточки и показывает на что-то в районе усохших запястий. – Полагаю, вы установите, что это кабельная стяжка, а значит, смерть наступила не сразу после удара.

Вспомнились слова Эверетт о том, что Харпер связал жертву и оставил в доме, чтобы съездить в Уиттенхэм, бросить там машину и ребенка. Он хотел видеть ее живой, когда вернется. У Харпера были на нее свои планы.

– Есть возможность определить, как долго она оставалась в живых?

Бодди качает головой.

– Вряд ли. Она могла продержаться несколько часов, а то и дней.

– Господи, – шепчет себе под нос Гислингхэм.

Колин выпрямляется.

– Здесь полно следов разложения, но я уверен, что умерла она не здесь. Не на этом одеяле. Иначе все было бы забрызгано кровью и мозговыми тканями.

Иногда хочется, чтобы Бодди выражался не так прямолинейно.

– Кстати, завернули ее обнаженной. Будь на ней одежда, остались бы какие-нибудь клочки.

К этому моменту бледнеет не только Гислингхэм. Все мы прокручиваем в голове одну и ту же сцену: вот она просыпается со связанными руками, голая, изувеченная. Просыпается, зная, что ее смерть –

лишь вопрос времени.

– Зачем убийце раздевать ее? Для сексуального контакта?

– Либо с целью унижить. Результат ужасен в любом случае.

А то мы не поняли.

– Что ж, ребята, – оживленным тоном перебивает Чаллоу, – если вы закончили, то мы приведем фотографа и начнем собирать улики.

* * *

Би-би-си Мидлендс Сегодняшние новости

Вторник, 2 мая 2017 года | Последнее обновление в 15.23

Срочное сообщение

В подвале дома в Оксфорде найдено тело

Би-би-си стало известно, что в том же доме в Северном Оксфорде, где вчера утром были обнаружены девушка и маленький мальчик, сегодня нашли труп. По словам свидетелей, криминалисты выносили из сада человеческие останки, предположительно женские. Появились слухи о том, что, вероятно, полицейские нашли тело 27-летней журналистки Би-би-си Ханны Гардинер, пропавшей два года назад на летнем празднике в Уиттенхэме.

Последним Ханну видел ее муж Роб Гардинер: утром 24 июня 2015 года она покинула их квартиру на Кресент-сквер и направилась в Уиттенхэм-Клампис, чтобы снять репортаж о лагере протеста. Там, как утверждают следователи, Ханна и пропала, ведь ее двухлетний сын Тоби был найден близ лагеря, автомобиль «Мини Клубмен» стоял на парковке неподалеку, а посетители фестиваля видели Ханну.

Одного из протестующих по имени Реджинальд Шор впоследствии арестовали за попытку изнасилования в Уорике и долго допрашивали в связи с исчезновением Ханны, однако обвинения так и не были выдвинуты. Его сын Мэтью сейчас пишет книгу о случившемся и сегодня утром дал следующий комментарий: «Мой отец стал жертвой охоты на ведьм, которую устроила полиция долины Темзы во главе с суперинтендантом Аластером Осборном. Мы намерены снова подать прошение об отмене приговора, а также обратиться в Независимую комиссию по рассмотрению жалоб на действия полиции – пусть разберутся с тем, как велось дело Ханны Гардинер. Ее семья заслуживает знать правду, и я со своей стороны сделаю все возможное, чтобы помочь им в этом».

Полиция долины Темзы отказалась от комментариев, подтвердив при этом, что опубликует официальное заявление «в должное время». Суперинтендант Аластер Осборн ушел на пенсию в декабре 2015 года.

* * *

Бодди звонит мне в восемь вечера. Я как раз решал: то ли пойти домой, то ли заказать китайской еды и посидеть еще в отделении, но в итоге оказываюсь в морге. Непредсказуемая работенка. По дороге звоню Алекс, чтобы предупредить об опоздании, а потом вспоминаю, что сегодня она встречается с давними друзьями по колледжу. В общем, меня в любом случае ждала бы китайская еда.

В 20.45 я паркуюсь у больницы. Небо темнеет, с запада набегают тучи, и уже накрапывает дождь.

В морге тело аккуратно разложено на металлическом столе.

– Я отправил некоторые кости на анализ ДНК, – сообщает Бодди, пока моет руки в раковине. – А криминалисты забрали одеяло.

– Есть что добавить по поводу причины смерти?

Колин подходит к трупу и показывает на вмятины в черепе.

– Ударов было два. Первый вот здесь – после него она, скорее всего, потеряла сознание. Потом здесь, видишь? Повреждения куда серьезнее. Второй удар ее и убил, вызвав, в отличие от первого, обильную потерю крови. Орудие однозначно было заостренным.

Ужинать как-то перехотелось.

– Вы, наверное, уже запросили стоматологическую карту Ханны Гардинер? – спрашивает, выпрямившись, Бодди.

Я киваю.

– А Чаллоу обыскивает дом, но пока ничего.

– Если она умерла там, следы найдутся, не сомневайтесь.

Снаружи поднимается ветер, в стекло стучит дождь.

– Почему вы хотели, чтобы я пришел один?

– Я не сразу заметил... – Бодди берет со столика металлический поднос. – Вот что я нашел под черепом, когда мы подняли кости.

Полоска высохшего серого пластика. Клейкая лента.

– Значит, ей заклеили рот.

– Заклеили рот и связали, – подтверждает Бодди. – Теперь вы понимаете, почему не стоило никого приводить с собой?

По выражению моего лица становится ясно, что я не понимаю.

– Ну же, Фаули, шевелите мозгами – связанные руки, разбитый череп, труп лежит лицом вниз... Писаки быстро найдут связь с телами,

найденными на Уиттенхэм-Клампе, так что подумайте хорошенько перед тем, как выпускать официальное заявление.

– Черт!

– Вот именно. Не знаю, как вам, а нам и так жутковато. Не хватало еще заголовков, где большими буквами написано «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ»...

* * *

Крис Гислингхэм открывает дверь ногой. Воспользовался бы руками, не будь они полны покупок: подгузники, влажные салфетки, детская присыпка... И зачем такому маленькому беспомощному существу столько всего?

– Я дома! – кричит он.

– Мы здесь.

Гислингхэм бросает пакеты на кухне и идет в гостиную, где Джанет, его жена, укачивает их сына. Вид у нее одновременно утомленный и восторженный, как и последние несколько месяцев. Прошлой ночью они почти не спали. Крис целует пахнущего присыпкой и печеньем малыша Билли, тот в ответ смотрит на отца большими глазами. Гислингхэм нежно гладит его по голове и садится рядом на диван.

– Все хорошо?

– К нам приходила милая патронажная сестра, правда, Билли? И сказала, что ты очень подрос. – Джанет целует его в лоб, а Билли пухлой ручонкой тянется к ее волосам.

– Ты вроде собиралась по магазинам с сестрой?

– Билли немного зашмыгал носом, так что я не пошла. Не стоит рисковать. В другой раз.

Гислингхэм пытается вспомнить, когда его жена последний раз выходила из дома. Она ни на минуту не отходит от малыша – не пора ли бить тревогу?

– Тебе ведь тоже нужен свежий воздух, – говорит он, стараясь скрыть беспокойство в голосе. – Может, в выходные покормим уток? Тебе ведь понравится, Билли, правда? – Гислингхэм щекочет мальчишку под подбородком, и тот визжит от восторга.

– Посмотрим, – неопределенно отвечает Джанет. – Все будет зависеть от погоды.

– Кстати, о погоде – тут просто дышать нечем. – Он ослабляет галстук. – Мы вроде выключили отопление?

– Днем было как-то прохладно, поэтому я опять включила.

«Не стоит рисковать», – мысленно заканчивает за жену Гислингхэм. Они десять лет пытались завести ребенка, и преждевременные роды едва не вылились в трагедию, из-за чего теперь Джанет защищает Билли, согревает Билли, следит за его ростом, весом и мельчайшим продвижением в развитии. В ее жизни больше нет места ни для чего и уж тем более для готовки.

– Опять пицца? – спрашивает в итоге Крис.

– В холодильнике, – рассеянно отзывается Джанет, пересаживая малыша. – Погреешь ему бутылочку?

Гислингхэм встает и идет на кухню. Почти вся еда в холодильнике – не считая коробки с пиццей, прилипшей к задней стенке, – что-то протертое, что-то размятое или молоко. Крис ставит пиццу в микроволновку и включает подогреватель бутылочек. Когда через пять минут он возвращается в гостиную, Джанет уже спит, откинувшись на спинку дивана.

Крис осторожно забирает сына из рук жены и прислоняет к своему плечу.

– Ну что, Билли, давай-ка мы с тобой немного попьем перед сном...

* * *

Алекс приходит около полуночи. Думает, что я в постели, потому что в гостиной выключен свет, и несколько секунд я наблюдаю за тем, как она ведет себя, когда уверена, что никто не смотрит. Бросив сумку у двери, Алекс любуется собой в зеркале. Она красивая, моя жена, и всегда была красивой. Из тех, на кого непременно обращают внимание, если она заходит в комнату. Темные волосы и переменчивого цвета глаза, которые при одном освещении фиолетовые, а при другом – почти бирюзовые. На каблуках Алекс выше меня, и, если вам интересно, я этим совсем не заморочен. Она подносит руки к лицу, разглаживает морщинки у глаз, поворачивает голову то в одну, то в другую сторону, в какой-то момент, видимо, замечает меня в зеркале – и резко оборачивается. Щеки ее порозовели.

– Адам? Ты меня до чертиков напугал... Чего сидишь тут в темноте?

Я беру бокал и допиваю остатки мерло.

– Просто размышляю.

Алекс усаживается на подлокотник дивана напротив.

– Тяжелый день?

Я киваю.

– Работаю над делом на Фрэмpton-роуд.

– Видела в новостях... Все так ужасно, как рассказывают?

– Хуже. Днем мы нашли в доме тело. Предполагаем, что это Ханна Гардинер, но прессе пока не сообщали.

– А ее мужу?

– Нет. Личность еще не подтверждена, и я не стану лишним раз напоминать ему о трагедии, если не буду полностью уверен.

– Что с девушкой из подвала?

– Пребывает в шоке, по словам Эверетт. Не говорит. Похоже, не помнит, как ее зовут и что у нее есть ребенок. Заорала, как только увидела его.

Алекс молчит и опускает взгляд. Я знаю, о чем она думает, прекрасно знаю. Разве можно забыть о своем ребенке? Разве можно, потеряв малыша, не хотеть завести еще одного? Интересно, поднимет ли она снова этот вопрос? Ответом являются ее боль, ее потребность и ее мысли.

– А у тебя как вечер прошел? – спрашиваю я после ее невысказанных слов.

– Хорошо. Под конец остались только я и Эмма.

– Кажется, я такую не знаю.

– Я и сама ее сто лет не видела. Работает в городском совете, занимается устройством детей в новые семьи... – Алекс не смотрит мне в глаза.

– Усыновление, опекуновство и все такое?

– Ага, – отвечает она, глядя в сторону.

Я делаю глубокий вдох.

– Алекс, никакой встречи однокурсников не было? Только ты и эта Эмма?

Она дергает ручку сумки.

– Слушай, я просто хотела расспросить ее, узнать, что для этого нужно.

– Несмотря на мое мнение. Несмотря на то, что мы договорились...

Алекс поднимает голову, ее глаза полны слез.

– *Мы* не договаривались. Это *ты* договорился. Я знаю, как ты ко всему относишься, но как насчет *моего* отношения к ситуации? С Джейком меня и не волновало, что других детей у нас нет, но когда мы его потеряли... – Она с трудом унимает дрожь в голосе. – Когда мы его потеряли, это было просто невыносимо. Вместе с ним умерла часть *меня*. Умерла мать, которая ставила жизнь ребенка выше своей. И я хочу вернуть эту часть, понимаешь?

– Конечно, понимаю. Я же не идиот.

– Так почему ты отказываешься хотя бы рассмотреть такую

возможность? Эмма говорит, эти дети отчаянно нуждаются в любви, стабильности и поддержке, которую мы могли бы обеспечить...

Я встаю, забрав бокал и бутылку, и направляюсь на кухню, чтобы загрузить посудомойку. Через пять минут Алекс появляется в дверном проеме.

– Ты боишься полюбить другого ребенка сильнее, чем Джейка? Если дело в этом, то я все понимаю, правда.

Я заканчиваю с посудой и облокачиваюсь на столешницу.

– Ты же знаешь, что дело не в этом.

Алекс подходит ближе и касается моей руки – очень осторожно, словно боится быть отвергнутой.

– Ты не виноват, – тихо говорит она. – Его смерть не делает нас плохими родителями.

За последний год я сотни раз повторял эти слова Алекс. Как же вышло, что теперь в утешении нуждаюсь я?

Обнимаю жену и, крепко прижав ее к себе, чувствую, как она дышит, как бьется ее сердце.

– Я люблю тебя.

– Знаю, – шепчет Алекс.

– Я люблю *тебя* – вот что я имею в виду. Этого достаточно. Мне не нужен другой ребенок, чтобы... не знаю... почувствовать себя полноценным или найти смысл в жизни. У меня есть ты, работа, все это... И больше мне ничего не нужно.

* * *

Позже, лежа в кровати и прислушиваясь к ее дыханию, я смотрю сквозь шторы на темно-синее небо и задаюсь вопросом: соврал ли я? В смысле, не намеренно, а просто умолчав об истинной причине. Да, я действительно не хочу усыновлять ребенка, но не потому, что моя жизнь и так полна. Просто сама идея безумно меня пугает. Это все равно что вытащить шарик из гигантского лотерейного барабана. Воспитание – штука важная, однако зов крови сильнее. Мои родители так и не сказали, что они мне не родные, а я знаю, знаю это уже давно. Нашел документы в отцовском столе, когда мне было десять лет. Непонятные слова пришлось посмотреть в словаре, и все же я понял суть. Все вдруг встало на свои места. Я не был похож на них внешне, да и мыслил совершенно иначе. Чувствовал себя отщепенцем в собственной жизни. Месяцами, годами ждал, что они признаются, хотя знал, что такого не случится. Скажи я об этом Алекс, она ответила бы, что мы все сделаем по-другому. Что будем современными родителями,

открытыми и честными, и не станем повторять чужих ошибок. Что большинство приемных детей счастливы и уравновешены, живут вполне хорошей жизнью. Может, так и есть. А может, они, как я, просто не хотят говорить об этом.

* * *

Я просыпаюсь в семь. Место Алекс в постели уже пустует. Она на кухне, одетая и готовая к выходу.

– Как ты рано встала...

– Надо отвезти машину в сервис, забыл? – говорит жена, делая вид, будто возится с кофеваркой.

– Тебя забрать вечером?

– Разве ты не будешь занят допоздна с этим делом?

– Скорее всего. Но предположим, я смогу за тобой заехать, а если не получится, скину сообщение на почту.

– Ладно. – Алекс едва заметно улыбается, целует меня в щеку и хватает ключи. – Тогда до встречи.

* * *

– Тело пока не опознано. Какая-то задержка с получением стоматологической карты. На защитном костюме, найденном в сарае, нет видимых следов крови, но на всякий случай проведем анализ ДНК. Вероятность, конечно, мала – если Харпер и надевал что-нибудь такое, когда отвозил машину Ханны, то давно уже выкинул.

Куинн у меня в кабинете, сообщает новости по делу, держа планшет в руке. И как он раньше обходился без этой штуки?

– Эв снова в больнице. От Джима Николлса пока ничего – видимо, он в отъезде. Попробуем связаться с ним еще раз. Супер^[11] уже два раза дергал насчет пресс-конференции. Я сказал, что вы к нему зайдете. – После паузы Куинн добавляет: – Вы знали, что Мэтью Шор пишет книгу?

– Нет, да и с чего бы ему нам сообщать...

– С Осборном говорили?

Я качаю головой:

– Не могу дозвониться, все время попадаю на голосовую почту.

– Как насчет Мэтью Шора? Он ведь проводит собственное расследование. Вдруг что-нибудь нашел, тем более у него свежий взгляд...

– Забудь об этом, Куинн, – раздраженно отвечаю я. – Найди он что-то, мы бы давно знали, уж поверь мне. Шор – тот еще тип. Начнем с ним общаться, и он использует это против нас. Понятно?

Сержант уставился в свой список, я окликаю его.

– Куинн? Ты меня слышишь?

Он поднимает взгляд, потом снова смотрит в планшет.

– Конечно, как скажете. Тогда остается Харпер. Я попросил сержанта охраны привезти его в комнату для допросов номер один, адвокат как раз приехала.

Я допиваю кофе и морщусь: что бы они ни делали с этим аппаратом, результат лучше не становится.

– Найди Гиса, он пойдет со мной.

Я снимаю пиджак со спинки стула, чувствуя на себе косой взгляд Куинна. Нет, я его не наказываю, но пусть поволнуется денек-другой.

* * *

*Допрос доктора Уильяма Харпера,
произведенный в отделении полиции
Сент-Олдейт, г. Оксфорд
3 мая 2017 года, 9.30*

*Присутствуют: инспектор А. Фаули,
констебль К. Гислингхэм, Дж. Рид (адвокат),
К. Эддингс (из службы охраны психического здоровья)*

А.Ф.: Доктор Харпер, я инспектор Адам Фаули, веду дело по поводу молодой женщины и ребенка, найденных в подвале вашего дома в понедельник утром. Госпожа Эддингс представляет службу охраны психического здоровья, а миссис Рид – ваш адвокат. Они будут защищать ваши интересы. Это понятно?

У.Х.: Хрена ли ты там бормочешь.

А.Ф.: Вам не ясно, какова роль миссис Рид?

У.Х.: Я похож на идиота? Я в курсе, чем занимается гребаный адвокат.

А.Ф.: Значит, вы не поняли насчет девушки и ребенка?

У.Х.: Да сколько можно? Я понятия не имею, что за бред ты несешь.

А.Ф.: Хотите сказать, в вашем подвале не было молодой женщины с ребенком?

У.Х.: Если и были, то я их не видел.

А.Ф.: Как же они там оказались?

У.Х.: Не представляю, черт возьми. Наверное, цыгане. Для таких подвал – настоящая роскошь, они ведь живут в грязи, как свиньи.

А.Ф.: Доктор Харпер, ничто не указывает на принадлежность

женщины к цыганскому сообществу. Да и как она могла бы незаметно пробраться в ваш подвал?

У.Х.: А мне почему знать? Это у вас, видите, есть ответы на все чертовы вопросы.

А.Ф.: Дверь в подвал была заперта снаружи.

У.Х.: Не сходится, да? Умник хитрожопый.

[Пауза]

А.Ф.: Доктор Харпер, вчера днем криминалисты из полиции долины Темзы провели тщательный обыск в вашем доме и обнаружили труп под полом сарая. Тело принадлежит взрослой женщине. Вы можете объяснить, как оно туда попало?

У.Х.: Хрен его знает, спроси что полегче.

Дж. Р.: [Вступает в разговор] Дело серьезное, доктор Харпер. Вы должны отвечать на вопросы инспектора.

У.Х.: Отвали, противная корова.

[Пауза]

А.Ф.: Итак, вы не можете объяснить, откуда взялся труп у вас в сарае и как женщина с ребенком попали в ваш дом, все так? Думаете, мы в это поверим?

У.Х.: Да что ты заладил одно и то же? Недоразвитый, что ли?

К.Г.: [Подает фотографию] Доктор Харпер, вот снимок женщины по имени Ханна Гардинер, она пропала без вести два года назад. Вы ее раньше видели?

У.Х.: [Отталкивает фотографию] Нет.

К.Г.: [Подает другую фотографию] А как насчет этой? Ее мы нашли у вас в подвале. Я показывал вам вчера этот снимок.

У.Х.: Они все одинаковые. Мерзкие коровы.

К.Г.: Простите, вы имеете в виду, что узнали ее или нет?

У.Х.: Фригидные коровы заставляют прямо-таки умолять. Как эта шлюха Присцилла. Говорил ей – вали туда, откуда ты родом, мерзкая корова.

К.Э.: Прошу прощения, инспектор, думаю, он снова путается. Присцилла – его покойная жена.

А.Ф.: Посмотрите на фотографии, доктор Харпер. Вы когда-нибудь видели этих женщин?

У.Х.: [Раскачивается взад-вперед] Мерзкие коровы. Злобные уличные девки.

К.Э.: Нам лучше прерваться.

* * *

Отправлено: Ср 03/05/2017 в 11.35

Пометка: Важно

От: AlanChallowCSI@ThamesValley.police.uk

**Кому: DIAdamFawley@ThamesValley.police.uk,
CID@ThamesValley.police.uk**

Копия: Colin.Boddie@ouh.nhs.uk

Тема: дело № JG2114/14R Гардинер, Х.

Подтверждаю получение стоматологической карты.

Тело из сарая на Фрэмpton-роуд точно принадлежит Ханне Гардинер.

* * *

– Адам? Это Аластер Осборн. Я все видел в новостях.

Хотя я сам пытался связаться с ним, мысль о том, что Осборн перезвонит, ужасно пугала.

– Это она, да? Ханна Гардинер?

– Да, сэр. Мне очень жаль.

От некоторых привычек тяжело избавиться. Я привык обращаться к нему уважительно.

– Я так понимаю, что этот Харпер – главный подозреваемый? – продолжает Осборн. – Н.Д.М.?

На данный момент. То есть пока мы не исключим его из списка подозреваемых (если такое вдруг случится). Пока не найдем другого подозреваемого или сообщника.

– Пока да.

– Как там Роб Гардинер, держится?

– Он, конечно, знал, что этот момент когда-нибудь настанет, но все равно в шоке.

На другом конце провода пауза.

– Я должен извиниться перед тобой, Адам.

– Нет...

– Еще как должен, – перебивает Осборн. – Ты не был уверен в причастности Шора и предлагал расширить поиски за пределы Уиттенхэма, а я отверг твою идею. И был неправ. Теперь же это чудовище снова устроило...

– Не знаю, утешит ли вас этот факт, сэр, но вполне возможно, что девушка оказалась в подвале задолго до смерти Ханны.

* * *

Эверетт слышит шум, доносящийся из коридора. Она идет на звук и заглядывает в игровую зону детского отделения, где полно игрушек и картинок со слонами, жирафами и обезьянками, а по стене течет нечто до ужаса похожее на кровь. Мальчик в центре комнаты разрывается от крика. Игрушечный поезд сломан, трое других детей плачут и прячутся за стульями. У маленькой девочки на щеке порез. Помощница медсестры, стоя на четвереньках, оттирает темно-красное пятно с линолеума.

– Это просто смородиновый напиток, честное слово. Клянусь, я отлучилась всего на пять минут – Джейн сегодня не пришла на работу, и мы тут с ног сбиваемся...

– Наверное, он никогда не видел других детей, – говорит Эверетт. – Поэтому и не знает, как вести себя с ними.

Прибегает сестра Кингли.

– Откуда у Эми этот порез?

– Я услышала крик и тут же вернулась. Мальчик сидел верхом на Эми, придавливая ее к полу.

Сейчас он затих, но лицо покраснелось, по щекам текут слезы.

Кингсли делает осторожный шаг в его сторону, однако малыш пятится.

– Вчера вечером был настоящий кошмар, – устало сообщает помощница медсестры. – Он почти час орал на все отделение, пока не выбился из сил. Успокоившись, свернулся под кроватью. Мы пытались выманить его – ничего не вышло. В итоге так и оставили там.

Дженни растерянно качает головой.

– Я еще раз поговорю с соцслужбой. Я переживаю за него, ужасно переживаю, но больным деткам нужен нормальный сон.

Глянув на медсестру, мальчик вдруг опускается на четвереньки и уползает в угол. Три женщины молча наблюдают за тем, как он проводит рукой по стене и слизывает загустевший напиток с пальцев.

– Господи, – нарушает тишину Эверетт. – Может, он и раньше так делал?

– В подвале? – изумляется Дженни Кингсли.

– Представьте: воды почти не осталось, а стены влажные...

Помощница медсестры зажимает рот рукой. У Эверетт тренькает телефон.

Приходит сообщение от Фаули.

Пусть врачи снова осмотрят мальчика. Надо исключить версию о сексуальном насилии.

* * *

ПОЛИЦИЯ ДОЛИНЫ ТЕМЗЫ

Свидетельские показания

Дата: 25.06.2015 г.

Имя, фамилия: Сара Уолл

Дата рождения: 13.11.1966

Адрес: Дорчестер-он-Темз, ул. Нортмур-клоуз, д. 32

Род занятий: внештатный бухгалтер

В среду утром я гуляла на Уиттенхэм-Клампе со своей собакой. Я бываю там почти каждый день, так что местных знаю в лицо. В тот день народу было больше – после Фестиваля середины лета многие путешественники еще не уехали из лагеря. Видела я и студентов, и семьи с детьми, и бабушек и дедушек с внуками. Мамы с колясками тоже были. Я пошла к Касл-Хилл, по дороге встретила нескольких знакомых, бегающих трусцой, и человека с такой же собакой, как у меня. Мы остановились и немного поболтали, это было ближе часам к девяти. Потом

мне позвонил клиент, и я двинулась обратно. Тогда-то я и заметила молодую женщину с коляской – вдалеке, спиной ко мне, но я рассмотрела темные волосы, завязанные в хвост, и черный или темно-синий пиджак. И что-то вроде рюкзака. Не знаю, куда она направилась, но когда я шла мимо парковки, там точно был оранжевый «Мини Клабмен». Такой яркий, нельзя не заметить.

Подпись: Сара Уолл

* * *

ПОЛИЦИЯ ДОЛИНЫ ТЕМЗЫ

Свидетельские показания

Дата: 25.06.2015 г.

Имя, фамилия: Мартина Браунли

Дата рождения: 09.10.1989

Адрес: студенческое общежитие Оксфордского университета им. Брукса

Род занятий: студентка

Мы тусили всю ночь, и на тот момент, если честно, я еще не совсем протрезвела, но я точно видела ее на тропинке. Ребенок спал в коляске, а она склонилась над ним. Сто пудов это была она, хоть близко я и не подходила. Приметила пиджак из «Зары», у моей подруги такой же. Сколько было времени, не помню. Может, 8.45?

Подпись: Мартина Браунли

* * *

ПОЛИЦИЯ ДОЛИНЫ ТЕМЗЫ

Свидетельские показания

Дата: 25.06.2015 г.

Имя, фамилия: Генри Нэш

Дата рождения: 22.12.1951

Адрес: Аплфорд, Уиттенхэм-роуд, Тисовый коттедж

Род занятий: учитель (на пенсии)

Я почти каждое утро гуляю по Уиттенхэм-Клампе. Сегодня пришел туда около 9.25. На парковке уже стоял оранжевый «Мини Клабмен». Я направился к Касл-Хилл и обошел кругом Дерево поэта – точнее, то, что

от него осталось. Чуть дальше заметил что-то яркое рядом с пещерой, которую называют «Денежной ямой». Это была детская коляска зеленого цвета, она просто стояла там, как будто родители отошли на секундочку. Я подождал несколько минут, но никто так и не появился, поэтому я спустился с холма и сообщил о своей находке работнику на стойке информации. Жаль, что я не осмотрелся получше – мог бы сразу найти малыша. Когда я проходил мимо парковки, подъехал черный «Ягуар», из которого вышел Малкольм Джервис. Он кричал на кого-то по телефону, так что я обошел его стороной.

Подпись: Генри Нэш

* * *

В отделении Сент-Олдейт Куинн изучает дело Ханны Гардинер. Полицейские все утро пытались связаться с людьми, которые давали показания по Уиттенхэму, но все впустую. Никто не видел старика с детской коляской, никто не указал на снимок Уильяма Харпера среди ряда похожих фотографий. Сейчас Куинн ищет свидетелей, которые могли бы видеть Ханну на Кресент-сквер или Фрэмpton-роуд, когда та пошла за машиной. Харпера – если это он убил Ханну – должны были заметить на улице, тем более в середине июня в такое время уже светло. Может, кто-нибудь проезжал мимо, спеша на работу или решив пораньше отправить детей в школу? Однако в папке нет подобной информации. Куинн делает пометку: «Найти новых свидетелей», когда вдруг раздается звонок. Это Чаллоу.

– Свеженькие отпечатки, только что получил результаты.

– Давай. – Куинн берет ручку.

– На кухне и внизу большинство принадлежат Харперу, и еще несколько – Дереку Россу, что соответствует его показаниям. Есть и неопознанные «пальчики», которых не нашлось в базе.

– Что насчет подвала?

– Снова Харпер и предположительно отпечатки девушки, их мы обязательно проверим. Росса там не было, зато некоторые совпадают с неопознанными из кухни. Два отчетливых следа на задвижке внутренней двери вывели нас на подозрительную личность по имени Гарет Себастьян Куинн.

– Ха-ха, очень смешно.

– Ладно, на засове и вправду нет других следов, кроме твоих, – возможно, их стерли. Частичные отпечатки нашлись и в сарае. Они могут совпасть с неизвестными из подвала, но максимум по пяти параметрам, так

что для Службы уголовного преследования такое не годится.

Сидя на стуле, Куинн подается вперед.

– Есть вероятность, что кто-то замешан в обоих случаях?

– Не заикливайся на этой мысли. Давность отпечатков не определишь – вполне могут принадлежать какому-нибудь сантехнику. Скажем, устанавливал Харперу унитаз или пробивал засор в раковине... Мы начали поиск возможного места убийства в доме, но ничего не обнаружили.

– По ДНК тоже глухо?

– Пока что да. Не волнуйся – если что, узнаешь первым.

Куинн вешает трубку. Последние слова Чаллоу прозвучали саркастично или у него уже паранойя? Проблема с Чаллоу заключается в том, что сарказм – его привычный стиль общения, из-за чего трудно понять, когда он говорит серьезно, а когда – нет. Ну и хрен с ним. Надо позвонить Эрике.

– Фаули хочет еще раз опросить ту женщину из седьмого дома, как ее там... Гибсон, что ли? Пусть получше опишет парня, который, по ее словам, приходится Харперу сыном. Сделаешь?

Куинн с улыбкой слушает ответ.

– Нет, *констебль Сомер*, я звоню не только за этим. Не желаете выпить сегодня вечером? Обсудим дело. – Он улыбается еще шире. – Да, и это тоже.

* * *

– Я нашел всего два похожих случая, и оба более чем пятнадцатилетней давности.

Я смотрю на монитор из-за плеча Бакстера. В комнате душно. Температура резко выросла, и древняя система кондиционирования в участке не справляется. Работающие компьютеры лишь прибавляют жару. Бакстер протирает затылок носовым платком.

– Вот оно, – говорит он, стуча по клавиатуре. – Брайони Эванс, двадцать четыре года, пропала без вести двадцать девятого марта две тысячи первого года вместе со своим двухлетним сыном Юэном. В последний раз видели у супермаркета неподалеку от ее дома в Бристоле.

Фотография не очень четкая, сделана на какой-то вечеринке, судя по новогодним украшениям на заднем плане. Девушка выглядит моложе своего возраста. Волосы в мелких кудряшках. Улыбается, но лишь губами, а не глазами.

– Родных волновало ее психологическое состояние. Считали, что у Брайони депрессия – она не могла найти работу, все время торчала дома

с ребенком. Хотели отправить ее к врачу, но девушка отказывалась.

– Поэтому решили, что это самоубийство?

– Видимо, на этом и сошлись следователи из Эйвона и Сомерсета. Серьезное было расследование, в деле больше сорока свидетельских показаний, однако на похищение или убийство ничто не указывало. Присяжные вынесли открытый вердикт^[12].

– Чертовски редкий случай, чтобы так долго не находили тело... Если она не покончила с собой.

– Бристоль на побережье, – подумав, говорит Бакстер. – Она могла утонуть.

– Вместе с ребенком? Seriously?

Он пожимает плечами:

– Всякое бывает... Ладно, версия не слишком *убедительная*, но все возможно.

– А что там со второй?

– Вот это уже поближе.

Бакстер достает еще одно дело, 1999 года. Джоанна Карим с сыном Меди. Ей было двадцать шесть, ему – пять. Жили в Абингдоне, совсем недалеко от Оксфорда. Бакстер замечает мои горящие глаза и спешит разочаровать.

– Спор об опеке, муж – иранец. Старший следователь, занимавшийся делом, сказал, что отец наверняка похитил ребенка и увез его в Тегеран. От жены, вероятно, избавился, хотя улики для обвинения было недостаточно, да и к тому времени мерзавец уже покинул страну. Да, похоже на двойное исчезновение, но в действительности тут два отдельных преступления.

Я сажусь рядом.

– Ладно. Даже если они не связаны, у нас остается несколько наборов неопознанных отпечатков в подвале.

– Чаллоу сказал, они могут принадлежать кому-нибудь вроде сантехника.

– Ты любишь ставки, Бакстер? Верно?

Он краснеет – не знал, что я в курсе.

– Ну, не то чтобы я очень часто *делаю* ставки...

– Я слышал, ты ставишь на футбол, на лошадей, и у тебя неплохо получается.

– Ну да, бывает, выигрываю, – осторожно подтверждает он. – Время от времени.

– Так какова вероятность, что там отпечатки сантехника? Что скажешь? Лицо Бакстера меняется. Он больше не смущен – подсчитывает в уме.

– Двадцать пять к одному. Такой шанс не упускают.

* * *

– Констебль Гислингхэм? Это Луиза Фоли.

До него не сразу доходит, кто это. Фоли чувствует заминку.

– Университет Бирмингема, – сухо напоминает она. – Вы запрашивали личные данные из дела доктора Харпера.

– Да, точно. Сейчас, возьму ручку. Давайте.

– Я поговорила с руководителем отдела, и он разрешил отправить вам копии соответствующих бумаг. Сегодня пришлю по электронной почте.

– Расскажите вкратце, в чем там суть.

Луиза вздыхает – чересчур громко.

– Никакой вульгарщины, на которую вы, как я понимаю, надеялись. Просто отношения со студенткой, жалобу она не подавала. *Принуждения* с его стороны не было. Напротив, друзья девушки полагали, что это скорее она добивалась внимания преподавателя. Однако на тот момент доктор Харпер состоял в браке, да и подобные отношения в любом случае идут врозь с университетскими правилами, так что по всеобщему согласию было принято решение отправить Харпера на пенсию досрочно. Все это вы найдете в документах.

– Хорошо. – Гислингхэм бросает ручку на стол. – Еще один вопрос: как звали ту девушку?

– Каннингем. Присцилла Каннингем.

* * *

Все окна в квартире на Кресент-сквер открыты. Ветерок приподнимает длинные белые занавески. Слышно, как в саду играют дети: кто-то прыгает на батуте, кто-то визжит, кто-то стучит мячом. Похоже, там одни мальчики.

Пиппа Уокер заглядывает в кабинет – уже третий раз за последний час. Роб Гардинер сидит за столом и смотрит в ноутбук. Пол усыпан старыми блокнотами, липкими стикерами для заметок, кипами бумаг. Он раздраженно смотрит на Пиппу.

– Тебе что, нечем заняться? Поиграй с Тоби.

– Он спит. Ты торчишь здесь уже несколько часов. Опять копаешься во всем этом...

– Да, копаюсь, *понятно?*

Пиппа переступает с ноги на ногу.

– Я думала, сегодня ты будешь работать.

– Работал, а потом передумал. Все равно это не твоё дело.

– Просто я за тебя волнуюсь. Снова поднимать прошлое – не лучшая затея...

Пиппа прикусывает губу, но уже поздно.

Роб бросает на нее тяжелый взгляд.

– Моя жена два года считалась пропавшей без вести, а теперь ее тело нашли при чертовски ужасных обстоятельствах. Полицейские попросили меня еще раз заглянуть в ее записи – вдруг что-нибудь укажет на мерзкого ублюдка, который сотворил с ней такое. Лично я хочу, чтобы эта тварь сгнила в тюрьме, поэтому если тебе не нравится мое *копание в прошлом*, походи и займись чем-нибудь другим. Книжку, что ли, почитай для разнообразия, черт возьми.

Лицо Пиппы приобретает ярко-красный оттенок.

– Прости. Я не хотела, ты же знаешь...

– Честно говоря, меня не волнует, что ты там хотела или не хотела.

Оставь меня в покое.

Роб встает и громко хлопает дверью.

* * *

Вся команда собирается в пять вечера. Встреча проходит довольно быстро. Итоги таковы:

– студентка, с которой у Харпера завязался роман, стала его второй супругой. Да, он уже был женат, но это не делает его психопатом. Только засранцем и изменником;

– наличие других отпечатков в подвале, возможно, предполагает, что в деле замешан еще один преступник, пока неизвестный. И ни хрена не указывает на то, кто он такой;

– криминалисты не обнаружили в доме никаких улик, обозначающих место преступления, поэтому остается вероятность, что Ханну убили где-то еще и что сделал это не Харпер;

– анализ ДНК: все еще в работе. Цитирую Чаллоу: «Я вам, блин, не волшебник»;

– девушка из подвала: под действием успокоительных и/или не говорит. С мальчиком то же самое;

– пресс-конференция: отложена до завтра, потому что я понятия не имею, что сказать этим чертовым журналистам.

Если вам кажется, что я не в настроении, то так оно и есть. «Сохраняй спокойствие и продолжай в том же духе». Ага, как же.

* * *

Элспет Гибсон пьет очень много чая. Эрика Сомер уже закончила вторую кружку, и это только начало. Хозяйка заметила, что художник-криминалист поглядывает на часы. Кот с недовольным видом устроился на подлокотнике кресла. Такой грубый захват его привычного места для отдыха явно вывел его из себя.

– Итак, вы уверены, что мужчине, с которым говорил доктор Харпер, было за пятьдесят?

– Да, милая. Сразу можно понять по его одежде. Сейчас так никто не одевается.

– А что именно на нем было?

– О, ну знаете, галстук, твидовый пиджак... Молодежь и под страхом смерти такое не наденет. Одни футболки и джинсы с мотней у колен. И еще татуировки. – Миссис Гибсон вздрагивает и снова тянется к заварочному чайнику.

– Мне больше не надо, – спешит прикрыть свою чашку художник.

Сомер глядит на электронный фоторобот в его планшете. Хорошо, что Гибсон вспомнила про необычную одежду, иначе получается портрет самого обычного пожилого мужчины: высоковатый, седоватый, полноватый. Очень приблизительное описание.

– Что-нибудь в его внешнем облике выделялось? Может, шрамы? Своеобразная походка?

– Нет, – подумав, отвечает миссис Гибсон. – Ничего такого.

– А голос? Не особо запоминающийся?

– Ну, я перекинулась с ним всего парой слов и очень давно, но речь у него, помню, грамотная. Не как у простолюдина.

– Акцент?

– А вот акцент, кстати, был – что-то вроде бирмингемского говора. Думаю, он пытался его скрыть, однако в приступе злости такие вещи проявляются...

– Злости, миссис Гибсон? О чем это вы?

– Разве я не сказала? Они ругались. Сын был чем-то сильно расстроен.

– Вы слышали, как они *ругались*? Когда это случилось? Раньше вы ни о чем таком не упоминали.

Миссис Гибсон замирает с чайником в руке.

– Господи, да года три уж прошло, а то и больше. В моем возрасте время коварно – думаешь, что-то случилось пару месяцев назад, когда на самом деле минули годы...

Сомер немного подается вперед.

– Вы помните, из-за чего была ссора?

– Не уверена, что вправе вам рассказывать, – озадаченно отвечает миссис Гибсон. – Я услышала их разговор, так как проходила мимо, а они стояли на крыльце. Этот Джон упомянул что-то про завещание старика – вот я и решила, что он сын Харпера. Тогда-то в его речи и проскочил бирмингемский говорок. Всего в паре слов, но у меня ухо чуткое, мой муж родом оттуда. Странно, раньше я об этом и не задумывалась...

– И его точно зовут Джон?

– Точно, детка. Без сомнений. Ну что, еще чаю?

* * *

У Алекс удивленный вид – кажется, она не ожидала меня увидеть, хоть я и обещал ее забрать. Она работает в высоченном здании, которое видно с окружной дороги. Такое с остроконечной штукой на крыше, насмешливо выглядывает своими башенками на Ботли-роуд. Один шутник в отделе называет его «Минас Моргул», как мрачную крепость из «Властелина колец». Вид оттуда, конечно, шикарный. И парковка огромная. Здесь я и жду супругу.

Она выходит с двумя незнакомыми мне людьми: женщиной за тридцать в зеленом костюме и мужчиной, ровесником Алекс. Высокий, темноволосый. Почти как я. Женщина в зеленом говорит им что-то на прощание и направляется к своей машине. Алекс с мужчиной задерживаются, и, как я вижу, это не просто болтовня между коллегами. У нее вид серьезный, у него – задумчивый. Головы наклонены ближе друг к другу, чем следовало бы. Он постоянно жестикулирует. Как бы упрочивает свой статус, свою компетентность в деле. Работая в полиции, учишься понимать язык тела. Оценивать людей без звука.

Прощаясь, он не касается Алекс. Ну, она же в курсе, что я наблюдаю. Ее коллега, видимо, тоже.

– Кто это был? – спрашиваю я, когда жена садится в машину.

Она бросает на меня короткий взгляд и начинает пристегивать ремень.

– Дэвид Дженкинс. Тоже работает с семьями.

– Выглядело очень эмоционально.

«Только не говори, что ревнуешь», – читаю я молчаливый ответ во взгляде Алекс.

– Я лишь хотела посоветоваться с ним.

От этого как-то не легче. Однако, как и Гис, я знаю, когда надо перестать докапываться.

Мы выезжаем на дорогу, и я направляюсь к окружной.

– Заскочим в больницу, ты не против? Хочу проверить, как там девушка.

– Без проблем. Я вообще не думала, что ты так рано освободишься.

– Я и не освободился бы, появись в деле хоть какое-то продвижение. Мог бы заниматься сейчас чем-нибудь полезным.

Глянув на меня, Алекс отворачивается и смотрит на мелькающие за окном поля.

– Прости. Я не так хотел выразиться.

Алекс отмахивается рукой, но голову не поворачивает. Она тоже знает, когда надо остановиться.

* * *

Мы приезжаем в больницу, и Алекс, к моему изумлению, решает пойти со мной.

– Уверена? Ты же ненавидишь больницы.

– Все лучше, чем сидеть тут и ничего не делать.

На третьем этаже меня встречают Эверетт и врач – прямо будто из медицинского сериала «Катастрофа» (или как он там называется).

– Титус Джексон, – представляется он, пожимая мне руку. – Боюсь, я могу лишь повторить все то, что уже рассказал констеблю Эверетт. Пациентка определенно рожала, однако недавних следов сексуального насилия не обнаружено – ни вагинальных, ни синяков на теле.

– Она все еще под действием успокоительных?

– Уже нет. Хотя по-прежнему молчит.

– Можно к ней зайти?

Джексон медлит с ответом.

– Только на пару минут и по одному. Психологически она очень уязвима. Сильно беспокоится, когда к ней подходят близко, особенно мужчины. Учтите это.

– Я умею общаться с жертвами насилия.

– Не сомневаюсь, однако тут замешано не только насилие.

Я киваю. Он прав.

– А что с ребенком?

– По вашей просьбе коллеги из педиатрического отделения провели еще один осмотр – никаких намеков на сексуальное насилие. Хотя вы и сами прекрасно знаете, что иногда с детьми творят такое, от чего не остается следов на теле.

– Все верно. Я знаю.

Я поворачиваюсь к Алекс.

– Я побуду здесь, – говорит она, предвосхищая мой вопрос.

– Могу проводить вас в комнату ожидания, – предлагает ей Эверетт. – Чуть дальше по коридору.

* * *

Подойдя к палате девушки, я делаю то же самое, что сделал бы любой другой: останавливаюсь и смотрю на нее через стекло. И мне вдруг становится стыдно. Чувствую себя вуайеристом. Интересно, а каково ей здесь, в четырех больничных стенах, полных заботы, но все же напоминающих тюрьму? Глаза открыты, и хотя за окном полно деревьев, травы и других зеленых красот природы, которых бедняга была лишена бог знает сколько времени, она пялится в потолок. На ряды одинаковых бесцветных плиток.

Я стучу – девушка резко приподнимается на койке. Я медленно открываю дверь и захожу внутрь, но не приближаюсь к ней. Все это время она пристально следит за мной взглядом.

– Я из полиции. Меня зовут Адам.

Она вроде бы как-то реагирует, но неопределенно.

– Вы уже видели мою коллегу, констебля Эверетт. Верити.

Это имя она явно узнает.

– Мы все очень за вас переживаем. Вы прошли через нечто ужасное.

Ее губы дрожат, она цепляется за одеяло.

Я достаю листок бумаги.

– Знаю, вы пока ни слова не сказали и, наверное, просто не можете. Ничего страшного. Я все понимаю. А написать сумеете? Хоть что-нибудь, что вы помните. Это нам очень помогло бы.

Девушка смотрит на меня, но без опаски. По крайней мере, мне так кажется. Я вынимаю из кармана ручку и делаю пару осторожных шагов по направлению к койке, готовый отступить, если она забеспокоится. Однако ничего подобного не происходит – она лишь наблюдает за моими движениями.

Я медленно кладу бумагу и ручку на прикроватный столик, совсем близко от нее, и возвращаюсь к двери.

Только через пять минут бедняга решается к ним прикоснуться.

Пять минут я терпеливо и молча жду. Это не какой-то особый талант, но я способен на такое, если оно того стоит. А сейчас ставки очень высоки.

Девушка протягивает руку и берет листок. Потом ручку. Пишет долго и нерешительно, словно забыла, как это делается. Протягивает мне бумагу,

и я вижу, что она едва сдерживает слезы.

На листке всего одно слово. Всего четыре буквы.

Вики

* * *

Когда я выхожу в коридор, Эверетт замечает выражение моего лица и спешит узнать:

– Она что-нибудь сказала?

– Нет, но у нас есть имя. – Я показываю ей бумажку.

– И больше ничего?

Сама-то, черт возьми, даже имени не добились! Я едва не сказал это вслух – вовремя остановился. Теперь меня бесит то, что я взбешен. Эв ни в чем не виновата.

– Боюсь, что нет. Я задал еще пару вопросов, но она разволновалась. Тогда пришел твой дружок-доктор и вышвырнул меня. Вежливо попросил, скажем так.

Похоже, Эверетт покраснела, хотя я могу ошибаться.

– Слушай, я уже собираюсь домой; можешь связаться с Бакстером и попросить поискать имя Вики среди пропавших девушек? – Я осматриваюсь. – И кстати, не знаешь, где моя жена?

– Она пошла вниз. Хотела взглянуть на мальчика.

* * *

Алекс не единственная, кто терпеть не может больницы. Помню, Джейку было года три или четыре, когда он упал с качелей на детской площадке, и на лбу у него вскочила шишка размером с яйцо. Я привез его сюда. Целый час мы сидели в отделении скорой помощи, прокручивая в голове самые страшные варианты (вдруг повреждение мозга?), пока его не осмотрела одна уставшая медсестра. Она дала Джейку парацетамол и отправила нас домой. Шишка быстро сошла, а вот тревога осталась. И позже, намного позже, когда он начал сам себе причинять вред, мы приезжали сюда снова. По мере необходимости. Выдерживали косые взгляды медсестер, объяснялись перед докторами, которые звонили терапевту – проверить, что мы не врем. Наш врач говорила, что она в курсе, что всё под контролем. Как будто этот кошмар можно контролировать... Каждый раз лицо у Джейка было бледным, глаза полны тревоги.

– Прости, пап.

– Все хорошо, – шептала Алекс, укачивая его и целуя в голову, – все хорошо.

С этим воспоминанием в голове я зашел в детское отделение и повернул за угол.

А там она, прижимает его к себе.

Темноволосого мальчика.

Прижимает так нежно...

Не знаю, долго ли я стою на одном месте, но рядом со мной уже появляется медсестра. Мы молча наблюдаем за Алекс, а потом сестра тихо говорит:

– Это просто чудо какое-то.

Я понимаю, что это не Джейк. *Я все отлично понимаю.* И тем не менее всего на секунду...

– Он сразу пошел к ней. С остальными начинал кричать и драться, но с вашей женой... ну, сами видите.

Алекс ловит мой взгляд и улыбается, медленно поглаживая голову мальчика с длинными темными кудряшками.

– Все хорошо, – шепчет она, – все хорошо.

Трудно сказать, к кому обращены ее слова – к малышу или ко мне.

* * *

Мир фатума

*Блог, посвященный всему пугающему, паранормальному
и необъяснимому*

ЗАПИСЬ ОТ 03.05.17

*Смерть и черный ворон – новые подробности в загадке
Уиттенхэма*

Многие из вас помнят о странном исчезновении Ханны Гардинер в 2015 году. Если нет, можете найти в моем блоге соответствующую запись. Поразительная история, ведь незадолго до этого Ханна делала репортаж о том, что в Уиттенхэме обнаружили останки человеческих жертвоприношений, – и вот она пропадает там же, а ее маленького сына с плюшевой птичкой (обратите на это внимание) находят в «Денежной яме», где, согласно легенде, живет огромный ворон, охраняющий таинственное сокровище (и на эту деталь тоже – позже к ним вернемся). Если вы не в курсе, Уиттенхэм – поразительное место, где пересекается множество линий энергии земли. Там прямо-

таки чувствуется присутствие духов наших предков. В общем, лично я не удивлена, что именно там нашли следы жертвоприношений, включая связанных и брошенных в яму женщин с пробитыми черепами.

Спросите, с чего я вдруг снова поднимаю эту тему? Мои источники сообщают о пугающем сходстве: найденное тело Ханны находилось в таком же положении, как и древние трупы. Поговаривают, что Ханна тоже была связана и скончалась от «травмы, нанесенной по затылку». Жуть, правда? А «рядом с трупом нашли дохлую птицу черного цвета». Совпадение? Вряд ли. Полиция пока ничего не подтвердила, но с чего бы они стали это делать, верно?

Теперь вернемся к птицам. Грозная ирландская богиня Морриган тесно связана с воронами и считается предвестницей страшной смерти (можете почитать мою запись о ней, а здесь узнать о другом ее воплощении в виде «триединой Морриган» или трех зловещих сестер по имени Бадб («ворона»), Маха и Немайн). Знакомым с кельтской религией известно, что вороны играли важнейшую роль в ритуальной практике. Считалось, что своим криком эти птицы передают сообщения из загробного мира, и их часто убивали в качестве подношения богам, особенно для молитвы о плодородии. Находили воронов и в человеческих захоронениях, относящихся к раннему Средневековью. В уиттенхэмских могилах тоже найдены птичьи скелеты. Неизвестно, каких древних богов потревожила Ханна Гардинер за несколько недель до своей смерти, когда были обнаружены и осквернены жертвенные погребения. Неизвестно, что она там увидела и почему должна была замолчать навечно. Об этом может поведать лишь ее сын, а отец мальчика так и не позволил опросить его.

Полагаю, в ближайшие пару дней мы снова услышим об этом деле. Следите за обновлениями, ребята...

@МирФатума

Оставьте свой комментарий

* * *

– Всего на несколько дней.

– Нет. *Ни в коем случае.* Это безумная идея, Алекс, ты же знаешь. Не понимаю, как тебе вообще такое в голову пришло.

На самом деле, я все понимаю. Ярость в ее взгляде смешивается с мольбой.

– Адам, он же просто маленький мальчик. Одиноким, потрясенным и страшно напуганным. Трудно представить, через что ему пришлось пройти. Его отвергает *собственная мать*. Понятно, что он не справляется: годы в темноте, а теперь вдруг, – Алекс обводит рукой больничное отделение, каталки, людей, – все *это*. Малышу нужно несколько дней в тишине и спокойствии без переизбытка эмоций.

– *Этим* должна заниматься соцслужба, а не мы, ради всего святого. Может, они уже кого-нибудь ему подобрали...

– Не подобрали. Медсестры сбиваются с ног – слишком много деток и недостаточно семей, желающих взять ребенка. И речь идет о краткосрочном размещении, всего на *пару дней*...

– Пусть так, но не отдадут же они его любому, кто проходит мимо. Есть правила, на одобрение кандидатуры уходят месяцы...

Алекс перебивает меня:

– Я поговорила с Эммой. Она сказала, что это не совсем по правилам, и все же для нас могут сделать исключение. Ты ведь полицейский, и меня она знает уже много лет. Эмма запишет это в журнал как «персональное размещение», потому что мы возьмем мальчика всего на *несколько дней*. Знаю, скоро приезжают твои родители, но к тому времени мы уже отдадим его обратно. А если даже и нет, я уверена, они всё поймут.

Алекс умоляет, понимая, как это невыносимо: для нее – молить, для меня – слушать ее мольбы.

– А как же работа? Надо все подготовить, и даже если Харрисон на такое согласится, отгул я сейчас взять не могу...

– Зато я могу, – быстро вставляет Алекс. – У меня сейчас мало дел, разрешат поработать из дома. Как раньше с Джейком.

Ее слова бесшумно взрываются в воздухе.

– У нас есть симпатичная комната, – тихо продолжает она, не поднимая глаз. – И в ней все необходимое для ребенка.

Становится только хуже. Одна мысль о другом малыше в кровати Джейка... с его вещами...

Я шумно сглатываю.

– Я не хочу. Прости, но я не хочу. Не дави на меня, пожалуйста.

Алекс касается моей руки и заставляет повернуться так, чтобы я посмотрел на ребенка. Мальчик сидит под столом в углу детской комнаты и глядит на меня, посасывая большой палец. Прямо как Джейк. Это невыносимо.

Алекс подходит так близко, что я чувствую исходящее от ее тела тепло.

– Прошу тебя, Адам, – шепчет она. – Если не ради него, то ради меня.

* * *

Открыв глаза, Куинн смотрит в потолок, затем переворачивается и проводит рукой по обнаженной спине Эрики Сомер. Какая же у нее классная задница... Он улыбается Эрике, повернувшей голову в его сторону. Ее волосы так восхитительно растрепаны, что у Куинна вновь просыпается желание. Все дело в контрасте между тем, как Эрика строга в форме и как раскована без нее. А раздевать ее, переводя из одного состояния в другое, – это невероятное удовольствие...

– Хотела спросить, – говорит она, приподнявшись на локте, – кто беседовал с преподавателем из Бирмингема, ты или Гис?

Гарет ведет пальцем по ее позвоночнику. Честно говоря, в данный момент можно закинуть мысли о деле куда подальше. Он пытается прижать Эрику к себе, но она отталкивает его.

– Я серьезно, у меня просто вылетело из головы.

– А никак нельзя отложить этот...

– Нет, это важно. Так ты или Гис?

Сдавшись, Куинн ложится на спину.

– Гис. Сказал, что старик – тот еще засранец.

– Кто-то ведь упоминал, что первая жена Харпера родом из Бирмингема?

– Да, что-то такое было... А что?

– Миссис Гибсон из седьмого дома сказала, что мужчина, который приезжал к Харперу, говорил с легким бирмингемским акцентом. Даже если он не сын, то, может быть, приходится ему родственником по жене? Племянником, например...

Куинн приподнимается.

– Знаешь, а это неплохая идея. На работе первым делом проверь, не было ли у его первой жены родни мужского пола и подходящего возраста. Если так, найти их будет не сложно.

– Хочешь, чтобы я этим занялась, а не Гис?

Куинн касается локона ее волос, крутит его меж пальцев – сначала нежно, потом сильнее, притягивая Эрику к себе.

– Конечно, – тихо отвечает он. – Это ведь твоя идея, а Гису не следует приписывать себе чужие заслуги. Я хочу, чтобы ты еще кое-что сделала, и это задание только для тебя одной.

– Ну, если это приказ сержанта... – игриво отзывается Эрика, скользя рукой под простыней.

– О да, – хрипло говорит Куинн, чувствуя, как она проводит языком по

его коже, – это, черт возьми, приказ.

* * *

Полночь. Пятно желтого света и тихое бормотание медсестер на посту.

Вики лежит, свернувшись на кровати в тугий комок, и рыдает, зажав рот кулаком, чтобы никто не услышал. Все это время она не отрывает взгляда от фотографии, которую одна из сестер поставила на прикроватную тумбочку.

На снимке – ее сын.

* * *

Утром в четверг я прихожу в отдел рано – Куинн уже на месте, прикалывает к доске список задач. И насвистывает. Я сверлю его взглядом, пока он не замолкает.

– Извините, босс. Просто хорошее настроение.

Мне известно, что это значит. Хорошо, хоть рубашка свежая – не знаю, что за девушку он нашел, но явно приглашает ее к себе.

– Пресс-конференция в полдень, – говорю я, – так что если есть какие-нибудь новости, выкладывай, иначе мне придется выдавать банальности вроде «следствие продолжается». Что там с ДНК? Что насчет Харпера?

– Его проверяют каждые пятнадцать минут. По словам охранника, большую часть времени Харпер либо спит, либо бормочет что-то себе под нос. На всякий случай позвали его врача, она обещала прийти во второй половине дня.

– Хорошо. Я собираюсь в больницу, попробую снова разговорить девушку. Если повезет, она расскажет нам, что случилось. Ну, или хотя бы опознает Харпера, тогда мы сможем предъявить обвинение. Бакстер ничего не нашел среди пропавших без вести?

– Пока нет. Зависит от того...

– Сообщал ли кто-нибудь о ее пропаже. Я в курсе, Куинн. Что еще?

– Есть пара зацепок, но ничего конкретного. Я вам сообщу, если что. Вы же после больницы вернетесь сюда?

– Вообще-то нет. Возможно, придется ненадолго заскочить домой.

Куинн вопросительно смотрит на меня. Знает, что я о чем-то умалчиваю.

– Мы, наверное, возьмем мальчика на какое-то время, пока Вики не встанет на ноги. В соцслужбе никак не могут найти ему семью.

«Пока не встанет на ноги»? Что за бред я несу?

– Ваша жена не против? – спрашивает Куинн.

– Она-то и предложила. Мы вчера вместе заезжали в больницу, и мальчишка пошел с ней на контакт. С Харрисоном я все уладил – он считает, что это пойдет на пользу. Если малыш станет доверять Алекс, то, возможно, и заговорит с ней. Если он вообще умеет говорить.

Первое правило в полицейской работе Фаули: лжецам свойственно перегибать палку. А я только что выдал Куинну целых три причины поддержать эту идею.

Черт...

– Ладно. – В кои-то веки Гарет поступает благоразумно и не сует нос куда не надо.

– При условии, что все пройдет хорошо, я отвезу его к нам домой и вернусь на работу к двенадцати. Ты тем временем разберись тут со всем, идет?

Куинн кивает:

– Да, босс. Без проблем.

* * *

Беседа по телефону с сержантом

Джимом Николлсом (на пенсии)

4 мая 2017 года, 9.12

Беседу провел детектив-сержант Г. Куинн

Дж. Н.: Я хотел застать Адама Фаули, но диспетчер сказал, что его нет, верно?

Г.К.: Не беспокойтесь, можете поговорить со мной. Я в курсе дела.

Дж. Н.: Что-то там про вызовы на Фрэмpton-роуд десятилетней давности?

Г.К.: Точнее, в 2002-м и 2004-м.

Дж. Н.: Господи, прошло уже столько времени... Да, наверное, это я туда выезжал. Я на пенсии уже лет пять. Забыл, когда последний раз говорил с кем-то из полиции долины Темзы.

Г.К.: Что вы помните о тех вызовах? Записи довольно краткие, про обвинения ни слова.

Дж. Н.: Обвинений и не было. Никто не хотел их выдвигать. Да, я хорошо помню те случаи. Простой бытовухой там и не пахло.

Г.К.: Продолжайте.

Дж. Н.: Ну, во-первых, сам адрес. Фрэмpton-роуд – это вам не окраина вроде Блэкберд-лейз. За все время службы в полиции не слышал, чтобы кого-нибудь вызывали туда по поводу бытового насилия.

Г.К.: Может, жители Фрэмpton-роуд просто похитрее, не привлекают к себе внимания?

Дж. Н.: Дело не только в этом, а в том, что мы обнаружили. Нам пожаловалась соседка – сказала, что они кричали весь вечер, и когда дело пошло к ночи, она решила позвонить в полицию.

Г.К.: И?..

Дж. Н.: Дверь открыла жена. Не знаю, как сейчас, но тогда в подобных случаях в основном открывали мужчины, чтобы избавиться от нас, не пуская на порог. Говорили, мол, пустяки, не надо раздувать из мухи слона. Ну, вы в курсе, как это бывает. В общем, тогда все вышло по-другому, и нас встретила супруга. Выглядела нормально, разве что щеки немного пылали. В шелковом халатике, та еще красотка...

Г.К.: И что она сказала?

Дж. Н.: Ну, похлопала ресницами и смущенно так объяснила, что они с мужем «чересчур разошлись» в постели, а старуха из соседнего дома – настоящая ханжа, ее легко шокировать.

Г.К.: А что супруг?

Дж. Н.: Вот тут начинается самое интересное. Я уже собирался уходить, но моя напарница-констебль – или как там сейчас называют женщин в полиции – настояла на том, чтобы увидеть и хозяина дома тоже. В общем, миссис Харпер идет за ним, мы ждем, и наконец он появляется. Лицо с одной стороны в кровоподтеках, один глаз к чертям заплывает от фингала.

Г.К.: То есть это она била его?

Дж. Н.: Он сказал, что наткнулся на дверь. Ну да, конечно... А насчет шума повторил слова жены – местами слово в слово. Про то, что соседка – ханжа.

Г.К.: Но вы ему не поверили?

Дж. Н.: Естественно, нет. Я же не идиот. В следующий вызов, примерно через год, он «поскользнулся на лестнице». Я не поверил ни единому слову, от падения таких синяков не бывает. Думаю, она ударила его чем-то вроде сковородки.

Г.К.: Или молотка?

Дж. Н.: С чего вдруг? Такое мне в голову не приходило.

Г.К.: Не важно. В общем, он не признался, что жена на него нападала?

Дж. Н.: Неа. Во второй раз я специально говорил с ним наедине, пока она не подслушивала, и все равно он продолжал нести чушь про «слишком громкий перепихон». Он так и сказал – «перепихон».

Г.К.: Господи...

Дж. Н.: Если честно, мне стало жаль старого засранца. В смысле, она, конечно, настоящая цыпочка, но я к такой и близко не подошел бы. Думаю, она ему изменяла. Слышали про аварию? Такое запоминающееся имя, Присцилла, не забудешь... Мало того, что гнала на полной скорости, так с ней еще был другой мужчина. Можно догадаться, чем они там занимались, раз ее трусики нашли под задним сиденьем... Ну, теперь-то он показал всем.

Г.К.: В смысле?

Дж. Н.: Я видел новости. Это же тот самый Харпер, у которого в подвале нашли девушку?

Г.К.: Да, это он. Пытаемся заполнить пробелы в его прошлом.

Дж. Н.: Наверное, решил, что пришла его очередь.

Г.К.: Его очередь?

Дж. Н.: Ну, отомстить. На жене он уже не отыграется, а на женщинах в целом – вполне. Вы только не подумайте, что я вмешиваюсь в дело...

Г.К.: [Пауза] Нет-нет, вы очень помогли. Спасибо.

Дж. Н.: К вашим услугам. Передадите от меня привет Фаули? Как там, кстати, его мальчишка – Джейк, верно? Фаули страшно его избаловал, но так всегда бывает с долгожданными детьми. Отличный парень, да. Так на мать похож...

* * *

– Как сегодня дела у Вики?

Титус Джексон убирает ручку в карман белого халата.

– На поправку идет медленно, инспектор, но мы хотя бы не движемся назад. Полагаю, вы хотите снова ее увидеть?

– Если не предъявим Уильяму Харперу обвинения, придется его отпустить. Мне надо понять, что случилось.

– Понимаю.

Он идет со мной по коридору, а рядом с палатой Вики вдруг поворачивается в мою сторону, явно желая что-то сказать.

– Сестра Кингсли сообщила, что вы взяли мальчика под опеку?

– Это не опека.

Видимо, слова прозвучали резковато – врач нахмурился.

– В смысле, мы просто приютили его на пару дней. Соцслужба никак не найдет подходящую семью.

– Вы очень отзывчивы.

– Не я, а моя... – Я замолкаю, хотя слишком поздно.

– Сами вы не очень-то уверены? – спрашивает Джексон.

Я делаю глубокий вдох.

– Если честно, нет. – Смотрю доктору в глаза. Взгляд у него добрый. – Год назад мы потеряли сына. Ему было десять лет. Он страдал от депрессии и покончил с собой. Мы делали все возможное, и все же...

В горле встает ком.

Джексон на мгновение касается моей руки.

– Словами не передашь, как я вам сочувствую.

Я заставляю себя ответить:

– Жене пришлось очень тяжело. Нам обоим, конечно, хотя ей в особенности. Она хочет завести еще ребенка, но в ее возрасте...

– Понимаю, – доктор кивает.

– Постоянно предлагает задуматься об усыновлении, а я не уверен, что хочу этого. И вот теперь этот маленький мальчик, которому некуда деваться...

Джексон смотрит на меня спокойным, не осуждающим взглядом.

– И вы с супругой всё обсудили?

– Вчера вечером, когда мы приехали домой, она говорила лишь о приготовлениях к его приезду. Как только я поднимал другую тему, Алекс повторяла, что это всего на пару дней, что малыш скоро вернется к матери.

– Будем на это надеяться.

– А вы так не считаете?

– Вики поправляется, но медленно, а о ребенке тоже нужно заботиться. Вчера мы снова приносили ей мальчика – она просто отвернулась и глядела в стену.

– По словам полицейских, которые их нашли, Вики отдавала ему всю еду и воду – это ведь что-то да значит?

Врач печально качает головой:

– Желание спасти его от смерти – это одно, а нормальные материнские чувства – совсем другое. Между ними не связь, инспектор, между ними преграда. И не надо быть психиатром, чтобы понять причину. Идем? – спрашивает он, взявшись за дверную ручку.

* * *

Вики явно меня узнала: она приподнимается в кровати, на лице даже мелькает тень улыбки.

– Как дела, Вики?

Что-то вроде кивка в ответ.

– Я хочу кое-что спросить у вас и кое-что рассказать. Вы не против?
Помедлив, она указывает рукой на стул.

Я не спеша подхожу и сажусь. Она съезживается – совсем чуть-чуть.

– Вы можете рассказать, что с вами случилось?

Она отворачивается и качает головой.

– Ладно, ничего страшного. Я понимаю. Но если что-нибудь вспомнится, запишите это на листке, как вчера, хорошо?

Вики снова смотрит на меня.

– Еще я хотел сообщить, что мы поместим вашу фотографию в газеты. Может, вас ищут близкие – они увидят снимок и узнают. В прессе и в Интернете только о вас и пишут...

Приходится замолчать – широко раскрыв глаза, Вики мотает головой, а когда Джексон направляется в ее сторону, она хватается бумагу и царапает на ней большими кривыми буквами:

НЕТНЕТНЕТ

* * *

Би-би-си Мидлендс Сегодняшние новости

Четверг, 4 мая 2017 года | Последнее обновление в 11.34

Срочное сообщение

Полиция ищет новых свидетелей по делу о пропаже Ханны Гардинер

Полиция долины Темзы возобновила поиск свидетелей по делу Ханны Гардинер, пропавшей в июне 2015 года. Ранее предполагалось, что Ханна исчезла в районе Уиттенхэм-Клампис утром 24 июня, однако теперь полиция ищет людей, которые могли видеть Ханну тем утром в Оксфорде, особенно поблизости от ее квартиры на Кресент-сквер. Таким образом, подтверждаются сообщения о том, что вчера утром тело Ханны было обнаружено в саду одного из домов на Фрэмpton-роуд. Полиция также просит, чтобы к ним обратились все женщины, гулявшие с ребенком в коляске на Уиттенхэм-Клампис 24 июня 2015 года (те, у кого еще не брали показания).

Имена женщины и ребенка, найденных в подвале того же дома на Фрэмpton-роуд, пока не разглашаются. Пресс-конференция пройдет сегодня после обеда.

Если у вас есть какая-либо информация по этим делам, звоните в полицию долины Темзы по номеру 01-865-09-665-52 (диспетчерская).

* * *

– Ну что, все готово?

Меня раздражает собственный голос и в особенности его притворно оживленный тон. Именно таким тоном медсестры просят «снять штанишки» и «накинуть больничный халатик». Странно, что Алекс не наградила меня своим коронным взглядом, хотя она так занята ребенком, что просто не обратила внимания.

Мальчик стоит между нами, одной ручонкой хватаясь за ногу Алекс. В другой руке у него запачканная игрушка, которую вроде как нашли в подвале. Малыш ни на минуту ее не отпускает. Одежда выглядит знакомой – видимо, жена хранила ее все эти годы. Даже думать не хочется. Мальчишка поднимает глаза на Алекс, и она наклоняется, чтобы погладить его по голове.

– Да, думаю, можем ехать. – Ее голос тоже звучит неестественно, но по другой причине – Алекс переполняет счастье.

Я протягиваю парнишке ладонь, а он отстраняется.

– Ничего страшного, – спешит вставить Алекс. – Ему просто нужно немного пространства. – Она садится на корточки. – Ты не против, если я возьму тебя на руки?

Мальчик ничуть не сопротивляется, и втроем мы идем к машине. Жена пристегивает его в детском автокресле – я и забыл, что у нас такое есть.

Я ожидал, что он испугается шума двигателя, однако этот звук совсем не потревожил малыша. Мы выезжаем на дорогу, и я думаю, что бы такое сказать.

– Жаль, мы не знаем его имени, – опережает меня Алекс. – Не называть же его всю неделю просто «мальчиком» или «малышом».

Я пожимаю плечами:

– Надеюсь, в ближайшие пару дней Вики сможет поговорить с нами и скажет, как его зовут.

– Если она вообще дала ему имя, – говорит Алекс, поглядывая на маленького пассажира на заднем сиденье. – Вики так травмирована, что полностью отгораживается от мальчика – возможно, она так и не ощутила связи с ним. Давая ребенку имя, мать устанавливает с ним отношения. Подозреваю, она вовсе не считает его своим. Да и разве можно ее винить? Попробуй найти в себе каплю любви к ребенку от насильника...

– Мы пока точно не поняли, что произошло, Алекс. Ты же юрист и сама знаешь, что не стоит делать поспешных выводов.

Я не хотел, чтобы мои слова прозвучали высокомерно, но именно так

и вышло.

На миг поймав мой взгляд, Алекс первой отводит глаза.

Дорога сужается до одной полосы, и мы резко останавливаемся. Этот участок ремонтируют уже несколько месяцев.

– Ты сказала «всю неделю».

– Что, прости? – переспрашивает Алекс.

– Ты сказала, что мы не можем называть его «мальчиком» всю неделю.

Я думал, он останется всего на пару дней.

– Наверное, так и будет. Но раз приезжают твои родители...

– Это в *следующем месяце*...

– И все-таки надо их предупредить. На всякий случай.

– Предупредить? О чем?

– Не усложняй, Адам. Ты отлично понимаешь, что я имею в виду.

Да, я понимаю. И жалею об этом.

* * *

– По поводу найденных в подвале девушки и ребенка могу лишь сказать, что следствие продолжается.

Медиацентр в Кидлингтоне забит до отказа. Я забыл, что пресс-конференция будет проводиться именно здесь, и приезжаю всего за десять минут до начала, поэтому я встревожен и раздражен больше обычного. В зале много незнакомых лиц – простых местных жителей. Такой интерес у СМИ не вызывало ни одно дело после случая с Дейзи Мэйсон. Еще бы: восьмилетнюю девочку похитили прямо из сада у ее дома. Сейчас работа движется, но я словно сбился с пути. Один из писак в первом ряду что-то бормочет: возмущается, что не стоило собирать их здесь, если сказать нам больше нечего.

– А как же анализ ДНК? – спрашивает женщина с дальних рядов. – Неужели вы до сих пор не установили, кто является отцом ребенка? Я думала, сейчас результаты получают всего за несколько часов...

– Да, технологии идут вперед, но на все нужно время. К тому же анализ ДНК даст нам не так уж и много. Необходимо поговорить с самой пострадавшей, а она пока не в силах с нами общаться. Уверен, вы понимаете, в каком ужасном состоянии она находится.

– Фото уже есть? – интересуется репортер из «Оксфорд мейл». – По словам соседей, вы показывали им снимок, пытаетесь опознать девушку.

– На этот раз мы не станем публиковать фотографию.

– Черт, ну хоть что-нибудь! Что *угодно*. Имя? Фото ребенка?

– В расследовании сейчас переломный момент. Надеюсь на ваше понимание.

– Да, да, я все это уже слышал.

– Ладно, а как насчет поиска новых свидетелей по делу Ханны Гардинер? – задает еще один вопрос женщина с задних рядов. – Вы признаёте, что между происшествиями есть связь?

Я молча открываю и снова закрываю рот. Какой еще, черт возьми, поиск свидетелей?

– Позвольте напомнить вам, инспектор, – продолжает она. – Вот заявление. – Листает страницу на планшете. – «Полиция долины Темзы обращается к гражданам, видевшим Ханну Гардинер утром 24 июня 2015 года в Оксфорде в районе Кресент-сквер. Просим вас связаться с отделением полиции Сент-Олдейт, особенно если вы заметили, что она разговаривала с кем-то на улице». И так далее, и тому подобное. – Женщина приподнимает планшет. – Это ведь заявление от *ваших* работников, верно?

– Да...

– Значит, вы *все-таки* связываете эти дела. Получается, обнаруженное в саду тело принадлежит Ханне, а в ее убийстве подозревают этого

Харпера. Я ничего не упустила? Тут и дураку все ясно.

– Я не вправе комментировать...

– Я где-то прочитал, – вставляет писака из первого ряда, – что вместе с телом был закопан мертвый ворон. Это связано с языческими ритуалами, инспектор? Или подобную информацию вы тоже не разглашаете?

– Буду рад дать комментарий по этому поводу. Ничто в деле Ханны Гардинер не указывает на связь с сатанизмом или язычеством.

– Так была там эта чертова птица или нет?

Его перебивает женщина.

– То есть вы *действительно* снова открываете дело, – тараторит она. – Можно сослаться на ваши слова?

– Мы не открываем дело заново, потому что оно так и не было закрыто...

– Сочту это за положительный ответ.

– И на данном этапе расследования мы больше ничего не можем сообщить. Это наш моральный долг перед семьями жертв...

– А как же семьи ошибочно обвиненных? Каков ваш долг перед ними, инспектор Фаули?

Голос доносится откуда-то сзади.

Люди оборачиваются, а говоривший встает, и его тут же узнают. По залу проносится гул.

Мэтью Шор.

Как он, черт возьми, сюда попал?

– У вас есть ответ на этот вопрос? Вы же вели дело Ханны Гардинер, так?

– Это пресс-конференция, мистер Шор.

– А я – представитель прессы. – Он показывает пропуск. – Смотрите, тут все написано. Спрошу еще – уже в третий, кстати, раз: а что насчет моего отца, которого преследовали и изводили, несмотря на отсутствие улик...

Я чувствую, что Харрисон уже не в себе: происходящее идет в прямом эфире на новостном канале Би-би-си, парень из телекомпании «Скай» снимает все на телефон.

– Послушайте, мистер Шор, сейчас не лучшее время и место для такого разговора.

– Когда же настанет это чертово время? Я месяцами добиваюсь беседы с кем-нибудь из полиции долины Темзы, а от меня лишь отмахиваются.

– Вашему отцу так и не были предъявлены обвинения в связи с делом Ханны Гардинер. Он получил срок совсем за другое преступление.

– Да, но не красуйся его лицо во всех газетах, дали бы ему три года? Суд был несправедлив...

Харрисон откашливается.

– Мы не можем давать комментарии по этому поводу, мистер Шор. Вам стоит обратиться в Службу уголовного преследования.

– Думаете, я не обращался? – язвительно отзывается он. – Там все то же самое. В этой гребаной стране нет правосудия, никто не хочет брать на себя чертову ответственность. Лишь спихиваете все друг на друга...

– Большое спасибо за внимание, леди и джентльмены, – говорит Харрисон, вставая. – Дальнейшие заявления будут опубликованы в соответствии с обстоятельствами. Хорошего вам дня.

* * *

Снаружи я первым делом встречаю Куинна. Наверное, стоял где-то сзади.

– Хотелось бы узнать, как сюда пробрался Шор. – Он кривит лицо. – Поручу это Гису.

– А вот *мне* хотелось бы узнать, кто, мать вашу, объявил о поиске новых свидетелей. Это ты?

Куинн медлит: сознаться или свалить на кого-то еще?

– Писаки в любом случае провели бы связь между делами, вот я и подумал, раз к делу привлекли столько внимания, может, кто-нибудь вспомнит...

Идея вообще-то отличная. Просто я не в настроении это признать.

– Ничего, что я обещал дать Гардинеру время, чтобы он предупредил родителей Ханны? Ты же чертовски хорошо знаешь, что сначала нужно спросить у меня.

– Но вы сказали...

– Я попросил тебя следить за ситуацией...

– А точнее, «разобраться со всем».

– Я *не* позволял принимать важные решения без моего спроса. Твою мать, я же просто в больницу отъехал, а не смылся на чертову Луну – мог бы позвонить мне или даже кинуть эсэмэску.

Куинн густо краснеет, и я слишком поздно замечаю, что совсем рядом с нами стоит Гислингхэм. Нельзя отчитывать Куинна в присутствии его подчиненных. Так не делается.

– Я подумал, – говорит сержант, понизив голос, – что вас лучше не беспокоить. Ну, из-за жены, ребенка и все такое...

И все такое.

«Классический перенос», – скажете вы и будете правы. Однако признать, что я переношу свою злость на Куинна – это одно, а предпринять что-либо по этому поводу – другое. Уже не в первый раз я задумываюсь: может, проблемы с Куинном возникают из-за того, что он слишком похож на меня? Правда, я не одеваюсь как фронт и не трахаюсь с кем попало...

– Ладно, – остываю я наконец. – Сходи к Гардинеру и извинись.

– Нельзя просто позвонить ему?

– Нет, нельзя. И скажи Чаллоу, пусть поднажмет с гребаными результатами ДНК. – Я делаю глубокий вдох и разворачиваюсь: – Что тебе, Гислингхэм?

Вид у него смущенный.

– Извините, что встречаю, босс, – после трансляции поступил звонок. Это Бет Дайер.

* * *

Куинн был прав: уже к обеду Эрика Сомер нашла и племянника, и племянницу первой миссис Харпер. Она идет сообщить о своей находке, но вместо Куинна ей попадается Фаули. Инспектор внимательно смотрит на доску с фотографиями и картами. Две молодые женщины и два маленьких мальчика. Живые и мертвые. Взгляд Фаули кажется далеким, он глубоко погружен в размышления.

– Простите, сэр, – неуверенно обращается к нему Эрика. – Я искала сержанта...

Он оборачивается и смотрит на нее, словно не сразу узнает.

– А, констебль Сомер...

– Да, сэр.

Куинну она такое ни за что не скажет, но Фаули, несомненно, самый красивый мужчина в их отделении. А тот факт, что он этого не осознает, лишь добавляет ему привлекательности. Куинн – полная противоположность инспектора. Он, будто летучая мышь, все время посылает сексуальные эхосигналы и ждет их отражения. Фаули, наоборот, очень сдержан. Конечно, ей далеко до самоуверенности Куинна, и все же Эрика привыкла к тому, что мужчины ее замечают. Но только не этот.

– Я тут думал про Вики, – говорит он. – Из какой же она семьи, если не хочет сообщать им, что с ней всё в порядке?

– Может быть, она сбежала из дома. Поэтому никто и не заявлял о ее пропаже.

Фаули снова разглядывает снимок Вики.

– Возможно, так и есть... – Он оборачивается. – Извините, что

приходится выслушивать мои размышления. Так в чем дело?

Сомер протягивает ему лист бумаги.

– Вчера вечером мне вдруг кое-что пришло в голову. Раз первая жена Харпера родом из Бирмингема, у нее должны остаться там какие-то родственники. И раз у «Джона», которого миссис Гибсон приняла за сына Харпера, бирмингемский акцент...

Фаули быстро ее понял.

– Значит, он родня жены.

– Все верно, сэр. В общем, я проверила. – Сомер подает распечатку. – У Нэнси Харпер есть племянница и племянник. Норин живет в Берике, работает секретарем в приемной врача, а вот племянник, Дональд Уолш, преподает историю в небольшой частной школе в Банбери. Ему пятьдесят три. Фотографии пока нет, хотя по остальным параметрам вроде бы подходит.

– Отличная работа, Сомер, – хвалит ее Фаули, глядя на листок. – То есть согласно вашей теории, это не Джон, а Дон?

– Думаю да, сэр. Миссис Гибсон могла просто не расслышать. Со слухом у нее не очень.

– Есть адрес этого Дональда Уолша?

– Да, сэр. Пыталась дозвониться ему, но трубку никто не берет. Наверное, стоит туда съездить, это недалеко. Даже если Уолш в отъезде, узнаем что-нибудь от соседей: часто ли бывает в Оксфорде, поддерживает ли связь с Харпером.

– Поэтому вы и искали сержанта Куинна?

Сомер изо всех сил пытается не покраснеть, хотя не уверена, получается ли.

– Да, сэр, чтобы он отправил туда кого-нибудь.

– Ну, его в ближайший час здесь не будет, а констебль Эверетт все еще в больнице. Найдите Гислингхэма и скажите, что я одобрил.

– В смысле, *мне* ехать?

– Да, с Гислингхэмом. – В голосе Фаули слышится едва заметное раздражение. – Какие-то проблемы?

– Нет, сэр.

– Вот и отлично. Узнаете что-то – сообщайте.

* * *

Беседа по телефону с Бет Дайер

4 мая 2017 года, 14.12

Беседу провел констебль Э. Бакстер

Э.Б.: Мисс Дайер, это констебль Эндрю Бакстер из долины Темзы. Вы звонили в отдел после пресс-конференции, все верно?

Б.Д.: Да-да. Спасибо, что перезвонили.

Э.Б.: Вы хотели что-то сообщить?

Б.Д.: Да. Ну, это немного сложно...

Э.Б.: Мы постараемся сохранить сказанное вами в тайне, однако все зависит от того, что именно вы расскажете.

Б.Д.: Тот полицейский, инспектор Фаули. По телевизору он сказал, что нашли тело Ханны.

Э.Б.: Не думаю, что это официально подтверждено...

Б.Д.: Это ведь она, да?

Э.Б.: [Пауза] Да, мисс Дайер. Так мы полагаем. Мистера Гардинера уже известили.

Б.Д.: И как он воспринял новость?

Э.Б.: Я не вправе обсуждать это, мисс Дайер. Что-нибудь еще?

Б.Д.: Извините, глупый вопрос... Я сейчас слегка не в себе. Просто... поэтому я и звонила. По поводу Роба.

Э.Б.: Хорошо. Кажется, когда миссис Гардинер только пропала, вы подозревали ее мужа в измене и сообщили нам об этом?

Б.Д.: Да, всё так. Правда, сейчас дело не в этом. Не совсем.

Э.Б.: Так изменял он ей или нет?

Б.Д.: Тогда – вряд ли. Все началось вскоре после исчезновения Ханны. С няней – Пиппой, или как ее там... Недели три назад я видела их в Саммертауне. Они явно пара, нянька на нем так и висла. Мужчины очень доверчивы.

Э.Б.: И как это связано с пропажей миссис Гардинер?

Б.Д.: Сейчас поймете. Когда это произошло, вы сказали – в смысле, полиция заявила, – что Ханна исчезла в Уиттенхэме, и только сейчас стало ясно, что она не уезжала из Оксфорда.

Э.Б.: Похоже, так оно и есть.

Б.Д.: Тогда как туда попала ее машина? Почему Тоби оказался в Уиттенхэме?

Э.Б.: Ну, судя по всему, человек, причастный к смерти миссис Гардинер, знал о ее планах и отогнал автомобиль в Уиттенхэм. Чтобы запутать следы.

Б.Д.: Но многим ли было известно о ее предстоящей поездке?

Э.Б.: Съемочной команде Би-би-си как минимум, она ведь договорилась снять интервью.

Б.Д.: А этот Харпер с Фрэмpton-роуд, которого вы подозреваете, он откуда мог узнать?

Э.Б.: К сожалению, подробности текущего расследования не разглашаются.

Б.Д.: Роб же знал? Знал, куда собиралась Ханна. Если это Роб, тогда понятно, как там очутился Тоби...

Э.Б.: На что вы намекаете, мисс Дайер? Хотите сказать, что мистер Гардинер убил жену и бросил двухлетнего сына?

Б.Д.: [Возбужденно] Слушайте, я тогда вам не все рассказала. Я видела Ханну за пару недель до ее исчезновения. На лице у нее был синяк – замазанный пудрой, но все равно различимый.

Э.Б.: Вы спросили, откуда синяк?

Б.Д.: Она сказала, что Тоби чересчур разошелся и случайно ударил ее по лицу игрушечной машинкой.

Э.Б.: Это могло быть правдой?

Б.Д.: Да, возможно. Тоби иногда бывал гиперактивным, я подозревала, что у него СДВГ^[13], а Ханна сказала: «Глупости какие». И все же в последние недели она выглядела озабоченной. Явно о чем-то переживала. И с Робом в тот день вела себя очень сдержанно. Думаю, у них были проблемы. Она хотела еще одного ребенка, а он не поддерживал эту идею.

Э.Б.: Почему вы не сообщили об этом два года назад, мисс Дайер?

Б.Д.: В газетах писали, что у вас есть другой подозреваемый – ну, тот, из лагеря. И люди видели Ханну в Уиттенхэме, поэтому я перестала думать на Роба. Однако вы не предъявили обвинений тому человеку, и я решила...

Э.Б.: Да?

Б.Д.: Если честно, я решила, что Ханна ушла от него. В смысле, от Роба. Сбежала и инсценировала свою смерть, чтобы ее никто не искал. Я как-то видела такое в одной передаче про расследования. Она могла поехать в Испанию, там живут ее родители.

Э.Б.: Весьма маловероятно, мисс Дайер. Бросив ребенка, без паспорта, без документов...

Б.Д.: Знаю, звучит безумно.

Э.Б.: Неужели она не связалась бы с вами? Не сразу, а по прошествии какого-то времени, когда бы все улеглось?

Б.Д.: [Пауза]

Э.Б.: Вы же ее лучшая подруга, я правильно понял?

Б.Д.: [Молчание]

Э.Б.: Мисс Дайер?

Б.Д.: Ладно, мы расстались не на самой приятной ноте. Я еще видела ее после того раза с синяком, и мы поругались. Ханна обвиняла меня в том, что я флиртовала с Робом на ее дне рождения.

Э.Б.: А вы флиртовали?

Б.Д.: Это он приставал ко мне. А ей, конечно же, рассказал, что все было наоборот. В любом случае ничего не случилось. Даже если б он... если... [Пауза] Слушайте, я не поступила бы так с Ханной, понятно?

Э.Б.: Да, я понял.

Б.Д.: Вы так долго не могли найти тело, поэтому я хотела верить, что Ханна жива. А теперь больше не могу. Теперь я знаю, что она мертва, и не могу избавиться от ощущения, что он как-то к этому причастен.

* * *

Если я что и ненавижу, так это смотреть на самого себя по телевизору, хотя выступал перед камерой уже раз шесть. Поэтому, когда вся команда собирается поглядеть новости, я, извинившись, ухожу в кофейню на Сент-Олдейт. Это местечко вроде ответа на задачку по линейному программированию, которое мне так хреново давалось в школе: достаточно просторное (всегда найдется свободный столик) и достаточно удаленное от основных экскурсионных улиц (его еще не поглотили крупные сети кафе). По этой причине вереница китайских туристов во главе с женщиной, держащей ярко-красный зонт, меня забавляет. Они идут явно не в ту сторону. Не знаю, какой архитектурный шедевр им обещали показать, но на Абингдон-роуд они его точно не найдут.

Пока я стою у прилавка, звонит телефон.

– Выбери, новости или хорошие новости? – Это Чаллоу.

Мысленно выругавшись, я подаю пятерку баристе. Я не настроен играть с Чаллоу в его интеллектуальные игры.

– Дай угадаю. Результаты ДНК?

– Прости, еще не готовы.

– Тогда скорее будут новости, а не хорошие новости?

– А то не догадываешься?

– Хватит, говори уже.

Чаллоу усмехается в ответ:

– Почему бы тебе не приехать? Сам все увидишь.

* * *

– Адам? Это ты? – Несмотря на помехи, я тут же узнаю голос из динамика.

– Подожди, пап. Я за рулем.

Останавливаюсь на обочине и беру в руки телефон.

– Это я. Что-то случилось?

Он тихонько вздыхает:

– Неужели я не могу позвонить просто так?

– Извини, я...

– Мы с мамой видели тебя в новостях.

– А, понятно.

– Ты отлично смотрелся.

Каким-то образом отец каждый раз умудряется взбесить меня своими словами.

– Это не ради «имиджа», пап, не ради *меня* самого.

– Я знаю, Адам, – говорит он не менее раздраженным тоном. – Я имел в виду, что ты хорошо выступил. Спокойно, авторитетно.

А теперь я чувствую себя дерьмом. Вот так всегда.

– Мы гордимся тобой, сын, хоть ты и считаешь иначе. Да, мы желали для тебя другой карьеры, однако тебе удалось преуспеть и на полицейской службе.

Это коварное словечко – «удалось». Ладно, хватит цепляться ко всем его фразам. Может, негатив в них мне только чудится?

– Слушай, пап, спасибо, что позвонил, но мне уже пора. Еду в лабораторию.

– Мама передает привет, ей уже не терпится увидеть тебя. И Алекс тоже.

После этого отец кладет трубку.

* * *

Собираются облака, и ближе к вечеру небо уже темное, как в ноябре. По деревьям на Кресент-сквер моросит легкий дождик. В траве друг за другом гоняются белки.

Пиппа лежит на диване и играет в головоломку «Кэнди-краш» на своем мобильном. Из другой комнаты доносится голос Роба – он говорит с родителями Ханны. Пиппа их не видела, но прекрасно себе представляет. Гервасий и Кассандра, по одним только именам все ясно.

Из кабинета появляется Роб: судя по одежде, идет на работу, хотя Пиппа намерена заставить его передумать. Она вытягивает ноги, разминает босые стопы.

– Звонили из офиса, – сообщает Роб, игнорируя ее. – У них какие-то проблемы. Я не против смотаться, хоть немного развеюсь.

– Как прошел разговор?

В его глазах мелькает раздражение.

– Сама как думаешь? Это же не светская болтовня. «О, как там погода? Кстати, труп вашей дочери нашли в сарае какого-то извращенца...» – Роб берет ключи от машины. – Во сколько вернусь, пока не знаю.

– Нам надо поговорить.

– Ну, придется отложить разговор. – Он направляется к выходу. – Я обещал приехать к четверем.

– Я беременна.

Роб оборачивается, смотрит на нее. Пиппа все еще держит в руке телефон.

– Ты беременна, – бесстрастным тоном повторяет он. – Это невозможно.

– Еще как *возможно*, Роб. – Пиппа слегка краснеет. – Я все не могла выбрать момент, чтобы сказать тебе.

– Ты же на противозачаточных.

– Да, но такое случается. Ты ведь занимаешься наукой – должен знать.

– Ну да. – Его голос звучит пугающе ровно. – «Занимаюсь наукой». Поэтому я и знаю, что этот ребенок не от меня.

– От кого же еще?

– То есть ты больше ни с кем не спала? – так же мягко говорит Роб, подходя к ней ближе.

– Нет, конечно нет, – запинаясь, испуганно отвечает Пиппа.

– Ты *врешь*. – Каждое слово пронзает воздух.

Теперь в его тоне слышна жестокость, и Пиппа отскакивает назад.

– Я ничего не понимаю.

Роб улыбается ей жуткой улыбкой.

– Никак не дойдет? *Я не могу иметь детей*. Так понятнее?

Она густо краснеет и опускает взгляд в телефон, чтобы не смотреть на Роба. Не стоило этого делать. Он выхватывает из ее рук мобильник и швыряет через всю комнату. Потом с силой тянет Пиппу за запястье, чтобы та встала на ноги.

– В глаза смотри, когда я с тобой разговариваю.

Его лицо так близко, что на кожу Пиппы попадает слюна.

– Мне больно...

– Так кто это был? Чье отродье ты пытаешься мне подсунуть – какого-нибудь студенткишки? Парня, который приходит снимать показания счетчика? *Кого?* – Роб трясет ее за плечи. – Ты занималась этим здесь, в *моей квартире?*

– Нет, ты что, я бы не стала... Всего раз, это ничего не значило...

Он злобно смеется:

– Ага, конечно.

– Я не люблю его, я люблю *тебя*... – умоляющим тоном говорит Пиппа и кусает губы до крови; на глазах выступают слезы.

– *Любишь?* – усмехается Роб. – Ты ни хрена не знаешь о любви.

Он толкает ее на диван и идет к двери. Обернувшись на мгновение, смотрит на рыдающую Пиппу.

– Чтоб к вечеру духу твоего здесь не было.

– Ты не можешь, – завывает она. – А как же Тоби? Кто будет его забирать? Кто станет за ним ухаживать?

– Я отлично справлюсь с собственным сыном. Оставь ключи и уходи. Не желаю тебя больше видеть.

* * *

Банбери, двухквартирный дом № 29 по улице Лингфилд-роуд. Аккуратная подъездная дорожка из гравия. Цветет герань.

– Что думаешь? – спрашивает Гислингхэм, заглушив двигатель.

Сомер разглядывает дом.

– В таких обычно и живут школьные учителя.

Крис медленно кивает.

– Трудно поверить, что здесь могли бы снимать один из выпусков передачи «Нераскрытые преступления», хотя в тихом омуте, как говорится...

У калитки Сомер оборачивается.

– После вас, – галантно пропускает ее Гислингхэм.

Она отвечает улыбкой (слегка натянутой), напоминая себе, что если большинство мужчин делают так, лишь бы полюбоваться ее пятой точкой, это еще не значит, что Гислингхэм – один из них.

Сомер подходит к двери и, немного помедлив, нажимает кнопку звонка. Один раз, второй, третий. Гислингхэм заглядывает внутрь через окно: сквозь занавеску видны диван и два кресла, а также кофейный столик с ровной стопкой журналов. Мебель слишком массивная для небольшой комнаты.

– Никаких признаков жизни, – произносит Гислингхэм.

Сомер тоже решает посмотреть, что внутри. Аккуратно, хотя скучновато. Обстановка простая, без изысков. Как известно из досье, официальной миссис Уолш не имеется. Судя по жилью, неофициальной тоже.

– Ему явно нравятся всякие безделушки. – Гислингхэм показывает на шкафчик у дальней стены. – Все эти странные полочки ведь не для книг.

Эрика слегка хмурится:

– Я точно где-то такой уже видела. – Она качает головой – мысль ушла.

– Заедем в школу? – предлагает Крис. – У учеников сейчас небольшие каникулы. Правда, может, в этих элитных заведениях отдыхают не так, как в обычных школах...

– Понятия не имею. – Сомер пожимает плечами. – Хотя тут всего десять минут езды, почему бы и нет...

Когда они идут к машине, из дома напротив появляется женщина с коляской и малышом.

– Пойду спрошу, не знает ли она Уолша, – говорит Сомер. – Подожди минутку.

Гислингхэм садится в автомобиль, достает из бокового кармана газету. Вдруг звонит телефон. Поняв, что не его, Крис открывает бардачок и вынимает оттуда мобильник Сомер. На экране высвечивается имя: «Гарет».

– Телефон констебля Сомер, я вас слушаю, – с озорной улыбкой отвечает Гислингхэм.

На проводе тишина. Три секунды, четыре, пять.

– *Гислингхэм?*

– Да, кто говорит?

– Куинн, черт возьми. А то ты не узнал.

– Извини, дружище, не ожидал звонка от тебя.

Снова красноречивое молчание, в котором так и слышится: «Ну да, конечно».

– Просто хотел узнать, как все идет, – наконец выдавливает Куинн. – С Уолшем. Не знал, что ты тоже поедешь.

– Мы еще не нашли его. Передать Сомер, что ты звонил?

– Нет, не стоит, – подумав, отвечает Куинн. – Я узнал все, что нужно.

«Ну да, конечно», – мысленно произносит Гислингхэм, давая отбой.

* * *

Колледж Питершем выглядит как традиционная старинная школа, – по крайней мере, если судить по фасаду. Два викторианских четырехугольных дворика в духе Оксфорда, столовая, часовня, витражные окна. Гислингхэм оставляет машину в парковочной зоне с пометкой «Для посетителей» и вместе с коллегой направляется туда, куда указывает большой желтый знак «Домик привратника».

– Значит, всего один привратник, – замечает Сомер. – А если он заболит, что тогда?

– О чем это ты?

– Да так. – Она качает головой. – Грамматические шуточки.

Два года Эрика пыталась преподавать английский в средней школе бедного района, а потом решила, что раз уж каждый день сталкиваешься с наркотиками, оружием и насилием, то лучше пойти работать в полицию и получать за это соответствующее жалование.

Тем временем привратник оказывается женщиной средних лет в бордовом пиджаке и плиссированной юбке.

– Чем могу помочь? – спрашивает она, глядя на визитеров поверх очков.

Гислингхэм и Сомер достают удостоверения.

– Нам нужен мистер Уолш. Дональд Уолш. Как с ним увидаться?

– Его кабинет вон там, в одном из новых корпусов – Кольридж-хаус, – показывает женщина, перегнувшись через стол. – Крайняя левая арка. Вы по какому вопросу? Если хотите, я могу позвонить и предупредить его.

Привратница явно хочет узнать какие-нибудь скандальные подробности.

– Не стоит, – с улыбкой говорит Сомер. – Спасибо.

Полицейские пересекают дворик. Навстречу им идут двое мальчишек: руки в карманах, голоса звучат резко, блейзеры бросаются в глаза. На доске у подножия каждой лестницы висят списки учителей, а напротив каждого имени – деревянная табличка с надписью «Вышел» или «На месте». Гислингхэм передвигает их ради забавы.

– Черт, неплохо они тут устроились, да? – говорит он, рассматривая кожаные кресла, полки с книгами и большие каминные из камня. – Хотя все равно не понимаю, почему люди отправляют сюда своих детей за бешеные деньги. Образование везде дают одинаковое, только тут еще и в красивой, мать вашу, обертке.

– Так в этом и дело, – говорит Сомер. – Красивая обертка им как раз и нужна.

Однако за аркой открывается совсем другой вид: учительская парковка заставлена строительными вагончиками, корпуса-пристройки 70-х годов носят имена поэтов эпохи романтизма, что выглядит очень нелепо. «Вряд ли сюда приводят родителей будущих учеников», – думает Сомер, входя вместе с Гислингхэмом в Кольридж-хаус. Звуки внутри отражаются резким эхом, пахнет дезинфицирующим средством. Кабинет Уолша на третьем этаже, лифта нет. Слегка запыхавшиеся полицейские подходят к двери. Им

открывает мужчина в клетчатой рубашке и вязаном галстуке. Начищенные туфли блестят. Очень подходит под описание Элспет Гибсон.

– Да?

– Детектив-констебль Крис Гислингхэм, детектив-констебль Эрика Сомер, полиция долины Темзы. Можно с вами поговорить?

Уолш удивленно моргает и, обернувшись, поглядывает в кабинет.

– Вообще-то у меня сейчас дополнительное занятие. Не зайдете попозже?

– Мы приехали сюда из Оксфорда, – отвечает Гислингхэм, – так что нет, мы не «зайдем попозже». Впустите нас?

Несколько секунд мужчины внимательно смотрят друг на друга, затем Уолш отступает внутрь.

– Конечно.

Кабинет скорее смахивает на классную комнату. Здесь уже нет никаких кожаных кресел, лишь письменный стол, ряд стульев с твердой спинкой, старинная доска и несколько постеров в раме (афиша «Мадам Баттерфляй» из Английской национальной оперы и плакат с выставки памятников материальной культуры Японии в Музее Ашмола). За одной из парт ерзает рыжеволосый мальчишка лет одиннадцати-двенадцати с учебником на коленях.

– Ладно, Джошуа, – чересчур напыщенно говорит Уолш. – Похоже, ты спасен от мучений благодаря появлению *deus ex machina*^[14]. Можешь идти. – Уолш придерживает дверь открытой. – Но завтра с утра первым делом покажешь мне домашнее задание по хлебным законам.

Замерев у выхода, мальчик оглядывается на Гислингхэма, а потом уходит. Слышно, как его ботинки стучат по лестнице.

– Итак, – говорит Уолш, стоя за своим столом и таким образом показывая, кто здесь главный. – Чем я могу вам помочь?

– Полагаю, вы знаете, зачем мы пришли, – начинает Гислингхэм.

Уолш смотрит на него, затем на Сомер.

– Честно говоря, нет.

– Это насчет вашего дяди или, точнее, супруга вашей тети. Я имею в виду Уильяма Харпера.

– А, – отзывается Уолш. – Что ж, ничего удивительного. Хотя не знаю, стоило ли вас присылать.

– Дело серьезное, мистер Уолш.

– Естественно. Я хотел сказать... Ну, просто связались бы со мной, и я бы все решил. Никого другого, наверное, у него не осталось.

– О ком вы говорите, мистер Уолш? – спрашивает Гис.

– О юристах. Он, кажется, нанимал поверенных из какой-то оксфордской фирмы...

– Я вас не понимаю.

– Вы же насчет завещания? Билл умер?

Сомер и Гислингхэм переглядываются.

– Вы не видели новости? Газеты?

Уолш улыбается, изображая притворную беспомощность.

– Вы представляете, сколько времени уходит на эту работу? Боюсь, мне некогда читать прессу.

Сомер прекрасно его понимает, однако говорить о своем учительском опыте не собирается.

– Тогда, думаю, вам лучше присесть.

* * *

– Как пару дней назад заметил один мой коллега, иногда нам просто везет.

Я стою в лаборатории рядом с Чаллоу и смотрю на металлический стол, заваленный исписанными листками. Какие-то из них целы, другие размокли, от нескольких и вовсе осталась лишь мягкая масса – слов не разобрать.

– Это что-то вроде дневника?

Чаллоу кивает.

– Нина нашла его в коробке в подвале. Был засунут поглубже – наверное, чтобы старик не нашел. Она вырвала чистые страницы из книжек. Еще там лежали шариковые ручки, простые «Байро-Бик» в оранжевом корпусе. Похоже, Харпер вообще ничего не выкидывал. – Чаллоу показывает на записи. – Мы спасли все, что могли. Видать, у него недавно протек толчок наверху. Удивительно, как девчонка не подхватила пневмонию в таком чертовски сыром месте.

Он включает всяческую лампу и опускает ее вниз, чтобы лучше было видно листки.

– Я расшифровал уцелевшие записи и выслал тебе сканы, постараюсь разобраться и в остальных. Чего только не сделаешь с помощью современных технологий...

– Спасибо, Алан.

– Приятного чтения. Фигурально выражаясь, знаешь ли.

* * *

Куинн уже собирался уходить, но дверь наконец-то открыли. Скорее

даже приоткрыли, однако этого оказалось достаточно, чтобы увидеть длинные светлые волосы, длинные босые ноги и сорочку, под которой, видимо, ничего больше не было. Хреновый день вдруг кажется уже не таким хреновым.

– Мистер Гардинер дома?

Она качает головой. Лицо выглядит припухшим. То ли всегда такое, то ли она плакала.

Куинн взмахивает удостоверением, не забыв добавить очаровательнейшую улыбку.

– Детектив-сержант Гарет Куинн. А когда он вернется?

– Думаю, поздно. Он на работе.

Девушка хочет закрыть дверь, но Куинн делает шаг вперед.

– Можно войти? Я хотел бы оставить ему записку. Извиниться за то, как все вышло с новостью о его супруге.

– Делайте что хотите. – Девушка пожимает плечами.

Она отворачивается и уходит внутрь квартиры, а Куинн, толкнув дверь, идет следом. В руке у девушки бокал вина. Большой бокал.

Она скрылась в другой комнате, так что сержант остается в гостиной один. На диване лежит сумочка, украшенная разноцветными помпонами, на низеньком столике стоит почти пустая бутылка вина. Сержант рассматривает помещение (если что, притворится, будто искал ручку и бумагу, хотя и то, и другое есть у него во внутреннем кармане): довольно дорогой телевизор, несколько книг, в основном по медицине, черно-белые постеры в рамках. Сам Куинн никогда не звал женщин жить к себе, но понимает, что вещей девушки здесь, похоже, совсем нет. Он возвращается в прихожую.

– Всё в порядке? – кричит он ей.

Девушка молча выходит из комнаты и бросает на пол чемодан, битком набитый одеждой. Теперь на ней джинсы и полусапожки на высоком каблуке. Обувь доходит до щиколотки, и между ней и краем джинсов виднеется полоска бледной кожи. Девушка присаживается на диван и пробует застегнуть чемодан. Длинные светлые волосы падают на лицо.

– Давайте-ка я вам помогу, – подбегает к ней Куинн.

Глянув на сержанта, она продолжает возиться с застежкой, однако вскоре сдается.

– Ну ладно.

Девушка откидывается на спинку дивана и отворачивает лицо. Куинн не сразу понимает, что она плачет.

Сержант застегивает молнию до конца и ставит чемодан вертикально.

– Все хорошо?

Она кивает, смахивая слезы пальцами, по-прежнему не глядя на Куинна.

– Может, вас подвезти или еще что?

В ответ раздается что-то вроде всхлипа, девушка снова кивает.

– Спасибо, – шепчет она.

* * *

Через десять минут Куинн кладет ее чемодан в багажник, и они выезжают на Банбери-роуд.

– Ему сейчас нелегко, знаете ли, из-за всей этой...

Девушка смотрит на Куинна.

– Ага. Из-за всей этой находки в виде жены под полом сарая. Но прошло ведь уже *два года*.

Очень малый срок – хотя, наверное, в ее возрасте это и вправду целая вечность.

– Куда вы отправитесь? – через какое-то время спрашивает Куинн.

– Не знаю. – Она поводит плечами. – Точно не домой.

– Почему?

Девушка бросает на него гневный взгляд, и сержант решает не настаивать.

– Последние несколько дней вам тоже дались непросто.

– Еще бы, черт возьми, – бормочет она, уставившись в окно. На ее глаза снова наворачиваются слезы.

* * *

Куинн останавливается у автовокзала и идет доставать чемодан из багажника. Когда девушка перекидывает сумку через плечо, сержант замечает то, что надо было заметить сразу.

– Откуда это? – тихо спрашивает он.

Она, покраснев, одергивает рукав.

– Да так. Ударилась о дверь.

Куинн вытягивает ее руку, девушка не сопротивляется. Ужасный кровоподтек со следами пальцев, впившихся в нежную кожу.

– Это он с вами сделал?

Она отводит глаза, но все же кивает.

– Вы можете заявить в полицию.

Девушка с силой качает головой, стараясь не расплакаться снова.

– Он не специально, – едва слышно говорит она, и Куинн наклоняется

ближе, чтобы ее слышать. Мимо проезжает шумный автобус до Лондона, пассажиры с любопытством наблюдают за сержантом и девушкой.

– Позвольте угостить вас кофе.

Она опять покачивает головой.

– Мне надо найти жилье.

– Об этом можете не переживать. Что-нибудь придумаем.

Куинн поднимает чемодан и кладет его обратно в багажник.

* * *

Женщина выглядит встревоженной. За пять минут ожидания дежурного в отделении Сент-Олдейт она три раза посмотрела на свой телефон. Наконец дежурный выходит к стойке.

– Да? Чем могу помочь?

– Я Линда Пирсон. Доктор Пирсон, приехала к Уильяму Харперу. Он мой пациент.

– Да-да, мы вас ждали. Присядьте пока, вас скоро позовут.

Линда вздыхает: она слышала подобное уже много раз. Отходит к ряду стульев и опять достает из холщовой сумки мобильник. Раз уж застряла тут, надо заняться хоть чем-то полезным.

– Доктор Пирсон? – обращается к ней крепкий мужчина в костюме, который ему немного маловат – даже пуговицы на рубашке натянулись. Лысеющий, чуть запыхавшийся. Явный кандидат в гипертоники. Выглядит на сорок, а в действительности ему, наверное, лет на пять меньше.

– Детектив-констебль Эндрю Бакстер, – представляется он. – Я отведу вас в камеру предварительного заключения.

Линда берет свои вещи и спускается вслед за ним по лестнице.

– Как дела у Билла?

– Насколько мне известно, всё в порядке. Мы стараемся не подвергать его лишнему стрессу. Кормим тем, что ему нравится... ну вы поняли.

– Полагаю, тут он питается даже лучше, чем дома. За последние месяцы сильно похудел... Дерек Росс приходил к нему?

– Один раз, когда Билла только задержали. Это Росс предложил позвонить вам.

Перед входом в камеры Бакстер кивает сержанту за столом.

– Доктор Пирсон пришла к Уильяму Харперу.

У Линды Пирсон вдруг появляется ужасное предчувствие, будто сейчас они найдут старика повесившимся на собственной рубашке. Видимо, в переутомленном мозгу просто всплывают кадры из полицейских

сериалов, потому что Харпер послушно сидит на койке, свесив ноги на пол. Выглядит худым, зато на щеках появился румянец. Тарелка и чашка на подносе пусты.

– Как ты, Билл? – Линда садится на единственный стул.

Он пристально смотрит на нее.

– Что ты тут делаешь?

– Полицейские хотят, чтобы я проверила тебя и убедилась, что всё в порядке. Поэтому я и приехала.

– Когда меня отпустят домой?

Пирсон бросает взгляд на Бакстера.

– Боюсь, не скоро, Билл. У полиции еще много вопросов. Придется побыть здесь какое-то время.

– В таком случае, – вдруг очень четко произносит он, – я хочу дать показания. Позовите того, кто у вас тут главный.

* * *

– Это вправду так необходимо?

Примерно три фразы понадобилось Уолшу, чтобы перейти от неверия (по поводу новости о Харпере) к раздраженности (в ответ на просьбу Гислингхэма проехать с ними в отделение Сент-Олдейт).

– Зачем это вообще нужно? У меня же столько дел – занятия, выставление оценок, внеклассные мероприятия... Как я все брошу?

– Я понимаю, сэр, но нам нужно взять у вас анализ ДНК, проверить отпечатки...

– На кой черт? – изумляется Уолш. – Я сто лет не бывал в его доме.

– Правда? – спрашивает Сомер. – Вы не ладили с дядей?

– Любезная, как верно заметил пару минут назад ваш коллега, мы с Харпером вообще не *родственники*.

Гислингхэм смотрит на Уолша широко раскрытыми глазами: если он таким образом хотел добиться ее расположения, то парень серьезно просчитался.

– Мистер Уолш, – невозмутимо продолжает Сомер, – мы уже установили, что за последние годы дом Харпера посещали всего несколько человек, и вы точно были одним из них. Нам нужно исключить вас из списка подозреваемых...

– Подозреваемых? – злится Уолш. – Вы всерьез считаете, что я могу быть замешан в чем-то подобном? Уверю вас, я понятия не имел о том, что он замышляет, и был поражен не меньше остальных.

– Были поражены? – повторяет Сомер, внимательно глядя на него.

– Что? – сердито выпаливает Уолш.

– Вы сказали: «Я был поражен не меньше остальных». То есть вы знали всё еще до нашего приезда? Видели в новостях, как и все местные жители?

– Послушайте. – Он делает глубокий вдох. – Я ведь работаю в школе. В очень *дорогостоящей* школе. Знаете, сколько платят родители за год обучения здесь?

По прикидкам Сомер, эта цифра превышала ее годовую зарплату в полиции.

– Не хватало еще, чтобы мое имя упоминалось в связи с чем-то... *подобным*.

«Ну еще бы», – думает Эрика. Уолш явно занимает самое низкое положение в школе, раз его кабинет засунули в дальний корпус с прекрасным видом на мусорные баки.

– Мы постараемся сохранить все в тайне, – обещает она, – однако вам в любом случае придется поехать с нами в Оксфорд. Пусть вы давно не бывали на Фрэмpton-роуд, мы нашли в доме неопознанные отпечатки неизвестной давности. А школа вроде этой, я уверена, лишь одобрит ваше стремление помочь полиции.

Уолш понимает, что последние слова констебля его зацепили.

– Что ж, хорошо, – вымученно отвечает он. – Полагаю, я могу ехать на своей машине?

* * *

– Вот это ты его приструнила! – хвалит Гислингхэм коллегу, когда они уже сидят в автомобиле.

– Знаешь, – задумчиво отвечает Сомер, – в государственных школах сейчас действуют особые предписания по поводу учителей, остающихся наедине с учениками. Они должны оставлять двери открытыми.

– Подозреваешь что-то?

– Не совсем, но узнать подробности о карьере Уолша не повредит. Если не ошибаюсь, за последние десять лет он сменил уже две школы. Может, тут что-то нечисто. А может, совпадение...

– Стоит проверить.

Эрика кивает.

– Только очень осторожно, чтобы не пошли слухи – иначе его карьера окончена. Даже если подозрения окажутся необоснованными.

Такое случилось с одним ее знакомым учителем, безобидным, тихим и, как оказалось, безнадежно наивным мужчиной, которого с позором выгнали из школы – десятиклассник утверждал, будто тот ударил его.

Теперь он вынужден работать в супермаркете.

Гислингхэм заводит двигатель, а через пару секунд с преподавательской парковки выезжает серебристый «Мондео» Уолша.

– Кстати, что он там говорил про какую-то... секс-машину? – спрашивает Крис, глядя, как приближается Уолш.

Растерянная, Сомер не сразу понимает, о чем речь.

– А, ты про *deus ex machina*? Это из греческих трагедий – когда писатель так закручивает сюжет, что вытащить героев из бедлама может лишь появление бога.

– Отличная идея, – ухмыляется Гислингхэм. – Нам бы тоже такое не помешало.

– Я думала, у нас уже есть такой бог, – с улыбкой отвечает Сомер. – Скрывающийся под личиной инспектора Адама Фаули.

Смеясь в голос, Крис включает передачу, и на мгновение тыльные стороны их ладоней соприкасаются. Всего на мгновение.

* * *

Я пишу это, потому что хочу, чтобы все знали. Если я не выберусь, если я умру здесь, пусть люди узнают, что он сделал со мной.

Я шла смотреть квартиру – оттуда съехал студент, освободив свою комнату на несколько месяцев, и комната эта, судя по всему, была лучше той, где я жила. Только вот по дороге сломался каблук, и я присела на низкий заборчик, пытаясь его починить. Тогда-то он и появился. Думала, попросит слезть с забора, но он просто глянул на мою туфлю и сказал, что у него есть клей. «Через минуту каблук будет на месте», – пообещал он и улыбнулся. Помню, на нем был галстук. Выглядел он вполне нормально. Будто чей-то добрый дядюшка. В общем, я согласилась и пошла за ним в дом.

Он сказал, что сейчас принесет клей из сарая, а еще он предложил выпить чаю, мол, как раз заварил. Вот как он это сделал. Подсыпал что-то в чай.

Напиток оказался странным на вкус... [далее неразборчиво]

...что лежу на полу лицом вниз. Я кричала, но никто не отзывался. Он не отзывался и не приходил. Вскоре мне захотелось в туалет, и я заплакала, потому что поняла, что джинсы намокли, и это было просто ужасно. Не знаю, сколько прошло времени, пока я не смогла ползти на коленях. Натыкаясь на все подряд в темноте, я все-таки нашла кровать, туалет и коробки с барахлом. Тут стоит старческий запах. Наверное, комната находится под землей, раз тут постоянно такой

холод...

[одна страница нечитаема]

...услышала его снаружи. Поворот ключа, затем шаги по лестнице, включился свет – было видно под дверью. Я услышала, как он дышит.

Дышит и прислушивается. Я лежала, не шелохнувшись, и в итоге он ушел. Правда, свет остался гореть.

Значит, он еще вернется.

Только б он меня не изнасиловал. У меня раньше ничего не было, и я не хочу, чтобы он стал первым.

Почему никто не приходит?

[две страницы нечитаемы]

...опять. Он принес воду, хотя бóльшую часть я пролила на себя. Я сказала, что хочу есть, а он ответил, что я должна заслужить еду хорошим поведением. Я попыталась ударить его, и он дал мне пощечину. Сказал, мне придется быть милой девочкой, иначе я умру тут с голоду. Я плюнула в него водой, а он сказал – как хочешь. Пей из туалета, мне все равно. Скоро одумаешься, злобная сучка. Все вы такие поначалу.

Я все думаю о том, не ищет ли меня кто-нибудь. Ребятам из квартиры плевать, мама не знает, где я, да и узнай она, ей тоже было бы по фигу. Она решила бы, что так мне, тупице, и надо. Она всегда это говорит.

Если я умру здесь, никто даже не узнает

Я не хочу умирать

Пожалуйста, не дайте...

[три страницы повреждены]

Он меня изнасиловал

Он меня **ИЗНАСИЛОВАЛ**

Не знаю, давно ли, потому что я просто лежу и плачу. Прошу, если вы читаете это, не дайте ему остаться безнаказанным. Пусть заплатит за то, что сделал.

Он принес еще воды, но, кажется, что-то подмешал туда, потому что я опять чувствую себя как-то странно. Как будто я понимаю все, что происходит, но ничего не могу сделать. Вот он сидел рядом и улыбался, а уже через секунду стянул с меня белье и начал трогать своими противными сморщенными руками, засовывать в меня пальцы и спрашивать, нравится ли мне. Он не развязал меня – видимо, хочет, чтобы я оставалась связанной. Он делал это, пока я лежала на спине, потом перевернул, и опять. Все это время я тыкалась лицом в грязь и чувствовала такую боль, словно меня разрывают изнутри.

Потом меня вырвало. По ногам текла кровь.

Зато он оставил воду и еду

И свет горит

[несколько страниц отсутствуют]

...как долго я здесь. Он забрал у меня часы и телефон, так что я сбилась со счета. Как минимум три недели, так как сегодня начались месячные. Я попросила средства гигиены, а он просто кинул мне рулон туалетной бумаги. Этот ублюдок даже трусы мне не отдает. Говорит, они грязные, да и вообще ему нравится видеть меня без них. Точнее, мою «вагину».

Он сидел и смотрел, как я засовываю бумагу между ног. Взгляд у него был странный, как будто он балдеет от вида крови. Как будто этому извращенцу так нравится еще больше. Сказал, жаль, что мы пока что не можем заниматься сексом, если хочешь, попробуем сзади. Ему кажется, что у нас что-то вроде отношений. От мысли об этом только страшнее, а я-то думала, что хуже уже некуда.

[несколько страниц повреждены]

...теперь добрее ко мне. Говорит, мы можем стать семьей, и вообще он всегда хотел ребенка и надеется, что будет мальчик. Вернул мне белье и даже пытался постирать его. Свет тоже оставляет. Дает больше еды. Правда, когда я сказала, что мне нужно к врачу, он жутко рассмеялся и ответил, что я как раз там, где надо. Когда я спросила еще раз, он сослался на женщин в девятнадцатом веке, которые рожали детей прямо в полях и тут же продолжали работать. Чего волноваться, я ведь молодая и здоровая, и он обо мне позаботится. Обо мне и малыше.

Видимо, он все же разозлился, потому что выключил свет. Я лежала в темноте и чувствовала, как двигается во мне его ребенок. Как он поедает меня изнутри.

[одна или несколько страниц отсутствуют]

Оно лежит и смотрит на меня. Когда оно плачет, его лицо морщится и краснеет. Он сказал, я должна кормить это существо, но я повернулась к нему спиной. Сам хотел его, сам пусть и кормит. Он достал молоко и заставил ребенка его пить.

Он забрал грязное постельное белье и принес новые простыни. Все повторяет, какие они чистые и гигиеничные. Я сказала, что мне все равно.

Мне все равно, умру я или нет. Меня это уже не волнует. Он говорит, я должна жить ради ребенка. В ответ я отвернулась к стене и заплакала.

Говорит, как же нам повезло, что я такая молодая и роды прошли легко. «Повезло? – спрашиваю. – Повезло стать пленницей? Повезло каждый день подвергаться насилию?» А он в ответ: все не так, ты же

знаешь, веди себя хорошо. Он был снисходителен ко мне в связи с беременностью, но теперь ситуация изменится.

Я должна ухаживать за ребенком, и тогда он оставит меня в покое, мол, это в моих интересах. Говорю, пусть забирает его наверх и там за ним ухаживает, но он отказывается. Заявляет, что ребенок мой. Мой и его. Называет его Билли.

Я не стану давать ему имя

Только не здесь

Только не в темноте

Этот ребенок, он смотрит на меня. Глаза у него голубые. Волосы темные, как у меня. Заставляю себя думать, что он мой и не имеет никакого отношения к этому жуткому старому извращенцу.

Он почти не плачет. Просто лежит на одеяле и смотрит. Ему уже больше трех месяцев. Старик по-прежнему «добр» ко мне. Приносит хорошую еду, тампоны, даже кое-какую одежду – поношенную, но и то неплохо. Ребенку дал футболку и ползунки.

Может, появление малыша все-таки к лучшему? Он ведь не сможет вечно держать его в подвале. Вдруг заболеет? Он не даст ему умереть. На меня ему плевать, но он не позволит, чтобы что-то случилось с ребенком.

Только не с его сыном

Только не с Билли

[одна или несколько страниц отсутствуют]

Еда кончилась, вода на исходе. Не знаю, долго ли еще продержусь

Слышу людей по соседству, кричу, но никто не отзывается

За мной никто не приходит

* * *

Бакстер звонит из камеры предварительного заключения в 17.30. В голове у меня роятся слова. Слова из дневника девушки и картины, нарисованные моим воображением. Я и так знал, что он с ней сделал, однако читать об этом, представлять это – совсем другое. Меня переполняют гнев, который придется контролировать, и бескрайнее сожаление.

– Босс? – Бакстер ждет моего ответа.

– Прости, задумался... В чем дело?

– У Харпера прояснилось в голове. Хочет дать показания.

Надо посчитать до десяти.

– Хорошо. Адвоката вызвал?

– Она приедет только через час, а медлить нельзя. В его состоянии... пока будем ждать, старик опять уйдет в себя. Здесь его врач, так что, если вы не против, она согласна сыграть роль попечителя.

– Идет. Отведи его в первую комнату для допросов. Куинн тут?

– Не видел.

– Тогда приходи ты. Буду через десять минут.

* * *

Когда я захожу в комнату, Харпер смотрит мне прямо в глаза – впервые за все время. Спина ровная, во взгляде полное понимание происходящего. Его врач – компетентная на вид женщина, волосы у нее седые и безжизненные, а глаза на удивление красивые. Я сажусь рядом с Бакстером и гляжу на Харпера.

– Доктор Харпер, вы желаете дать показания?

Чувствую на себе взгляд Бакстера – он заметил перемену в моем голосе. Харпер неуверенно кивает.

– И осознаете, что это официальный допрос вас в качестве подозреваемого?

Снова кивок.

– В таком случае сообщаю для записи: я инспектор Адам Фаули. На допросе доктора Харпера также присутствуют доктор Линда Пирсон и детектив-констебль Эндрю Бакстер. Итак, доктор Харпер, что вы намерены нам сообщить?

Старик молча смотрит то на меня, то на Бакстера.

– Доктор Харпер?

Он медленно осматривает всех, кто находится в комнате.

– Это она, да?

– Что, простите?

– Вы хотите, чтобы я рассказал вам о *ней*.

Бакстер открывает рот, желая что-то вставить, но я останавливаю его взмахом руки. Узнав версию событий из дневника девушки, теперь я желаю услышать все от Харпера, его словами.

Он тянется за стаканчиком воды, затем поднимает на меня глаза – слезящиеся, с красными прожилками сосудов.

– Вам когда-нибудь хотелось повернуть время вспять, хотя бы на один-единственный час?

Сердце колотится так, что я едва не задыхаюсь. Я ожидал чего угодно, но только не этого. Мой гнев никуда не делся, однако его вытеснило чувство потери. И я имею в виду не Ханну, не Вики, а самого себя. Мою

собственную потерю. Не час – мне понадобилось бы всего пять минут. Я отдал бы всё за те пять минут, которые ушли на сортировку мусора в ящиках. Я опоздал на пять минут и не успел спасти Джейка, не успел вдохнуть воздух в его легкие.

Пять минут.

Пять гребанных минут.

– Знаете, она является мне, – вдруг продолжает Харпер. – Выглядит как шлюха в том красном платье. Сжимает мой член своими маленькими холодными ручками. Я понимал, что это лишь видение, что на самом деле ее не было *рядом*. Но она все приходила. Каждую ночь. Никак не могла оставить меня в покое.

Я наклоняюсь вперед.

– О ком вы, доктор Харпер?

– Это было временное помешательство. Так ведь говорят? «Временное помешательство». И все же прошлого не вернуть. Приходится жить с тем, что натворил.

Старик опускает голову на ладони и трет глаза.

– Знаю, последние месяцы я был не в себе. Чертова выпивка. Отключался, мерещилось всякое... Просыпался и не мог понять, где я...

Харпер выпрямляется, свешивает руки по бокам.

– Этот сраный Росс хочет отправить меня в дом престарелых. Говорит, я на хрен с катушек съехал. Может, он и прав.

Линда Пирсон поглядывает на старика, и я знаю почему. Ругательства – верный признак того, что Харпер теряет ясность мышления.

Я быстро достаю из папки фотографию девушки. Первый раз смотрю на ее лицо после того, как прочитал найденный Чаллоу дневник.

– Вы ее имеете в виду?

Он уставился на меня непонимающим взглядом.

– Это Вики. Мы нашли ее в подвале вашего дома вместе с маленьким мальчиком.

Я выкладываю второй снимок, но Харпер его отодвигает.

– Присцилла всегда была мерзкой коровой.

– Нет, это не ваша жена, доктор Харпер. Женщину на фотографии зовут Ханна Гардинер. Ее тело обнаружили у вас в сарае. Два года она считалась пропавшей без вести.

Я кладу два фото рядом, лицами к нему.

– Что вы можете сказать мне об этих женщинах?

– Я понял, на что вы намекаете. Вы ошибаетесь. Наверное, *она* вам сказала, что я плохой человек, что я извращенец, но это не так. – Изо рта

Харпера течет слюна. – Назвала меня *педофилом*, а из-за этого слова в прессе всегда такая шумиха... Ты, говорит, грязный шизанутый педофил, тебе место в психушке.

– Кто так сказал? – спрашивает Бакстер. – Вики? Когда вы делали с ней все эти мерзости...

Харпер съеживается.

– О чем это он? – Он повышает голос, обращаясь к Пирсон. – *О чем он говорит?*

Я показываю на снимок Вики.

– Доктор Харпер, улики указывают на то, что вы изнасиловали эту девушку...

Старик начинает раскачиваться взад-вперед.

– Я не виноват, я не виноват, – хныкая, повторяет он.

– Изнасиловали и держали взаперти в подвале почти три года...

Харпер затыкает уши.

– Я вообще туда не спускаюсь, больше не хожу туда... там что-то есть... я слышу по ночам... завывает и скребется...

Я подаюсь вперед так, чтобы он посмотрел на меня.

– Что вы слышали, доктор Харпер? *Что вы слышали?*

Пирсон качает головой.

– Прошу прощения, инспектор, но продолжать не стоит.

* * *

Пирсон догоняет меня в коридоре.

– Вы должны кое-что знать. Я бы сообщила раньше, но не видела снимков, в газетах ведь ничего не публиковали...

– Извините, вы о чем? – немного резко (что вполне объяснимо) спрашиваю я.

– Эта Вики, – говорит Пирсон, – просто копия Присциллы. Те же волосы, глаза, да и все остальное. Не знаю, что это значит – и значит ли вообще, – однако подумала, что нужно сообщить вам.

– Миссис Харпер тоже была вашей пациенткой?

Доктор качает головой:

– Нет, она ходила в частную клинику. Я встречала ее пару раз. Скажем так, она была не очень простым человеком.

– По нашим данным, к ним дважды вызывали полицию – соседи жаловались на шум. Похоже, в обоих случаях агрессором выступала именно она. Именно миссис Харпер напала на мужа.

– Ничего удивительного. – Пирсон кивает. – По общему мнению, она

отравила ему жизнь. Помню, Билл рассказывал, что сдавал анализ на бесплодие – Присцилла пыталась забеременеть – и только через какое-то время узнал, что она тайком поставила спираль несколько лет назад. Он был в бешенстве. Мало того, что жена врала ему, так он еще и упустил возможность стать отцом. С Нэнси завести детей ему не удалось.

Я медленно киваю в ответ.

– Еще бы, такой обман... Любой разозлился бы на его месте.

Пирсон вздыхает:

– Думаю, он возненавидел ее намного раньше из-за того, как их интрижка повлияла на Нэнси. Я уверяла, что рак груди обнаружился бы в любом случае, но Билл все повторял, что это он с Присциллой убил первую супругу. Видимо, сказал ей, что никогда не уйдет от Нэнси, вот Присцилла и заявила к ним домой и все выпалила. Нэнси ни о чем не догадывалась, она была очень доверчивой. Даже представить не могла, что Билл ей изменяет. Диагноз поставили через год или около того, после чего она протянула всего шесть месяцев. Вот откуда в нем такая враждебность. Болезнь Альцгеймера выпускает весь подавленный гнев, который копился в нем при жизни Присциллы. А тут вы показываете ему снимок женщины, как две капли воды на нее похожей, – отсюда и соответствующая реакция...

– Тогда как он отреагировал бы, если б встретил Вики на самом деле? Допустим, на улице у своего дома?

– О боже. – Линда бледнеет. – Вы думаете, так все и было? Это он и назвал «временным помешательством»?

Я пожимаю плечами:

– Не знаю.

Пирсон печально качает головой:

– Как жаль эту девочку и ее малыша. Бедняжки. Как он сейчас, вы не в курсе?

Я решаю не сообщать, что мальчик у нас.

– Он сейчас в хороших руках.

* * *

Сидя за компьютером, Сомер просматривает кучу фотографий.

– Если ищешь мебель, зайти на сайт «Уэйфэр», – советует проходящий мимо детектив-констебль. – Моя девушка от него просто тащится. Мне ли не знать – плачу-то за всю эту фигню я.

Эрика по-прежнему смотрит в экран.

– Я не себе выбираю. Пытаюсь найти шкафчик определенного вида.

– Ну как скажешь... Просто хотел помочь. Не думай, что подкатываю к тебе, лишь бы перепихнуться, – мы не *все* тут такие.

Он уходит. У Сомер вспыхивают щеки. Что она сделала не так, если сделала вообще? Вздохнув, Эрика думает о том, что сейчас сказала бы ее сестра. В школе Кэт с первого дня считалась самой красивой девчонкой и рано осознала, какую цену приходится платить за внешние данные. Сомер же в детстве называли просто «симпатичной», а когда она наконец расцвела, то не могла понять, что делать со всеобщим вниманием. В моменты вроде этого ей казалось, будто она так ничему и не научилась.

Эрика продолжает поиски шкафа и через пару минут откидывается на спинку кресла, продолжая глядеть на экран. Потом заходит на общий сервер Управления уголовных расследований, чтобы найти снимки из дома на Фрэмpton-роуд.

– Попался, – шепчет она себе под нос.

* * *

Дональд Уолш не в курсе, но он сидит на том же стуле, что и Уильям Харпер за полчаса до него. Эверетт следит за происходящим по монитору из соседней комнаты. Уолш изображает из себя делового человека: каждые тридцать секунд поглядывает на часы и осматривается с преувеличенным раздражением. Открывается дверь, к Эверетт заходит Гислингхэм. По его лицу все понятно.

– Есть что-нибудь?

– Ага. «Пальчики» Уолша полностью совпадают с неидентифицированными отпечатками из подвала и кухни. А *еще* – и тут начинается самое интересное – со следами в сарае. Правда, только на банках из-под краски и садовых инструментах.

– Так вы будете его допрашивать?

– Ему точно придется кое-что объяснить, – Гислингхэм кивает.

На экране видно, что в комнату заходит Куинн и осматривается в поисках Гиса.

– Ой, кажется, мне пора.

Эверетт продолжает наблюдать: Гислингхэм отодвигает стул и садится рядом с Куинном.

– Мистер Уолш, я детектив-сержант Гарет Куинн. С детективом-констеблем Гислингхэмом вы уже знакомы. Для записи подтверждаю, что вам зачитали права...

– И это, простите, какая-то нелепость, бюрократическая ошибка. Я не имею *никакого* отношения к этой абсурдной ситуации.

– Разве? – Подняв бровь, Куинн открывает папку. – Нам только что подтвердили, что некоторые отпечатки, найденные в доме номер тридцать три по Фрэмpton-роуд, совпадают с вашими.

– Ну и что тут такого? Я бывал там несколько раз. Правда, уже давно.

– Когда вы были в доме последний раз?

– Точно сказать не могу. Наверное, осенью две тысячи четырнадцатого. В октябре приезжал на конференцию в Оксфорд и заглянул к Биллу на пару минут. Если честно, я перестал заходить к нему после смерти Присциллы.

Теперь удивляется Гислингхэм – слова Уолша звучат странно, учитывая мнение людей о Присцилле.

– То есть вы с ней ладили?

– Признаться, она была ужасной женщиной. Злобной сукой, которая разрушила первый брак Билла, хотя сейчас, насколько мне известно, это не считается чем-то зазорным. Она превратила последние годы жизни моей тети в ад. Я специально приезжал лишь тогда, когда она отсутствовала дома.

– И как часто?

– Пока Нэнси была жива, – каждые четыре-пять месяцев. И не больше раза в год после того, как Билл женился на Присцилле.

– Так почему вы перестали бывать у Харпера после ее смерти? Напротив, это лишь облегчило бы ваше общение.

Уолш откидывается на спинку стула.

– Даже не знаю, просто так получилось. Не стоит искать в этом какие-то скрытые мотивы, констебль.

– Выходит, вы бросили навещать старика как раз в тот момент, когда он больше всего нуждался в уходе? – не сдается Гислингхэм. – Он остался один, начал сдавать, проявились симптомы деменции...

– Я ничего не знал о болезни, – выпаливает Уолш.

– Ну, естественно, вам же было не до него.

Уолш отворачивается.

– На этом дело не закончилось, верно? – говорит Куинн. – Вы разругались в пух и прах, насколько нам известно.

– Чепуха.

– Вас видели.

Уолш бросает на него испепеляющий взгляд.

– Если вы имеете в виду старушку с его улицы, то сомневаюсь, что ее можно считать надежным свидетелем.

Воцаряется тишина. Уолш барабанит пальцами по своим бедрам.

Стук в дверь, в комнату заглядывает Эрика Сомер с кипой бумаг в руке. Она пытается привлечь внимание Куинна, но тот делает вид, что не замечает.

– Сержант, можно вас на пару слов?

– Мы еще не закончили с допросом, констебль Сомер.

– Я вижу, сержант.

Гислингхэм понимает, что Сомер пришла с чем-то важным, хоть Куинн и не желает это признать. Он идет к двери. На мониторе Эверетт видит, как раздражается Куинн. В итоге Гислингхэм возвращается в комнату, а Сомер следует за ним. Она садится в дальний угол лицом к сержанту, но тот по-прежнему отводит глаза.

Крис кладет бумаги на стол, достает из стопки один листок с фотографией и показывает Уолшу.

– Знаете, что это, мистер Уолш?

Тот смотрит на снимок, едва заметно ерзая на стуле.

– Нет, сразу вот так не скажу.

– А я думаю, вы отлично знаете. У вас ведь такой есть.

Уолш скрещивает руки на груди.

– И что? При чем тут обычный шкафчик?

– Не совсем обычный. Наоборот, это специальный шкаф для хранения особых статуэток, которые как раз имеются у доктора Харпера. Они указаны здесь, – он тыкает во второй листок, – в списке страхования домашнего имущества. Правда, вот что странно – я не заметил ни одной фигурки в доме Харпера. *Зато* я видел точно такой же шкафчик в *вашей* гостиной.

Гислингхэм чувствует, что Куинн смотрит на него в упор. Сержант терпеть не может, когда его застают врасплох.

– Итак, мистер Уолш, – быстро добавляет Гислингхэм, – давайте не станем терять время. Рассказывайте, что это за штука.

Губы Уолша гневно сжались в тонкую линию.

– Мой дед был дипломатом и после войны много лет провел в Японии. Там он собрал большую коллекцию нэцке.

– Что, простите? – Куинн откладывает ручку и поднимает глаза.

– Вы понятия не имеете, о чем идет речь, да? – усмехается Уолш, изогнув бровь.

Однако с Куинном шутить не стоит.

– Что ж, просветите меня.

– Нэцке – это такие миниатюрные резные фигурки, – отвечает Сомер вместо Уолша. – Когда-то они были частью традиционного японского

одеяния. Что-то вроде объемных пуговиц.

Уолш улыбается Куинну:

– Похоже, ваша коллега осведомлена куда лучше вас.

Сержант бросает на него злобный взгляд:

– И во сколько оценивается эта коллекция?

– Всего в пару сотен фунтов, – небрежно бросает Уолш. – Ценность ее заключается совсем в другом – это память. Дедушка оставил фигурки Нэнси, и я решил, что после смерти тети они должны вернуться в семью.

– Доктор Харпер, видимо, был против?

На мгновение лицо Уолша искажается от гнева.

– Да, он возражал. Видите ли, фигурки очень нравились Присцилле. Харпер ясно дал понять, что она их не отдаст.

«Ну еще бы», – подумал Куинн, а вслух сказал:

– Понятно. А после ее смерти вы решили снова попытаться удачи?

– Да, вы очень красноречиво выразились. Я опять поехал к Биллу.

– И он опять вас отшил. Поэтому вы и поругались.

Гислингхэм иронично улыбается: он не устает повторять, что бывает только два мотива преступлений – из-за любви или из-за денег. А иногда из-за любви и денег одновременно.

Уолш уже завелся:

– Он не имел права! Эти фигурки – часть семейной истории, часть наследия...

– Где же они теперь?

– В смысле? – изумляется Уолш.

– Как упомянул детектив-констебль Гислингхэм, в доме Харпера статуэток нет. У вас же при этом имеется специальный шкафчик для их хранения.

Уолш краснеет.

– Я купил его, будучи уверенным, что Билл поступит разумно.

– То есть если мы обыщем ваш дом, то не найдем там ничего из этого списка для страховой?

– Конечно же нет! – выпаливает Уолш. – Раз нэцке не на Фрэмpton-роуд, то я понятия не имею, где они. И в таком случае желаю официально заявить об их пропаже.

Куинн переворачивает страничку в папке.

– Принято к сведению. Тогда, пожалуй, перейдем к отпечаткам.

– Каким еще отпечаткам? – рассеянно смотрит на него Уолш.

– Я уже говорил. Мы нашли их по всему дому: несколько на кухне...

– Неудивительно, я большую часть времени проводил именно там...

– И несколько в подвале.

Глядя на сержанта, Уолш шумно сглатывает.

– В каком еще подвале?

– В подвале, где были обнаружены молодая женщина с ребенком. Не расскажете, откуда они там взялись?

– Не представляю. По-моему, я вообще туда не спускался. И запишите, что я категорически отрицаю *какую-либо* причастность к этому делу. Я не знаю ни женщину, ни ее ребенка. – Он переводит взгляд с одного полицейского на другого. – И не готов отвечать на дальнейшие вопросы без адвоката.

– Безусловно, у вас есть на это полное право, – соглашается Куинн. – А у нас есть право арестовать вас, что, во избежание недоразумений, я сейчас и сделаю. Допрос окончен в восемнадцать двенадцать.

Гислингхэм не успел встать, как сержант уже выскочил из кабинета. Сомер выходит в коридор, и Куинн хватает ее за руку и тащит в сторону. Улыбка на ее лице меркнет, когда она замечает выражение лица Гарета.

– Устроишь мне такую хрень еще раз – пожалеешь, – выдавливают он сквозь зубы. – Поняла?

– Ты о чем? – отпрянув от него, спрашивает Сомер.

– Выставила меня гребаным идиотом перед подозреваемым – и перед *Гислингхэмом*, черт возьми!

– Извини... я просто хотела помочь...

Куинн наклоняется к ней в упор:

– Если это в твоём понимании помощь, то оставь свои попытки. Оставь все это вообще.

– Да что с тобой такое?

Но сержант уже ушел.

* * *

Команда собирается в 18.30, и на этот раз я возьму себя в руки. В помещении душно и полно народу. И при этом тихо. До них уже дошли слухи.

– Итак, – прерываю я ожидание, – вы, вероятно, уже знаете, что ребята Чаллоу нашли кое-что в коробках из подвала дома на Фрэмpton-роуд. Дневник Вики, который она вела, находясь в плену.

Я делаю шаг вперед и включаю проектор.

– Некоторые страницы отсутствуют или повреждены, но это не мешает понять, что с ней произошло. Вот копия основных записей. Предупреждаю, не самое легкое чтение.

Я молча слежу за тем, как они читают отрывки из дневника: кто-то приглушенно вздыхает, кто-то покачивает головой. Женщинам это дается особенно трудно. Я специально не смотрю на Гислингхэма, однако чувствую, как он напрягается, когда доходит до момента про «Билли».

– Дождемся анализа ДНК, – наконец продолжаю я, – для официального подтверждения, хотя уже к концу сегодняшнего рабочего дня предъявим Уильяму Харперу обвинение в изнасиловании и незаконном лишении свободы. Улик у нас достаточно.

– Сэр, – осторожно нарушает тишину Сомер, – знаю, я не специалист из Управления уголовных расследований, но, может быть, в тексте говорится совсем о другом человеке? Я не встречала Харпера, зато общалась с Уолшем, и речь, похоже, идет как раз о *нем*. По описанию открывший дверь мужчина больше смахивает на Уолша.

– Вообще-то она права, – спешит поддержать ее Гислингхэм. – Галстук, высокомерная речь... Это точно Уолш. Харпер-то выходит на улицу в одной майке.

– Дело было как минимум три года назад. Тогда у Харпера еще не помутилось в голове. – Возражая им, я все-таки начинаю сомневаться в собственной правоте.

– Да, сэр, но есть еще кое-что. – Сомер подходит к изображению дневника и показывает на одну фразу. – Он называет ее «злой сукой». Именно так сказал Уолш о Присцилле, когда мы допрашивали его сегодня днем.

«Мерзкая корова» – так говорил о своей жене Харпер, а вот «злой сукой» ее назвал Уолш. Слова важны. Детали имеют значение. Я приближаюсь к экрану. Свет проектора падает на Сомер, по ее лицу зловеще тянутся написанные Вики предложения.

– А еще вот это упоминание доктора, – по-прежнему извиняющимся тоном добавляет Сомер. – Он сказал, что Вики «как раз там, где надо». Да, возможно, Харпер имел в виду самого себя, или же это Уолш намекает на Харпера. В смысле, что тот – доктор философии, а не настоящий доктор.

– В любом случае шуточки у него отвратительные, – мрачно комментирует Гислингхэм. – Как можно сказать такое девушке, которая будет рожать без медицинской помощи? – Гис понимает ситуацию лучше остальных, ведь его сын выжил только благодаря современнейшему оборудованию и слаженной работе целой команды специалистов.

Я перечитываю отрывок из дневника. Слышу, как сзади шепчутся, пытаюсь понять, к чему все идет.

Снова поворачиваюсь к ним лицом.

– Что у нас есть на Уолша?

– Много чего, – отвечает Куинн, когда атмосфера в комнате накаляется еще сильнее. – Его отпечатки на коробках в подвале, а еще на кухне и некоторых инструментах в сарае...

– И как Уолш это объясняет?

– Никак, – качает головой Куинн. – Настаивает на том, что никогда не был в подвале, отказался отвечать на дальнейшие вопросы без адвоката. Мы ждем ее приезда, и тогда спросим Уолша про коллекцию нэцке, которую Харпер унаследовал от первой жены. Ну, вот эти штуки...

Он показывает снимки статуэток: заяц из слоновой кости, две переплетенные лягушки, свернувшаяся в кольцо змея, ворон, прикившийся к черепу. Такие крошечные и такие прекрасные.

– Уолш хотел забрать их, – продолжает Куинн, – но Харпер не отдал. И в доме у старика их нет, зато у Уолша стоит специальный шкафчик для фигурок – правда, пустующий, как он уверяет.

– Коллекция ценная?

– Возможно, – Куинн кивает. – Уолш сказал, за нее дали бы не больше нескольких сотен фунтов, однако мне известно, что за редкие экземпляры можно получить тысяч сто. За каждый.

Я замечаю, что Сомер бросает взгляд на сержанта, а тот старательно отворачивается.

– Вообще-то, сэр, – вступает в разговор Эрика, подчеркнуто обращаясь именно ко мне, – когда мы ездили к Уолшу, я видела в его доме специальный шкафчик. Люди покупают такие именно для хранения нэцке.

Одно могу сказать точно: выговор у нее лучше, чем у Куинна.

– Знаете, что я думаю? – говорит сержант, как будто его не перебивали. – Уолш понял, что Харпер понемногу сходит с ума, и решил воспользоваться этим. Может, взял всю коллекцию сразу, а может, таскал по одной фигурке – чтобы кто-нибудь вроде Дерека Росса не заметил пропажу... Тогда Уолш бывал в доме намного чаще, чем он утверждает, и вполне мог оказаться на Фрэмpton-роуд в тот день. В день, когда была похищена Вики.

– Разве его не заметили бы? – сомневается Бакстер. – Уолша видела всего одна соседка, да и то очень давно.

– Это ничего не доказывает, тем более в таком районе Оксфорда. И, скорее всего, он приходил ночью. Кто разглядит его в темноте?

– Ладно, – говорю я всем собравшимся. – Гислингхэм, на тебе обыск жилища Уолша. Не забываем, что в Банбери он только живет. Если Уолш и вправду извращенец, то свои делишки он проворачивал на Фрэмpton-

роуд. Довольно далеко от дома, но не так чтобы очень. Темный подвал с толстыми стенами, по соседству только старушка...

– Прямо как в «Главном подозреваемом», – острит Гислингхэм, и все смеются. Напряжение немного рассеивается. Это у нас такая шутка: со времен сериала «Главный подозреваемый» ни один серийный убийца, появляющийся на телеэкранах, не обходится без собственной камеры пыток. Как однажды с иронией заметила Алекс: «Хотите поймать всех маньяков – почаще проверяйте заброшенные склады».

– Вот еще что, – добавляю я. – На допросе Харпер сказал, что больше не спускается вниз, потому что слышит какие-то странные звуки из подвала. Там что-то «завывает и скребется» – вот как он сам выразился. Выглядел старик при этом искренне напуганным. Все складывается. Уолш вполне мог провести туда Вики без ведома Харпера. Мысли у старика путаются, к тому же он пьет. Да и у Уолша наверняка есть свой ключ.

– Да, но разве Харпер не скажет что-нибудь подобное, даже если это неправда? – спрашивает Гислингхэм. – Он точно будет уверять, что ничего не знал.

– Вполне возможно, только мы дошли до этого момента уже под конец допроса, когда речь Харпера стала сбивчивой. Вряд ли он прикидывался. Меня также волновало кое-что другое насчет Харпера. Похитить девушку, держать ее взаперти – подобное не случается внезапно. К этому всегда что-то ведет. Желание нарастает, пока не переполнит преступника, хотя это не сразу становится ясно. На Харпера мы ничего такого не нашли.

– В доме есть порнушка, – говорит Бакстер.

– А вдруг это журналы Уолша? – предполагает Куинн. – Согласитесь, школьному учителю небезопасно держать такое у себя дома.

– Верно, – говорю я. – Снимем отпечатки с журналов, чтобы удостовериться. И все, что я сказал по поводу нарастающего желания, относится и к Уолшу. Если он похитил Вики, что-то должно было толкнуть его на это. Надо покопаться получше, и что-нибудь обязательно отыщется.

– Мы застали его с учеником в кабинете, – отзывается Гислингхэм. – Бедняга выглядел чертовски перепуганным.

– А еще за десять лет это уже третья школа, в которой он преподает. Стоит узнать, по какой причине Уолш ушел из первых двух.

А она хороша. Быстро схватывает.

– Хорошо, Сомер, на вас Банбери. Берите Гислингхэма, свяжитесь с местной полицией, обыщите дом и разузнайте, что там в школе.

Куинн переводит взгляд с нее на меня, затем отворачивается. Он явно рассержен, но мне плевать.

– Есть новости по нашей девушке? – интересуется кто-то из детективов-констеблей в заднем ряду.

– Так ничего и не сказала, – отвечает Эверетт. – Утром снова отправлюсь в больницу.

– А что с ребенком?

– Порядок. Ему лучше, – говорит она, глянув на меня.

Я киваю ей – в знак благодарности за ее предусмотрительность.

– Итак, теперь к делу Ханны Гардинер, – перевожу я тему. – Несмотря на возобновленный поиск свидетелей, никто так и не откликнулся и не сообщил информацию о передвижениях Ханны в то утро...

– Кроме пары каких-то психов, – бормочет детектив-констебль с заднего ряда.

– ...зато теперь нам *известны* два важных факта. Во-первых, она часто оставляла машину на Фрэмpton-роуд. Если мы рассматриваем Уолша как возможного подозреваемого, нужно немедленно проверить, где он был в тот день и мог ли столкнуться с Ханной на улице. В школах тщательно ведут записи, так что, надеюсь, с этим нам повезет.

В комнате становится шумно, и я повышаю голос.

– *Однако*, ребята, если брать во внимание второй факт, дело принимает совсем другой оборот. Бакстер побеседовал с Бет Дайер, которая сообщила нечто такое, чего мы раньше не знали об отношениях Ханны и Роба. И что может объяснить, почему мы до сих пор не нашли следов места преступления на Фрэмpton-роуд.

Бакстер встает и поворачивается лицом к остальным.

– Бет утверждает, что видела Ханну за несколько недель до ее исчезновения – с синяком на щеке. Ханна сказала, что ее ударил Тоби, но Бет не поверила. Она подозревала Роба, потому что в семье у них начались проблемы. Летом пятнадцатого года Дайер отказалась обсуждать эту тему, а сейчас сама во всем призналась. Кое-что в ее словах меня зацепило: как убийца Ханны догадался, где надо бросить машину? О съемке репортажа было известно всего нескольким близким людям и коллегам. Ни Уолш, ни Харпер не могли об этом знать. А вот Роб знал. Поэтому Бет и винит его. Считает, что и синяк, и смерть Ханны – его рук дело.

– Джилл Мёрфи говорила что-то такое в две тысячи пятнадцатом, – припоминаю я. Джилл была приписанным к делу сержантом – чертовски хорошим, надо сказать. – Ей казалось, что Бет равнодушна к Робу.

– Думаю, с тех пор ничего не изменилось, – отзывается Бакстер. – А это значит, что она все придумала. И уже не в первый раз.

– Все равно нужно еще разок проверить Роба Гардинера. Если он

и вправду убийца, это многое объясняет – например, отсутствие следов чужой ДНК в машине Ханны.

Бритва Оккама. Согласно этому принципу самое простое из возможных объяснений обычно и является верным. У нас в участке он зовется «Бритвой Осборна», так как прежний суперинтендант долины Темзы очень часто его упоминал. На Шоре мы тогда заикнулись как раз потому, что его кандидатура казалась самой подходящей.

– В две тысячи пятнадцатом мы сбросили Гардинера со счетов, ведь нашлись свидетели, заметившие Ханну в Уиттенхэм-Клампе, да и временные показатели не совпадали. Теперь же, когда нам известно, что Ханна не уезжала из Оксфорда, придется заново составлять шкалу времени.

Я показываю на листок с хронометражем действий, который Бакстер прикрепил к доске.

– У Гардинера железное алиби начиная с семи пятидесяти семи утра, в это время его поезд выехал из Оксфорда. А что до этого? А в предыдущий день?

– Подождите. – Куинн показывает на первую пометку на временной шкале. – Ханна точно была жива в шесть пятьдесят, она же оставила голосовое сообщение...

– Ты его слушал?

– Нет, но...

– А я слушал. Несколько раз, снова и снова. Мы включали запись ее друзьям – качество так себе, однако все они узнали голос Ханны. Но вдруг это не она? Что, если Бет Дайер все это время была права и в деле замешана некая не известная нам женщина, обеспечившая Гардинеру алиби?

Похоже, мало кто готов в это поверить, и все же я настаиваю.

– Давайте просто еще раз проверим, вот и всё. За два года программы по распознаванию речи серьезно усовершенствовались. Да, и еще надо поговорить с Пиппой Уокер. Вдруг она заметит что-нибудь необычное, послушав сообщение снова.

– Стоит попробовать, – соглашается Гислингхэм. – Тем более что она поссорилась с Гардинером.

Я бросаю на Гиса вопросительный взгляд, а тот кивает в сторону Куинна.

– Сегодня днем я заходил к Гардинеру и застал ее там, – смутившись, отвечает сержант. – Они с Гардинером из-за чего-то разругались, и он выставил ее на улицу. На запыстье у Пиппы был синяк. Утверждает, что это

Роб.

– Отлично, приводите няню сюда, пусть все расскажет. Полагаю, ты в курсе, где ее найти?

Куинн открывает рот, но ничего не произносит.

– Тем временем проверим прошлое Гардинера, вдруг были какие-нибудь случаи жестокости. Свяжитесь с его бывшей женой...

– Пробовал, – говорит Бакстер. – Она не перезванивает. Констебли ходили к ней домой, дверь никто не открыл.

– Тогда отследите подружек, однокурсников – как будто не знаете, как это делается!

Я опять смотрю на шкалу времени.

– Если убрать этот звонок в шесть пятьдесят, все алиби Гардинера разваливается. Он запросто мог убить Ханну двадцать третьего, закопать той же ночью, а потом рано утром отвезти ее машину в Уиттенхэм и успеть на поезд.

– Как же он вернулся обратно? – недоумевает Куинн.

– У него есть велосипед, – не глядя на сержанта, отвечает Сомер. – Складной такой. На записи с камер на вокзале Рединга видно, что Гардинер брал его с собой. До Уиттенхэма всего десять миль. Можно доехать минут за сорок, да?

– А как же мальчик? – спрашивает кто-то. – Хотите сказать, Гардинер просто бросил там сына в надежде на то, что его найдут прохожие? Неужели он мог поступить так со своим ребенком?

Хороший вопрос.

– Согласен, звучит маловероятно. Однако не забывайте: изначально интервью в Уиттенхэме было назначено на более раннее время. Роб не знал, что Джервис задерживается, и, возможно, предположил, что мальчишку обнаружат намного быстрее.

– Получается, к тому времени он уже избавился от мобильника Ханны.

– Вполне вероятно.

– Каким же чертовым психом надо быть, – бормочет Гислингхэм, – чтобы поступить так с малышом.

– В чем и дело, – говорю я. – Может, Гардинер как раз и хочет заставить нас думать, будто только ненормальный бросит вот так своего сына. В любом случае не стоит сбрасывать со счетов ни одну ниточку, пока не убедимся, что она ведет в никуда. Клише, скажете вы? Да, но в основе каждого клише лежит...

– *Истина*, – в один голос произносят все собравшиеся. Они это уже слышали. Все, кроме Сомер, которая вдруг улыбается, но затем делает вид,

что пишет что-то в блокноте. У нее прекрасная улыбка, озаряющая все лицо.

– Но что насчет тела, сэр? – не унимается Бакстер. – Если Ханну убил Роб, как она оказалась в сарае Харпера?

– Их участки граничат, а ограждение между двумя садиками довольно хлипкое – пролезть к соседу не проблема.

– И все-таки немного притянута за уши, босс, – вставляет Эверетт. – Роб Гардинер закапывает тело жены в сарае именно у того дома, в подвале которого мы находим девушку... Разве бывают такие совпадения?

Я бросаю взгляд на Бакстера, хотя тот прикидывается, будто ничего не заметил.

– В твоих словах есть смысл, Эв. Ты права, в совпадения я не верю. Обычно не верю. Но если отбросить такую возможность, получится, что мы просто подстраиваем улики в общую картину, лишь бы она складывалась. Не знаю, заметила ли ты: чем глубже мы копаем, тем больше различий обнаруживается в этих двух преступлениях. Так давайте и расследовать их независимо друг от друга. Хотя бы какое-то время.

Люди встают, шурша бумагами, и я подзываю Эверетт.

– Можешь поискать что-нибудь по Вики исходя из записей в ее дневнике? Вдруг установим личность.

– Информации так мало, босс...

– Она искала новую квартиру и переехала в город совсем недавно. Узнай в центре занятости, числилась ли у них года два-три назад какая-нибудь Вики, которая затем резко пропала. В агентствах по аренде тоже поспрашивай.

Эверетт сомневается, что эта затея даст результат, но, как и подобает профессионалу, говорит:

– Хорошо, босс. Я попробую.

– В чем дело? – спрашиваю я. Она явно хотела что-то добавить и промолчала.

– Помните, как бурно отреагировала Вики, когда вы предложили поместить ее фото в газеты? Не знаете почему?

– Понятия не имею, – качаю я головой.

* * *

Когда муж приходит с работы, Джанет Гислингхэм спит на диване. Она просыпается, идет глянуть, как там сын, и только тогда понимает, что супруг уже дома. Уютно устроившийся среди бело-синих одеял, Билли спит в своей бело-синей комнате в окружении мягких игрушек и кучи

нераспакованной одежды на вырост, которой хватит на год вперед. Джанет купила или взяла у друзей все, что только может понадобится малышу. Над колыбелькой висит подарок от брата Гислингхэма, безумного футбольного фаната, – для своего первого племянника он сделал подвеску с фигурками знаменитых игроков «Челси». Дрогба, Баллак, Терри и Лэмпард медленно покачиваются в теплом воздухе.

Гислингхэм стоит у колыбели, затем наклоняется и осторожно поглаживает шелковистые волосы Билли. От прикосновения папиной руки малыш слегка ерзает, издавая во сне какие-то звуки, сжимает и разжимает кулачки. На лице Гислингхэма отражается мучительная, словно чувство потери, любовь.

– Крис? – зовет его Джанет, все еще держа руку на двери. – Все хорошо?

Он не отвечает, даже не двигается с места. Не считая крохотного попискивания ребенка, в комнате совершенно тихо. Может, супруг вообще ее не услышал?

– Крис? Ты в порядке? – немного громче спрашивает она.

Гислингхэм дергается и смотрит в сторону жены.

– Конечно, – со своей типичной улыбкой отвечает он. – А как же иначе.

Однако когда подходит к Джанет и прижимает к себе, щекой она чувствует что-то мокрое – его слезы.

* * *

Домой я прихожу после девяти. Целый час просидел с Уолшем, но он твердит одно и то же: в подвал не спускался, ни про Ханну, ни про Вики ничего не знает, статуэтки из дома не крал. Наличие отпечатков объясняет лишь тем, что много лет назад помогал Харперу разобраться в хламе – наверное, это как раз те самые коробки внизу. В общем, патовая ситуация. На ночь оставили его в камере предварительного заключения, однако утром придется выпустить, если не найдется улики поубедительнее.

* * *

На этой работе учишься сталкиваться с неожиданностями. Замечаешь самые мелкие детали. Однако, когда в четверть десятого я открываю входную дверь, перемены сами бросаются в глаза – тут и детективом быть не надо. В высокой стеклянной вазе, которую я не видел уже несколько месяцев, стоят лилии. Тихонько играет песня Брайана Ферри. И, что самое паразитическое, пахнет готовящейся едой.

– Эй? Ты где? – зову я, бросив сумку в прихожей.

Алекс появляется из кухни и вытирает руки о полотенце.

– Будет готово минут через десять, – с улыбкой говорит она.

– Не стоило так долго ждать. Я бы просто разогрел себе пиццу в микроволновке.

– Я хотела дождаться. Для разнообразия решила что-нибудь приготовить. Вино будешь?

На плите кастрюлька с рагу. Испанский рецепт, раньше Алекс часто такое готовила. Напоминало нам о выходных в Валенсии. Она наливает мерло и подает мне, сама держит в руке еще один бокал. Из подаренного на свадьбу набора осталось всего несколько штук.

– Как прошел день?

Это тоже что-то новенькое. Алекс не любительница «легкой» болтовни за ужином. Я делаю глоток, вино сразу ударяет в голову. Кажется, я сегодня не обедал.

– Ужасно. Похоже, это племянник Харпера похитил и держал взаперти Вики. Мы нашли дневник, в котором она описывает все, что с ней происходило. Не представляю, как она пережила этот кошмар.

Алекс кивает. Строго говоря, я не вправе делиться с супругой такими подробностями, но в нашем доме не бывает строгостей в разговоре. Как и пустой болтовни.

– Я так и думала. А что насчет Ханны?

– Тоже ничего хорошего. Ее лучшая подруга сообщила, что, возможно, Роб избивал ее. Он снова под подозрением.

Алекс мрачнеет. Как и я.

Она возвращается к кастрюле. Чеснок, орегано, немного анчоусов. В животе урчит. И вот я стою рядом со своей женой и думаю, сказать ли ей? Сказать ли, что Вики написала про мальчика? Сказать ли, что Алекс была права, а я ошибался? Ведь малыша ненавидела и, вероятно, до сих пор ненавидит собственная мать. С самого рождения он провел в заключении рядом с человеком, который даже видеть его не хотел. А если скажу, не станет ли хуже? Вдруг тогда она еще сильнее захочет дарить этому бедняжке любовь, которую, по мнению Алекс, заслуживает каждый ребенок, любовь, которая переполняет ее, но не имеет выхода?

– Можешь пока сходить наверх, – говорит она, возясь с рагу. – Еще не готово.

– Да ладно, я не буду переодеваться.

– Я не об этом. Подумала, ты захочешь поведать мальчика.

Я знал, что он здесь, прекрасно знал. Еда, музыка, улыбка, цветы – все это из-за него. Но знать – это одно, а подняться, увидеть его...

– Не волнуйся, он крепко спит, – добавляет Алекс, неверно истолковав мое замешательство. Может, даже намеренно. – Уснул мгновенно. Наверное, жутко устал.

Она оборачивается и смотрит на меня. Это проверка. А я никогда не подвожу Алекс.

* * *

Хотя еще не очень темно, в комнате горит подсветка, дверь открыта. Я медленно захожу и вижу на подушке его голову. Темные кудряшки, плюшевый медведь, которого обожал Джейк в таком же возрасте. Зажав потрепанную игрушку в одной руке, малыш свернулся в клубок, будто мышка. Я прислушиваюсь к его дыханию, как когда-то делал, заглядывая к Джейку. И стою на том же самом месте.

* * *

Куинн берет трубку на шестом гудке.

– Это я, – говорит Сомер. – Ты в машине? Слышно шум дороги.

– Чего тебе?

– Хочу поговорить. Разобраться во всем.

– Не о чем говорить. Все шло нормально, но знаешь, что говорят про собаку, которая гадит у собственного порога?

– Я ничего такого...

– Ну да, конечно.

– Давай хотя бы вести себя профессионально, – предлагает Сомер. – Ты по-прежнему занимаешься этим расследованием, и я тоже в нем участвую.

– *Участвуешь?* Да ты, я смотрю, чертовски хорошо перетягиваешь его на себя.

– Да ладно, хватит тебе...

– Знаешь что? Мне насрать. Я хочу лишь одного – засадить за решетку этого гребаного ублюдка Уолша. Там ему и место. Хочешь помочь – отлично. А если просто пытаешься выстроить себе паршивую карьерушку, то отвали на хрен.

Куинн протягивает руку и с силой тыкает в кнопку отключения. Через пять минут подъезжает к роскошному дому, оставляет машину на подземной парковке. Его квартира на верхнем этаже, откуда открывается потрясающий вид – риелтор ничуть не преувеличивал. Солнце как раз садится за горизонт, небо окрашено в молочно-розовый цвет. На балконе, выходящем в сторону канала и лугов Порт-Медоу, стоит Пиппа с фужером для шампанского в руке. Услышав щелчок двери, она поворачивается

и подходит к Гарету. На ней ночная рубашка, волосы мокрые.

– Значит, ничего не нашла? – спрашивает он, стараясь скрыть нотки подозрения в голосе.

Пиппа качает головой.

– Я оставил тебе кучу разных номеров; по всем звонила?

Она пожимает плечами: видимо, эта задача не показалась ей первостепенной.

– Это же Оксфорд. Тут вечно все забито.

– Слушай, я просто хотел сказать, что здесь тебе нельзя оставаться... Запрещено правилами и все такое...

– Потрясающее местечко! – перебивает она, обводя рукой комнату. – Как же *просторно*...

Куинн бросает пиджак на спинку дивана.

– Ну, вообще-то квартира не очень большая.

И комнаты для гостей тоже нет, хотя вслух он об этом не говорит. Тем более Пиппа и так понимает, что у него на уме.

– Чуть позже позвоню друзьям. Обязательно что-нибудь найдется. Не хочу надоедать, ведь ты был так добр ко мне. – Пиппа подсакивает к бутылке, наливает вина и подает ему бокал. – Это всего лишь кава^[15], купила в маленьком винном магазинчике на Уолтон-стрит. Но оно все равно вроде шампанского, правда? – Снова подходит к окну. – Давно ты тут живешь?

– Да года полтора, может.

– Совсем один?

Глупый вопрос: она провела здесь несколько часов и наверняка облазила все шкафы и ящики.

Куинн ставит бокал на кофейный столик.

– Давай-ка ты переоденешься, а я пока займусь ужином.

– Ты будешь *готовить*? – удивляется Пиппа.

– Еще чего, – с ухмылкой отвечает Куинн. – Закажу чертову доставку.

И они вдруг смеются в один голос.

* * *

Утром выхожу из дома рано, еще до того, как проснется Алекс. Не уверен, что готов к совместному завтраку. Скажете, я трус? Пожалуй, так и есть. Новая яркая коробочка кукурузных хлопьев на кухонном столе уже меня напугала.

По пути к парковке звонит телефон – это Чаллоу.

– Хочу реабилитироваться в глазах Управления.

– ДНК?

– Будет сегодня днем.

– Слава богу.

– А еще высылаю дополнительные анализы отпечатков пальцев с Фрэмpton-роуд.

– И что там?

– Почти все, ясное дело, принадлежат Харперу. На верхнем этаже следов почти нет, но ведь туда мало кто ходил в последнее время. Зато пальчики Уолша обнаружались на перилах первого лестничного пролета. Не знаю, важно это для вас или нет. А витринный шкафчик начисто вытерт. И это еще не самое интересное.

– Что еще?

– Следы стерли не только со шкафчика, но и с журналов. На коробке полно отпечатков Харпера и Дерека Росса, а вот на порнушке – ничего. Лично мне это кажется очень странным. Что думаешь?

* * *

Проснувшись, Куинн понимает, что уже опаздывает. Шея затекла. Он потирает глаза основанием ладони и встает; на лоб давит головная боль. Накинув халат, Гарет идет в гостиную. Жирная коробка из-под пиццы, недоеденный кусок чесночного хлеба, две пустые винные бутылки. В душе льется вода. Он подходит к двери ванной и стучит.

– Мне через пятнадцать минут выезжать. Потом вернусь и отвезу тебя в участок, чтобы ты все-таки дала показания.

Ни слова в ответ. Гарет направляется в кухню, включает кофеварку. Похоже, девчонка его опередила: пустая кружка стоит на столе рядом с ее телефоном.

Куинн внимательно смотрит на мобильник и решает воспользоваться шансом.

* * *

Беседа по телефону с Кристин Грэнтем

5 мая 2017 года, 10.32

Беседу провел детектив-констебль Э. Бакстер

Э.Б.: Миссис Грэнтем, мы опрашиваем людей из Университета Бристоля. Вы ведь учились там в конце девяностых?

К.Г.: Все верно.

Э.Б.: И, как мне известно, вы дружили с Робертом Гардинером?

К.Г.: Так вот к чему все это...

Э.Б.: Вы с ним встречались.

К.Г.: Некоторое время, да.

Э.Б.: Каким он был?

К.Г.: Вы же на самом деле другое хотите узнать? Нашли тело его жены и вдруг задаете о нем вопросы... Не похоже на совпадение.

Э.Б.: Просто пытаемся составить полную картину, миссис Грэнтем. Заполнить пробелы.

К.Г.: Что ж, «пробелы» – самое подходящее слово, если вести речь о Робе. Мне всегда казалось, что он что-то утаивает. Он был очень скрытным человеком. Таким, наверное, и остался.

Э.Б.: Его поведение когда-нибудь тревожило вас?

К.Г.: Хотите узнать, бил ли он меня? Нет, он очень заботлив. При этом не терпит дураков и всегда отстаивает собственное мнение, из-за чего может показаться немного резким. Сам он этого, честно говоря, даже не замечает.

Э.Б.: Вам что-нибудь известно о его прошлом?

К.Г.: Родом он из Норфолка. Семья не особо зажиточная. Ему пришлось много работать, чтобы чего-то добиться в жизни. Думаю, в этом и корень его излишней эмоциональности.

Э.Б.: Вы были знакомы с Ханной?

К.Г.: Нет, мы не поддерживали связь.

Э.Б.: А почему вы расстались?

К.Г.: [Пауза] Не уверена, что желаю затрагивать эту тему.

Э.Б.: Мы расследуем убийство, миссис Грэнтем...

К.Г.: [Пауза] В общем, я хотела семью...

Э.Б.: А он не хотел?

К.Г.: Дело не в этом. Просто Роб не может иметь детей, хоть и мечтал завести их.

* * *

– Так вы ее не узнаете?

Эверетт приехала в службу занятости в центре города. Диваны, компьютерные терминалы, письменные столы, которые изо всех сил пытаются не походить на самих себя. Яркие желто-зеленые панели перемежаются снимками улыбающихся моделей с невероятно красивыми зубами и жизнерадостными надписями типа «Спешу помочь» и «Готова к работе». Все это создает довольно тягостный контраст с людьми, которые апатично передвигаются по офису – по их виду не скажешь, что они

спешат кому-то помочь. Сидящая перед Эверетт женщина кажется совсем обессиленной.

Она еще раз смотрит на снимок и, качая головой, возвращает Верити ее телефон.

– Их так много, все время приходят и уходят... Я и через три недели не узнала бы ее, не говоря уже о трех годах.

– А если проверить в базе девушек по имени Вики или Виктория, которые записались, скажем, с января четырнадцатого года и позже?

– Это можно.

К экрану компьютера прилеплен потертый кусок картона, на котором написано: «Не надо работать, чтобы сойти здесь с ума, но это помогает». Еще на столе красуется синеволосый игрушечный тролль с глазами-бусинками. Эверетт не видела таких со школы.

Женщина стучит по клавиатуре, затем подается вперед.

– В январе две тысячи четырнадцатого есть одна Вики и три Виктории. Вики все еще числится на бирже труда, а все Виктории нашли работу: одна – в кафе «Нандос», вторая – в университете Оксфорд Брукс, третья – в клининговой компании. Правда, долго они не продержатся. Трудиться по-настоящему никто не хочет.

– Могла ли наша Вики искать через вас работу и не попасть при этом в список?

Женщина качает головой:

– Нет, все данные заносят в базу.

– А если под другим именем?

– Сомневаюсь. Мы требуем как минимум два документа – паспорт, права, ну все такое...

Эверетт вздыхает. Как можно не оставить ни следа в современном цифровом мире?

* * *

Куинн взлетает по последним ступенькам, ведущим к его квартире, и распахивает дверь.

– Пиппа? Ты здесь?

В ответ он слышит лишь эхо собственного голоса. Застывшие остатки вчерашнего ужина так и стоят на столе, но чемоданы и сумки исчезли. О недавнем присутствии Пиппы напоминают лишь черные кружевные трусики, свисающие с уголка широкоэкранный телевизора.

– Вот черт, – ругается Куинн вслух. – Черт, черт, черт...

* * *

Глядя на лицо Бакстера, я первым делом думаю о том, что никогда не видел его таким оживленным.

– Извините за беспокойство, босс, но я только что говорил по телефону с Кристин Грэнтем, университетской подружкой Роба Гардинера.

– И что там?

– Он скрыл от нас кое-что очень серьезное.

* * *

В Банбери местная команда криминалистов работает на Лингфилд-роуд. На поиски уходит больше часа, но они все-таки обнаруживают пропавшие нэцке – завернутые в полотенце фигурки были спрятаны под половицей. Офицер, складывающая их в пакетики для улик и подписывающая этикетки, присматривается к одной из статуэток. Это выдра с крошечной рыбой, зажатой в зубах. Вода на шкурке животного прямо как настоящая.

– И стоило устраивать переполох из-за каких-то маленьких фигурок? – спрашивает она у Сомер.

– Еще как стоило. Наверное, Уолш спрятал их, как только увидел Харпера в новостях, – понял, что скоро мы выйдем и на него.

Женщина удивленно поднимает брови.

– Я бы вот не подумала... На вид обычное барахло, как из упаковок с хлопьями. – Она ухмыляется и запечатывает пакет. – Вы-то, молодежь, пожалуй, и не помните такого.

– Вообще-то помню, – с улыбкой отвечает Сомер.

– Ну, все готово. Попрошу, чтобы их сфотографировали.

– Спасибо. Отправим снимки страховой компании и сможем доказать, что это именно те самые статуэтки.

На лестнице слышны шаги; появляется Гислингхэм с одним из криминалистов. Вместе они несут обмотанный пленкой компьютер.

– Есть что-нибудь? – спрашивает Сомер.

– Мы прошерстили верхний этаж и чердак – ничего, – с недовольным выражением лица отвечает Гислингхэм. – Комп даже не запаролен, но в нем ни сомнительных фотографий, ни порносайтов в истории браузера. Если он и вправду педофил, то как-то странно это проявляет.

– Других устройств не нашли – ноутбук, планшет?

Крис качает головой:

– Судя по состоянию этого аппарата, Уолш не особый поклонник гаджетов. Ты глянь, этой машине, наверное, лет пятнадцать. Ребята проверят на всякий случай, хотя мне кажется, тупик...

* * *

Два часа спустя, уже в школе, Сомер начинает думать, что весь сегодняшний день – один большой тупик. Тупик в виде гигантской кирпичной стены. Она сидит в кабинете школьного секретаря и, глядя, как женщина пытается справиться с компьютером, в котором ничего не понимает, не в первый раз задается вопросом: «Почему сотрудники школ и клиник будто сошли со страниц учебника психологии, раздел о пассивно-агрессивном поведении?» Работа делает их такими или нужно изначально иметь определенный склад характера, чтобы захотеть здесь трудиться? Секретарь из школы, где раньше работала Сомер, выглядела точь-в-точь как эта женщина. Те же непослушные волосы, та же блузка, юбка и кардиган несочетающихся оттенков синего, те же очки на цепочке.

– Какая там дата, напомните? – спрашивает секретарь, стуча по клавиатуре.

– Двадцать четвертое июня две тысячи пятнадцатого года, – в третий раз повторяет Сомер, не переставая улыбаться, хотя челюсть уже немного сводит.

Женщина смотрит на монитор поверх очков.

– А, вот оно. Согласно расписанию, у мистера Уолша был сдвоенный урок с третьим классом.

– И во сколько он начинался?

– В десять тридцать.

– А до этого ничего?

Женщина переводит взгляд на Сомер.

– Нет. Как я и сказала, только сдвоенный урок. И всё.

– В тот день он точно был в школе? Не отлучался, не болел?

Секретарь шумно вздыхает.

– Придется проверить записи о пропусках.

Сомер снова улыбается. Еще шире.

– Если вам не трудно.

Опять стук клавиатуры, потом звонит телефон. Женщина берет трубку. Сомер старается держать себя в руках, слушая, как та отвечает на чьи-то бесконечные вопросы по поводу поступления в школу. В этот момент открывается дверь директорского кабинета. Иногда полицейская форма бывает кстати.

– Чем могу служить? – спрашивает появившийся из кабинета мужчина. – Я Ричард Гир, директор школы. – Заметив улыбку Сомер (на этот раз искреннюю), он тоже улыбается и добавляет: – Нет, мы с ним не родственники^[16]. Родители, пожалуй, даже не подозревали о совпадении. Я уверяю себя, что имя помогает заработать авторитет

у школьников, хотя вряд ли. Нынешние ученики о таком актере, наверное, и не слышали. Вот если б меня звали Том Хиддлстон... но, чтобы закосить под него, мне для начала надо скинуть десяток лет.

– Констебль Эрика Сомер, – представляется она, пожимая ему руку. – Мисс Чапман помогает мне найти кое-какую информацию.

– О ком?

– Об одном из ваших учителей, Дональде Уолше.

– Позвольте узнать, чем он вас заинтересовал? У него какие-то проблемы?

Секретарь все еще говорит по телефону, пытаюсь подать какой-то знак директору.

– Мы можем зайти к вам в кабинет?

Помещение выглядит на удивление современным для школы, которая изо всех сил старается показать свою традиционность. Светло-серые стены, белые пионы в вазе, стол из темного дерева и стали.

– Нравится? – спрашивает Гир, заметив, как оглядывается Сомер. – Подарок от партнера.

– У нее хороший вкус, – говорит Сомер, присаживаясь. Гир тоже садится.

– Вообще-то это он, но все верно, у Хэмиша отличный вкус. Итак, чем я могу вам помочь?

– Уверена, вы слышали в новостях про девушку и ребенка, обнаруженных в подвале дома в Оксфорде?

– И как эта история связана с Дональдом Уолшем? – Директор хмурится.

– Дом, в котором их нашли, принадлежит дяде мистера Уолша. Точнее говоря, мужу его тети. Они не кровные родственники.

Гир складывает вместе подушечки пальцев.

– И что?

– Мы пытаемся установить, кто и когда посещал этот дом. Я просила мисс Чапман проверить одну дату в две тысячи пятнадцатом году – надо узнать, был ли мистер Уолш в тот день в школе.

– То есть девушка провела в подвале так много времени?

Сомер немного медлит, и Гир успевает это заметить.

– Мы не уверены, – отвечает она.

– Признаюсь, я никак не могу понять, – с тем же хмурым видом продолжает директор. – Что даст вам точная дата, если вы не знаете, когда именно пропала девушка?

Сомер едва заметно краснеет.

– В тот день пропала Ханна Гардинер – возможно, вы о ней слышали. Мы считаем, что между этими делами есть связь. А если нет, нужно исключить такую возможность.

– И вы считаете, что эти дела связывает Дональд Уолш?

– Боюсь, что так.

Гир молчит. Видно, что он размышляет.

– Естественно, мы не хотим, чтобы информация о наших догадках стала общедоступной.

– Конечно. – Он машет рукой. – Я понимаю. Просто стараюсь соотнести ваши слова с тем Дональдом Уолшем, которого знаю я.

– И какой же он по-вашему?

– Усердный, трудолюбивый. Слегка надоедливый, если честно. Иногда слишком бурно на что-то реагирует, отчего кажется недружелюбным.

Сомер кивает. Может, причина недружелюбного отношения Уолша к директору кроется в сексуальной ориентации Гира?

– И если вам вдруг интересно, – добавляет он, – я ни от кого не скрываю, что я гей. Ни от сотрудников, ни от родителей. – Вдруг подается вперед с серьезным выражением лица. – Послушайте, констебль Сомер... Эрика, я занимаю эту должность всего девять месяцев, и в планах у меня много перемен. Школа смахивает на пыльный музейный экспонат, но так продолжаться не будет. Никаких старинных кожаных кресел в учительской. Посмотрите на мой кабинет, – показывает он рукой. – Вот такой я хочу видеть школу. Поэтому именно сюда первым делом привожу родителей будущих учеников, прежде чем показать остальные помещения.

– Да, их тоже нужно сменить.

– Учителей?

– Кресла, – улыбается Сомер.

– Они на очереди. Но и в штате сотрудников тоже, вероятно, грядут перемены, – более серьезным тоном говорит Гир.

Не удержавшись, Эрика глядит на дверь, а потом ловит ироничный взгляд директора.

– Мисс Чапман и так собирается уйти на пенсию в конце четверти. Перемены стоит вводить понемногу, правильно? Полагаю, некоторые учителя покинут школу добровольно. Не все разделяют мое мнение о том, в каком направлении должна двигаться школа.

– Среди них и Уолш?

– Скажем так: я подозреваю, что он уже давно ушел бы, жди его кто-нибудь в другом месте. Или будь у него достаточно денег.

– Как раз об этом я и собиралась вас спросить – или намекнуть. Как

известно, мистер Уолш сменил три места работы за последние десять лет. У вас он трудится дольше всего. Можете ли вы сказать, почему он ушел из первых двух школ?

Гир хмурит лоб:

– Не уверен, что вправе раскрывать личную информацию...

– К расследованию убийства это не относится, сэр. Можете сами проверить, я не против. Честно сказать, мистер Уолш только выиграет от того, что мы получим полную картину. Если он непричастен к делу, то чем быстрее это выяснится, тем лучше. Думаю, вы понимаете, о чем я.

Директор молчит.

– Особенно важно узнать, не было ли каких-либо упоминаний о сексуальных домогательствах по отношению к молодым женщинам или...

– Детям? – Гир качает головой. – Ничего подобного. Я промолчал лишь потому, что пытался сформулировать мысль, вот и все. Дональд Уолш – человек сложный. Временами чуть резкий. Иногда я думаю: зачем он вообще стал учителем? Он ведь явно недолюбливает детей. Забавно, что ребята просто считают его саркастичным и поэтому держатся настороженно. Уолш старается наладить с ними связь, но он не привык работать в команде. Он не «коллегиален». Это, кстати, типичное словечко из лексикона Дональда Уолша. Я бы сказал – не «дружелюбен».

Раздается стук в дверь.

– Мистер Гир, к вам пришли, – сообщает секретарь, просунув голову в кабинет.

Сомер встает, пожимает руку директору.

– Спасибо. Если вдруг вспомните что-то важное, свяжитесь с нами.

* * *

Гислингхэм ждет на парковке. Компьютер из кабинета Уолша грузят в фургон криминалистов.

– Я пообщался с учителями, – говорит Крис, когда Сомер садится в машину и закрывает дверцу. – Уолша не любят, однако ни в чем аморальном не подозревают.

– Ричард Гир сказал примерно то же самое.

– Ричард Гир? – изумляется Гис. – *Серьезно?*

Сомер качает головой:

– Бедняга... Представляю, как его достали эти шуточки.

– Так он и вправду настоящий? – спрашивает Гислингхэм, пристегивая ремень.

– Настоящий кто?

– Ну, «Офицер и джентльмен»^[17], – ухмыляется он.

– Ты даже не представляешь, – с улыбкой отвечает Эрика.

* * *

Шторы на первом этаже дома № 81 по Кресент-сквер не задернуты. Видно, как расхаживает по комнате Роберт Гардинер, говоря по телефону. В какой-то момент он резко наклоняется и усаживает сына на плечи. Еще немного понаблюдав, Куинн выходит из машины и пересекает улицу.

– Детектив-сержант Куинн, – представляется он, когда Гардинер открывает дверь.

– Чего вам? – хмурится хозяин дома. – Что-то важное? Вы кого-то арестовали?

– По поводу убийства пока ничего. Я насчет вашей няни. Кажется, ее зовут Пиппа?

Гардинер прищуривается.

– Да, и что?

– Вы знаете, где она сейчас?

– Понятия не имею.

– Тогда можете дать мне ее номер? Он наверняка записан у вас в мобильном...

– Был записан, но я его удалил. Наизусть не помню, уж извините.

– Адрес ее родных знаете?

– Неа.

– *Серьезно?* – не скрывает своих сомнений Куинн. – Она сидела с вашим ребенком – разве вы не проверяли ее, не требовали рекомендации?

– Ее наняла Ханна, а не я. Они познакомились на фермерском рынке на Норт-Пэрейд. В лавке с гончарными изделиями или крафтовым кофе, что-то вроде того. В общем, потом они пару раз ходили куда-то вместе, и Пиппа сказала, что училась на курсах нянь, но ушла – не хватило денег. Ханна пожалела ее, решила дать шанс. Она всегда была такой. Видела в людях только хорошее. – Гардинер смотрит на Куинна с неприкрытой враждебностью. – Так что вам от нее нужно?

– Не важно, – говорит Куинн.

* * *

Эверетт закрывает машину и идет по Иффли-роуд. Если Вики снимала комнату, то отсюда и стоит начать. У нее есть список сдаваемых в аренду квартир, и узнать что-то можно лишь одним способом – стучать в двери

и спрашивать. Правда, Эверетт кажется, что вся эта затея смахивает на поиск иголки в стоге сена размером с город.

Верити смотрит на карту: первый дом в списке находится через дорогу. На улице в кучу свалены велосипеды, палисадник утыкан мусорными корзинами на колесиках. Она звонит в звонок и ждет.

– Детектив-констебль Верити Эверетт, – показывает она удостоверение, когда открывают дверь. – Могу я задать вам пару вопросов?

* * *

*Допрос Роберта Гардинера, произведенный
в полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд
5 мая 2017 года, 14.44*

*Присутствуют: инспектор А. Фаули,
детектив-констебль Э. Бакстер, П. Роуз (адвокат)*

А.Ф.: Мистер Гардинер, спасибо, что нашли время, и извините за такой внезапный вызов. Мы хотели поговорить с вами, так как появились еще кое-какие вопросы, связанные со смертью вашей жены.

Р.Г.: [Молчание]

А.Ф.: Мистер Гардинер?

Р.Г.: Интересно, что же вы скажете. Вы задавали мне сотни вопросов, на которые я отвечал сотни раз. И ответы не изменятся. Но вперед, валяйте.

А.Ф.: Как вам известно, мы выстроили шкалу времени для событий того дня, основываясь на факте, что несколько свидетелей утром видели вашу супругу в Уиттенхэме. Теперь мы в курсе, что они ошибались, а это значит, что нам придется заново опросить людей и узнать, где они находились. И вас в том числе.

Р.Г.: Так вот оно что, да? Хотите повесить всё на меня? А как же тот старик – как там его, Харпер, что ли?

А.Ф.: Мы вскоре предъявим обвинения в связи с удержанием молодой женщины и ребенка в заключении в подвале дома № 33 по Фрэмpton-роуд. Однако улики пока не дают возможности связать это дело со смертью вашей жены.

Р.Г.: Поэтому в отсутствие других подозреваемых вы решили снова наброситься на меня? Как и в тот раз?

А.Ф.: В свете новой информации, мистер Гардинер...

Р.Г.: То есть вы серьезно считаете, что это я убил Ханну? Убил ее и бросил собственного сына?

А.Ф.: Я этого не говорил.

Р.Г.: И так, черт возьми, понятно, на что вы намекаете.

А.Ф.: Послушайте, мы просто пытаемся выяснить, что произошло. И нам нужна ваша помощь. Содействие с вашей стороны.

П.Р.: Мой клиент настроен сотрудничать любым разумным способом. Я правильно понимаю, что вы допрашиваете его как свидетеля, а не как подозреваемого? Права зачитаны не были.

А.Ф.: На данный момент – как свидетеля, все верно. Что ж, давайте заново пройдемся по событиям...

Р.Г.: Да сколько можно?.. Я вышел из дома в 7.15, сел на поезд в 7.57...

А.Ф.: Я не про то утро, мистер Гардинер. Давайте про вечер накануне. Вечер вторника, 23 июня.

Р.Г.: Но вы же знаете, что утром 24-го Ханна была жива. Даже если не верите мне на слово, сообщение-то вы слышали. Какая разница, что случилось вечером перед этим?

А.Ф.: И все же я хотел бы получить ответ на свой вопрос.

Р.Г.: [Вздыхает] Насколько помню, я забрал Тоби из яслей по дороге с работы. Около пяти. Значит, домой пришел к половине шестого. Большая часть дня ушла на переговоры с немецкими инвесторами, так что я был выжат как лимон. Вечер провели дома.

А.Ф.: Кто-нибудь может подтвердить ваши слова?

Р.Г.: Нет. Говорю же, мы были дома вдвоем. Я, Ханна и Тоби.

А.Ф.: Няни с вами не было?

Р.Г.: Нет, она ушла около семи.

А.Ф.: Ваша жена была дома, когда вы вернулись?

Р.Г.: Нет, она приходила не раньше восьми.

А.Ф.: И какой она была в тот вечер?

Р.Г.: В смысле?

А.Ф.: Веселой? Взволнованной? Уставшей?

Р.Г.: Пожалуй, слегка озабоченной из-за интервью, которое предстояло брать на следующий день. От него многое зависело.

Э.Б.: Интервью с Малкольмом Джервисом в Уитенхэме?

Р.Г.: Да, вы же в курсе. Мы сто раз об этом говорили. Ханна много месяцев работала над этой историей. Громкое дело.

А.Ф.: Значит, днем она была на Би-би-си в Саммертауне.

Р.Г.: Да, насколько мне известно.

А.Ф.: Насколько вам известно?

Р.Г.: Слушайте, да в чем дело? Вы что-то недоговариваете?

А.Ф.: Мы просто устанавливаем факты, мистер Гардинер. Она

больше никуда не ездила в тот день?

Р.Г.: Ханна сказала, что была в Саммертауне.

Э.Б.: Когда вернулась, она так вам сказала?

Р.Г.: Да.

Э.Б.: В восемь вечера?

Р.Г.: Да.

А.Ф.: Тогда вы удивитесь, узнав, что Ханна уехала из офиса Би-би-си в 14.45 и больше туда не возвращалась.

Р.Г.: О чем вы? Первый раз такое слышу.

А.Ф.: Как я говорил, прежде у нас не было причин проверять. Теперь они имеются.

Э.Б.: Мы также выяснили, что система распознавания номерных знаков засекла машину вашей жены на Коули-роуд в половине пятого.

Р.Г.: [Молчит]

А.Ф.: Вы не знаете, что она там делала?

Р.Г.: Нет.

А.Ф.: Ханна работала только над одним репортажем?

Р.Г.: О других мне ничего не известно.

А.Ф.: Также в офис вашей жены в тот день поступил звонок с незарегистрированного мобильного. Примерно за час до ее отъезда. Она об этом не говорила?

Р.Г.: Нет, я ведь уже сказал. Да и это мог быть кто угодно, любой зритель, желающий поведать свою историю. Или протестующий из лагеря. У них там у всех такие телефоны.

Э.Б.: Зачем же она поехала в Коули?

Р.Г.: А я-то откуда, блин, знаю?

А.Ф.: Простите, что поднимаю такой вопрос, но Тоби ведь не является вашим родным сыном?

Э.Б.: Один свидетель сообщил, что вы не можете иметь детей...

Р.Г.: Что? Да как вы смеете лезть так глубоко в мою личную жизнь? К делу это не имеет никакого отношения.

А.Ф.: Сомневаюсь, мистер Гардинер. Если не вы отец Тоби, то кто?

Р.Г.: Понятия не имею.

А.Ф.: Жена вам изменила?

Р.Г.: [Смеется] Вы так далеки от истины, что это выглядит даже жалко. Думаете, я избил жену до смерти, потому что узнал, что она изменила мне с кем-то на Коули-роуд и залетела от него? А потом я взял и бросил Тоби в Уиттенхэме, потому что он не мой сын?

Э.Б.: Так у вашей жены был роман с другим?

Р.Г.: Конечно нет, мать вашу. Детей я иметь не могу, это правда. Я никогда не скрывал сей факт, но и на «Фейсбуке» не трепался во всеуслышание.

А.Ф.: Почему вы не сообщили об этом в 2015 году, когда Ханна пропала?

Р.Г.: Потому что а) это никак не связано с ее исчезновением, и б) это не ваше чертовое дело. Обе причины, кстати, до сих пор в силе.

А.Ф.: Значит, Тоби усыновлен?

Р.Г.: Нет, мы воспользовались донорским оплодотворением. У Ханны никаких проблем не было.

А.Ф.: Однако в прежних отношениях у вас это вызывало проблемы?

Р.Г.: Вы что, допрашивали моих бывших девушек? [Обращается к мистеру Роузу.] Разве они имеют на это право?

П.Р.: Что-нибудь еще, инспектор? Полагаю, у мистера Гардинера и так выдался тяжелый день. Он до сих пор пытается осмыслить тот факт, что обнаружено тело его жены – и при каких страшных обстоятельствах...

А.Ф.: Боюсь, мы еще не закончили. На одеяле, в которое было завернуто тело Ханны, мы нашли следы вашей ДНК. Только вашей, ее и Тоби. Никого другого. Как вы это объясните?

Р.Г.: [Молчит]

А.Ф.: Как вы это объясните, мистер Гардинер? У вас вообще было такое одеяло?

Р.Г.: Не знаю.

А.Ф.: Темно-зеленое с красным, в шотландскую клетку, если это освежит вам память.

[Молчание]

Р.Г.: В багажнике Ханна возила одеяло для пикника. Я думал, мы его уже выбросили, хотя, возможно, оно все еще в машине.

Э.Б.: Как оно выглядело?

Р.Г.: Не помню, правда. Темное вроде бы... Может, зеленое.

А.Ф.: Есть еще и отпечатки пальцев на клейкой ленте. Тело вашей жены было запечатано скотчем.

П.Р.: Без этого никак, инспектор? Подобные детали могут встревожить моего клиента.

А.Ф.: Извините, мистер Роуз, но мы вынуждены задать все эти вопросы. На клейкой ленте, мистер Гардинер, найдены отпечатки – большинство из них стерты, а вот один частично совпадает с вашими.

П.Р.: Частично? По скольким параметрам?

А.Ф.: По шести, но, как я сказал...

П.Р.: Господи, да мои отпечатки наверняка тоже совпадут с найденными по шести пунктам. Чтобы чего-то добиться, инспектор, нужно как минимум восемь. И вам это прекрасно известно.

А.Ф.: Мистер Гардинер, вы жестокий человек?

Р.Г.: Что? Вы опять об этом... Нет, я не жестокий.

А.Ф.: Похоже, за несколько недель до исчезновения у вашей жены видели синяк на лице.

Р.Г.: [Смеется] Кто вам такое сказал? Чертова Бет Дайер? Ну да, кто же еще... Она – настоящий возмутитель спокойствия. Даже имечко у нее соответствующее^[18]. Если хотите знать, синяк Ханне поставил Тоби. Случайно ударил по лицу игрушкой. Обычная производственная травма, когда твоя работа – быть родителем маленького ребенка. Будь у кого-то из вас дети, вы бы знали.

Э.Б.: Вчера детектив-сержант Куинн также видел синяк на руке вашей няни.

Р.Г.: Она собирается заявить на меня или что?

Э.Б.: Мы пригласим ее в участок для беседы. Возможно, она захочет подать заявление.

Р.Г.: [Молчит] Я едва коснулся ее. Правда. Она ужасно меня взбесила, вот и всё. [Молчит] Слушайте, она сказала мне, что беременна. Что ребенок от меня. Уверяла, что не спала ни с кем другим. Ну, тут даже вы способны сложить вместе два и два и понять – что-то не складывается.

Э.Б.: Значит, вы встречаетесь с мисс Уокер.

Р.Г.: Ничего я с ней не встречаюсь. [Пауза] Мы переспали. Один раз, понятно? Как будто вы от злости и досады никогда не совершали глупостей, о которых потом сожалели... Нет? Ну надо же.

А.Ф.: То есть, когда она попыталась выдать ребенка за вашего, вы сорвались?

Р. Г.: Я разозлился. Такое бывает не каждый раз.

А.Ф.: Правда? А мне кажется, вы легко заводитесь.

Э.Б.: В 2015-м случилось то же самое? Ханна вас «взбесила»?

Р.Г.: Что за бред...

А.Ф.: Или дело не в этом? Может, что-то случилось с Тоби – по ее, как вам казалось, вине?

Р.Г.: [Молчит] Сейчас я отвечу, а потом пойду домой к сыну, и вы меня не останавливайте, если только не собираетесь арестовать. Последний раз я видел свою жену в 7.15 утра 24 июня 2015 года. Видел живой и здоровой. Я никогда не поднимал на нее руку, и я понятия не имею, кто

убил ее и как ее тело попало на Фрэмpton-роуд. Вам все ясно?

А.Ф.: Предельно ясно.

П.Р.: Благодарю, джентльмены, провожать не нужно.

* * *

Куинн ждет снаружи – он наблюдал за происходящим по видео. Выглядит каким-то дерганым. Для него это нетипично.

– Ну, что думаете? – спрашивает сержант. Вместе мы смотрим в спины Гардинеру и Роузу, уходящим вдаль по коридору.

– Что я думаю? Думаю, он человек злой, настороженный и непредсказуемый. И все же сомневаюсь, что он убийца.

Куинн кивает.

– Я могу представить, как Гардинер убивает жену в порыве злости, но бросить мальчишку?.. Вряд ли.

– Вот именно. Уолш или Харпер вполне могли такое сделать, только не Роб. Правда, из них он единственный знал, куда в тот день направлялась Ханна.

– Вообще-то, босс, – добавляет Бакстер, выходя из кабинета, – я не был бы в этом так уверен. Проверил комплектацию «Мини» – у Ханны имелась система спутниковой навигации. Она могла загрузить маршрут еще с вечера, так что...

Куинн, всплеснув руками, заканчивает за коллегу:

– Кто угодно, сев в машину, мог узнать, что она едет в Уиттенхэм. *Господи...* Опять все начинать сначала.

– Тогда я скорее поставил бы на Уолша, чем на Харпера, – спокойно откликается Бакстер. – У Харпера даже компьютера никогда не было – как бы старик разобрался в новенькой тачке с навигатором?

– Так, – говорю я, – скажи Гислингхэму проверить, есть ли у Уолша спутниковый навигатор. А потом, когда вернется, пусть опросит людей на Коули-роуд – вдруг кто-то узнает Ханну... Конечно, времени прошло много, но попробовать стоит.

– Хорошо. – Куинн уже собирается уходить, но я останавливаю его, хотя обращаюсь при этом к Бакстеру:

– Займешься?

Бакстер кивает и идет дальше по коридору. Оборачиваясь, бросает на меня вопросительный взгляд.

* * *

Как только он скрывается из вида, я говорю Куинну:

– Две вещи. Во-первых, где, черт возьми, Пиппа Уокер? Ты вроде собирался привезти ее сюда?

– Я работаю над этим, – удивленно отвечает Гарет.

– Ну так поторопись. И второе – разберись с Эрикой Сомер. Обычно, Куинн, меня не волнует, чем ты занимаешься и с кем, но сейчас это мешает расследованию. Не заставляй меня повторять дважды.

– Понял. – Странно, но в его голосе слышится что-то вроде облегчения.

* * *

В четыре часа дня Коули-роуд только-только начинает оживать. Здесь полно коробок с экзотическими фруктами. Кто-то подметает улицу перед продуктовой лавкой поляка. Дети с велосипедами, мамы с колясками, растаманы курят, сидя со скрещенными ногами прямо на тротуаре, старушка склонилась над сумкой-тележкой в цветочек, облезлый терьер гуляет сам по себе. Гислингхэм находит камеру, которая считала номерной знак Ханны. Рядом три букмекерские конторы, круглосуточный магазин и штук пять разных ресторанов: словацкий, вегетарианский, ливанский, непальский, вьетнамский. Два года назад их тут наверняка не было. Кроме одного местечка – традиционной семейной мясной лавки, которая не меняет адреса уже лет тридцать. В витрине под старомодным зазубренным навесом теснятся пироги и колбасы, а снаружи стоит еще более старомодная пластиковая фигура мясника в полный рост – он улыбается посетителям, уперев руки в бока. Гислингхэм протискивается к началу очереди, чтобы переговорить с хозяином.

– В чем проблема, дружище? – Обрезая кусок говядины (перевернул – порезал, перевернул – порезал), тот рассматривает документы Гислингхэма.

– Никаких проблем. Я просто хотел узнать, вы не видели эту женщину?

Крис достает снимок Ханны Гардинер, тот самый, который они всем показывали. На фото Ханна где-то в Озерном крае на фоне полей, овец и гор. Она в темно-синей стеганой куртке, длинные темные волосы завязаны в хвост.

– Я ее помню – это та женщина, что пропала?

– Вы видели ее здесь? Когда?

– Нет, прости, друг, – извиняющимся тоном говорит мясник. – Я имел в виду, что помню фотографию. В газетах про нее много писали.

– А тут вы ее точно не замечали? Местная дорожная камера засекла ее машину за день до исчезновения. Ярко-оранжевый «Мини Клабмен», хотя она могла и идти пешком по улице.

– Это ведь было как минимум год назад?

– Даже два. Двадцать третьего июня две тысячи пятнадцатого.

Мужчина сдвигает кусочки жира в сторону и тянется за веревкой.

– Так давно не вспомню, извини.

– Не знаете, что бы ее могло здесь заинтересовать? Она была журналистом.

Мясник пожимает плечами:

– Да что угодно. Не смотрел газеты за ту неделю? «Оксфорд мейл», например... Вдруг что найдется.

«А я-то, черт побери, почему до такого не додумался?» – мысленно ругает себя Гислингхэм.

– Спасибо, приятель, ты мне очень услужил.

– Да не за что. Всегда рад помочь полиции. Колбасок не возьмешь? За счет заведения.

* * *

Отойдя от лавки, Гислингхэм засовывает пакет с фирменными колбасками в карман куртки и звонит Куинну.

– Да, что у тебя?

– Есть одна идея насчет Ханны Гардинер. Возвращаюсь в участок, чтобы проверить.

– Ладно, как скажешь.

Крис хмурится:

– В чем дело? Ты как будто не в себе.

После паузы сержант отвечает:

– Если тебе так хочется знать, то я, похоже, облажался.

Так вот оно что... Это не из-за Эрики. А может, не только из-за нее. Гислингхэм выжидает, чтобы не показаться слишком заинтересованным или злорадным.

– Помнишь Пиппу Уокер? Няньку Гардинера. Ты с ней вроде тоже виделся.

На мгновение Гислингхэм с ужасом представляет, что сейчас скажет Куинн, но он же не мог...

– Только не говори мне, что ты...

– Нет, черт возьми, конечно нет. Дело в другом. Я разрешил ей остаться.

– В каком это смысле?

– Гардинер ее выпер. Идти ей было некуда, вот я и оставил ее у себя.

– В твоей квартире? Боже мой, Куинн...

– Знаю, знаю. Слушай, ничего не было, я клянусь...

– Проблема ведь не в этом? Ты должен выставить ее оттуда – немедленно.

– Она уже ушла. Я заезжал домой, а там уже никого.

– Но в участок-то она придет? Собиралась давать показания...

– Не знаю.

– Как это ты *не знаешь*? У тебя есть ее номер? Позвони.

Куинн вздыхает:

– Звонил – абонент недоступен.

– Охренеть! Просто класс! – злится Гислингхэм. – Теперь мы не знаем, где она, и не можем с ней связаться, а ничего, кроме нее, у нас против Гардинера нет.

Куинн делает глубокий вздох.

– Еще кое-что. Я заглянул в ее телефон, просмотрел сообщения и все такое. Всего на минутку, пока она была в душе...

– Черт, приятель, ну и яму ты себе вырыл... Тебя же могут на хрен уволить из-за этого.

– Я и сам знаю, ясно? – рявкает Гарет. – Он просто... *лежал* на столе... и теперь...

– И что теперь? – нарушает тишину Гис.

– Теперь я *уверен*, что Гардинер лжет. Пиппа отправляла ему сообщения как минимум за неделю до пропажи Ханны.

– Ну и что с того? Она же сидела с его ребенком – наверное, должна была сообщать ему что-то...

– Нет, там сообщения другого рода, Гис. Уж поверь мне.

«Да как тебе верить, если *ты* втянул нас в такое?» – думает Гислингхэм.

– И что теперь делать? Ордер на проверку ее телефона не дадут, даже если найдем правильный номер. Утверждать, что она подозреваемая, мы не можем – если Пиппа и трахалась с Гардинером, у нее имеется железное алиби на утро, в которое пропала Ханна. И выдавать истинную причину нашего интереса к няньке тоже нельзя, иначе ты будешь в полном дерьме.

– Ладно, так ты мне поможешь или нет?

– Как будто у меня есть выбор, – с громким вздохом отвечает Гислингхэм.

* * *

В начале шестого я вместе с Бакстером сижу у техников, которые занимаются распознаванием голоса. Перед нами ряды компьютерных

экранов. И я понятия не имею, как это все работает. Парнишке-аналитику на вид лет пятнадцать.

– Так, – говорит он, – аудио загружено. Давайте послушаем.

24/06/2015 06.50.34

Это я. Мне уже скоро выходить, ты где? Перезвони, ладно?

Слышится приглушенный шум, что-то щелкает, потом звонок завершается. Голос звучит раздраженно, почти сердито. Аналитик включает запись еще раз, и злость Ханна Гардинер отображается на мониторе в форме «холмиков» и «канавок», размер которых зависит от громкости, высоты и интенсивности голоса.

– Проблема в том, что сообщение очень короткое, – говорит мне аналитик, откинувшись на спинку стула. – Всего четырнадцать слов, и звук довольно искаженный. Однако я почистил его, как мог, и сравнил с другими материалами, где голос точно принадлежит Ханне Гардинер. Репортажи с сайта Би-би-си и все такое.

Он выводит на экран еще несколько волновых картин.

– Смотрите, вот эти три – определенно один и тот же человек, тут и невооруженным глазом видно, без всякой аналитики.

Парень подтаскивает картину с волнами из голосового сообщения к остальным примерам речи Ханна.

– А вот ваша запись. Как я и сказал, четырнадцати слов не хватает, чтобы точно сказать: «Это она», но я думаю, так и есть.

– Значит, в шесть пятьдесят Ханна еще была жива и находилась в своей квартире на Кресент-сквер?

– Похоже на то, – аналитик кивает.

* * *

– Куинн, это я, – запыхавшись, говорит Гислингхэм. Слышен шум дороги.

– Где ты?

– Хай-стрит. Ехал из Коули, и вдруг показалось, что увидел Пиппу Уокер. По крайней мере, была чертовски похожа.

Куинн с силой сжимает телефон.

– Где? Где ты ее видел?

– На автобусной остановке у Куинс-лейн. Я сейчас тут, свернул на первом же развороте, но ее уже нет.

– У нее были с собой сумки или чемодан?

– Вроде ничего такого. Только обычный пакет.

– Будем надеяться, что она все еще в Оксфорде.

– Постараюсь достать записи с камер наблюдения. Сможем увидеть, на какой автобус она села.

– Спасибо, дружище. Я твой должник.

– Ага, – утомленно отвечает Гислингхэм. – Знаю.

* * *

Отправлено: Пт 05.05.2017 в 18.05

От: AlanChallowCSI@ThamesValley.police.uk

**Кому: DIAdamFawley@ThamesValley.police.uk,
CID@ThamesValley.police.uk**

Тема: результаты ДНК по Фрэмpton-роуд

Собираюсь набрать тебе, но если вдруг не дозвонюсь, вот основные моменты:

Сарай

Перепроверили ДНК на одеяле, в которое было завернуто тело Ханны Гардинер: ни Дональду Уолшу, ни Уильяму Харперу она не принадлежит. Кроме самой Ханны найдены, как и утверждалось ранее, следы ДНК ее мужа Роберта Гардинера и сына Тоби Гардинера.

Подвал

На постели девушки обнаружилась ДНК двух мужчин: слюна Дональда Уолша, слюна и сперма Уильяма Харпера.

Ребенок

Мы провели тест ДНК по образцам, полученным благодаря соцслужбе, и сравнили их с материалом из пятен крови на кровати ребенка. Мальчик из подвала является сыном Уильяма Харпера.

* * *

Я только зашел в отделение больницы Джона Рэдклиффа, когда поступает звонок от Чаллоу. Медсестра бросает на меня неодобрительный взгляд.

– Телефоны здесь надо отключать, инспектор.

– Знаю, простите. Это очень важно.

На самом деле важно.

– Ты уверен? – переспрашиваю я, глубоко вздохнув. – Никаких сомнений? Хорошо. Я в больнице, попробую поговорить с ней. Может, добьюсь подтверждения.

– Закончили? – с нетерпением говорит медсестра.

– Да. Извините еще раз.

* * *

Не прошло и двух суток с моего последнего посещения, но Вики выглядит заметно лучше. Ей вымыли голову, и теперь она, одетая в джинсы и просторный джемпер, сидит у окна с журналом на коленях. Кажется, будто она снова наладила связь с этим миром. Снова стала обычной девушкой. Я мысленно благодарю того, кто помог привести Вики в порядок, и, поймав взгляд улыбающейся медсестры, понимаю, что это была она.

– Думаю, Вики сегодня намного лучше. Мы даже заставили ее поесть.

Я показываю на стул у кровати.

– Можно посидеть с вами немного, Вики?

Она смотрит на меня, кивает. Я ставлю стул немного ближе к ней и сажусь.

– Вы больше ничего не написали для нас на бумаге?

Она слегка краснеет и отводит глаза.

– Вики все еще не разговаривает, – сообщает медсестра. – Мы считаем, не стоит спешить. Не будем давить на нее.

– Полностью согласен, – обнадеживающим тоном говорю я. – Но у меня появились новые данные от криминалистов, и, если вы не против, я хотел бы задать вам пару вопросов. Хорошо?

Вики глядит на меня, не двигаясь с места.

– Прежде всего нам надо понять, сколько человек на вас напали – один или два. Из результатов ДНК не получается сделать конкретный вывод. Уверен, вы понимаете, как важно, чтобы мы точно всё знали. Так это был один человек, Вики? Можете сказать?

Пару секунд она просто смотрит на меня, ее щеки краснеют. Потом Вики кивает.

Я достаю телефон и нахожу фотографию.

– Это он?

Вики переводит взгляд на снимок и качает головой. Я показываю другое фото.

– Этот?

Ахнув, она прикрывает рот рукой. На глазах выступают слезы.

– Да, – шепчет Вики хриплым после долгого молчания голосом. – Да.

* * *

Куинн, я нашел запись с камеры на остановке. Пиппа села на автобус №5, идущий до Блэкберд-лейз. Рег. номер есть, сможешь найти водителя. Наверняка он ее запомнил.

Спасибо, Гис. Как я и сказал, за мной должок.

Я тут подумал, пятый автобус ведь идет через бизнес-парк – не могла она ехать к Гардинеру?

Стоит проверить. Благодарю, дружище.

* * *

– Итак, что у нас имеется, Адам?

Я в кабинете суперинтенданта Харрисона. В субботу утром. Попасть сюда в выходной день обычно не означает ничего хорошего, но сейчас по шкале от одного до десяти, где десять – это полный разгром, ситуация тянет всего-то на пятерочку. К тому же он и правда должен все знать.

– Вики опознала в Харпере своего похитителя, сэр. Криминалисты подтверждают ее слова.

– А как же ДНК Уолша на постели девушки?

– Он говорил, что пару раз гостил в доме. Если он спал на этом постельном белье, там могла остаться его слюна. Чаллоу сообщил, что такое возможно.

– Значит, Харпер действовал один? Никакого сговора с Уолшем?

– Похоже на то. Вики его не узнала.

– И все-таки речь идет о человеке, который прежде не проявлял жестокость. Думаешь, свою роль сыграла деменция Харпера – а девушке просто не повезло быть похожей на его жену?

Я делаю глубокий вдох. Сначала я был так уверен в том, что это Харпер, а потом дневник Вики переубедил меня, и с тех пор я считал, что несчастный старик оказался лишь игрушкой в руках Дональда Уолша, преследующего свои гнусные цели. Но это не так. Никакая он не жертва.

– Вообще-то, сэр, я думаю, все намного сложнее. Сейчас у Харпера проявляются признаки слабоумия, однако три года назад все было иначе.

В дневнике Вики ничто не указывает на проблемы с умственным состоянием ее похитителя. Полагаю, он прекрасно знал, что делает. И да, сходство Вики с Присциллой тоже повлияло на Харпера, только в другом смысле. Он решил отомстить. Такое вот у него извращенное представление о расплате.

– Разве он не говорил, что боится подвала, потому что оттуда доносятся какие-то звуки?

– Подозреваю, что это как раз следствие прогрессирующей деменции. Он вполне мог забыть, что запер ее там. Поэтому, вероятно, и перестал носить еду и воду.

Харрисон откидывается на спинку стула.

– Никак в голове не укладывается. Уолш казался более подходящей кандидатурой.

– Знаю, сэр. Я тоже так думал.

– Но ДНК не врет. Мальчишка от Харпера.

– Да, сэр.

– Кстати, насчет ДНК – что там с Гардинером?

– Мы допросили его еще раз. Есть частичный отпечаток на клейкой ленте и следы ДНК на одеяле, в которое было завернуто тело, однако для обвинения этого недостаточно. Еще он, возможно, жестоко обращался с их няней. Пытаемся понять, единичный ли это случай.

– *Возможно?* Вы с ней еще не поговорили?

– Нет, сэр. Оказалось, что найти ее не так-то просто.

Харрисон хмурится, а я мысленно ругаю Куинна.

– Но вы не сбрасываете Харпера со счетов в деле Ханны Гардинер? Есть версия, что он совершил *оба* преступления?

– Да, сэр. Эта версия все еще рассматривается.

– А Служба уголовного преследования возбудит против Харпера дело, учитывая его болезнь?

– Не знаю, до этого мы еще не дошли.

– Надеюсь, тем временем он содержится в соответствующем учреждении?

Я киваю.

– В надежной лечебнице близ Банбери. На Фрэмpton-роуд он уже в любом случае не вернется. Дом, скорее всего, продадут.

– Что ж, тогда у полиции долины Темзы будет хоть один довольный клиент.

– В смысле, сэр?

– Я о том богатеньком уроде, что купил вторую часть дома.

* * *

Я начинаю подозревать, что Куинн меня избегает – и точно, вот он, сидит на парковке в своей «Ауди» и ест сэндвич.

Я стучу по стеклу.

– Куинн?

Он опускает окно, спеша прожевать кусок.

– Что такое, босс?

– Ты чего тут делаешь?

– Как чего – обедаю.

Я награждаю его скептическим взглядом, и Гарет из приличия принимает стыдливый вид.

– Пиппу Уокер еще не опрашивал?

– С этим вышла проблемка, босс.

Вот оно что.

– В чем дело?

– Не можем ее найти.

Я в упор смотрю на Куинна, пока он не перестает жевать и не засовывает сэндвич обратно в пакет.

– Знаешь, есть такая штука, называется «мобильный телефон»...

Он краснеет.

– Да, только у нас нет нужного номера. Тот, что она оставила, недоступен. Простите. Сэр.

Куинн зовет меня «сэр» только в том случае, когда знает, что серьезно облажался. Видимо, смирился с судьбой и решил стойко принять удар.

– Она давала показания в пятнадцатом году, должен быть адрес.

– Арундел-стрит. – Он кивает.

– Вот там и начни. Логично, если она вернулась туда, где жила раньше.

– Хорошо. – Куинн заводит машину. – Не волнуйтесь – сам напортачил, сам все исправлю.

* * *

– Констебль Сомер? Это Дороти Симмонс из «Холман иншуарэнс». Мы с вами говорили о коллекции доктора Харпера, помните?

– А, да, спасибо, что перезвонили, тем более на выходных.

– Я просмотрела фотографии, что вы мне отправили, и сравнила их со снимками из нашего файла по доктору Харперу. Вы правы, некоторые предметы совпадают.

– Они дорого стоят?

– Еще как. В две тысячи восьмом году коллекция доктора Харпера оценивалась примерно в шестьдесят пять тысяч фунтов. Я все пыталась заставить его провести повторную оценку – думала, вдруг сумма страховки уже мала. Но на письма он не отвечает.

– Спасибо, мисс Симмонс. Вы мне очень помогли.

– Кстати, не знаю, важно ли это, но у мистера Уолша вы нашли не все нэцке. Нескольких фигурок не хватает.

– Самых дорогих?

– Нет, только одной дорогой, а остальные как раз представляют наименьшую ценность. Вдруг пригодится...

«Может, и пригодится», – думает Сомер. Если Куинн прав, то Уолша и вправду интересовали только самые дорогостоящие статуэтки. «Семейная история», «наследие»... Ну да, конечно. В любом случае возникает любопытный вопрос.

Где же остальные нэцке?

* * *

У Куинна все по-прежнему идет плохо: поиски на Арундел-стрит оказались напрасными, а вернувшись в участок в начале четвертого, он первым делом видит Гислингхэма.

– Нашел водителя автобуса?

Крис удивленно смотрит на него, думая: «Ты заварил эту чертову кашу, ты и расхлебывай».

– Нет, – отвечает он вслух. – У меня есть *свои* дела.

Куинн проводит рукой по волосам. Своей прической он гордится и тратит на нее много времени, что по какой-то причине ужасно раздражает Гислингхэма. Наверное, это как-то связано с лысиной на затылке, которую он стал замечать в зеркале по утрам.

– Конечно, – говорит Гарет. – Извини. Просто Фаули на меня наседает.

«И это инспектор еще не знает всей правды», – мысленно добавляет Гис.

Он поворачивается к кофемашине и делает вид, что никак не может определиться (капучино или латте?), а потом выбирает как обычно – все равно на вкус одинаково.

– Я помогу, как будет время, ладно? – обещает он сержанту.

Куинну хочется отчитать Криса, но он напоминает себе, что за ним теперь должок.

– Хорошо, – соглашается Гарет. – Спасибо.

* * *

– Ну что, сможете дать им ответ к концу понедельника?

Алекс Фаули перекладывает мобильный из одной руки в другую. Звонит коллега, пытающийся найти для их самого важного клиента информацию, которую надо было отправить еще в пятницу днем. Алекс не хотела отдавать дело ассистенту, но справляться с работой и малышом одновременно не так-то просто. С Джейком было нелегко, а сейчас вообще...

– Алекс?

– Извини, проверяла расписание. Да, в понедельник все будет.

Наверное, ее голос звучит отстраненно, потому что помощник переспрашивает:

– Вы уверены? – В его тоне слышится сомнение. – Мы ведь можем...

– Нет-нет. Всё в порядке, правда.

Из другой комнаты доносится грохот, затем плач, переходящий в крик.

– Господи, Алекс, это еще что такое?

– Да ничего, у меня тут рабочие... Видимо, уронили что-то. Прости, Джонатан, мне надо идти. Обещаю, пришлю документы вовремя.

* * *

Во второй комнате для допросов Дональду Уолшу предъявляют официальное обвинение. Как бы он ни пытался скрыть эмоции, Уолш – человек злобный. С ним Эверетт не повезло, бедняге, хотя к сарказму она привыкла, теперь не пробьешь. Оно и к лучшему.

– Мистер Уолш, вам предъявлено обвинение в связи с кражей ценных изделий у доктора Уильяма Харпера, проживающего по адресу: Фрэмpton-роуд, тридцать три, в Оксфорде. Полагаю, адвокат уже разъяснил ваши права и сказал, что будет дальше. Вам все понятно?

– Еще бы не понять, когда в его лексиконе только односложные слова.

– Как говорилось ранее, вам назначена дата для явки в мировой суд...

– Да, да, не надо сто раз повторять одно и то же, констебль. Я не тупой.

Заполнив бланк, Эверетт подает его Уолшу, который намеренно подписывает его, даже не прочитав.

– До сих пор не возьму в толк, отчего такая суета, – раздраженно говорит он. – Я просто присматривал за коллекцией. Любой разумный человек поймет, что Биллу нельзя было ее доверить. Когда я в последний раз к нему заходил, одна из самых ценных фигурок уже пропала. Он вполне мог смыть ее в сортир. К тому же после его смерти статуэтки все

равно достанутся мне, детей-то у него нет. Удивительно, черт возьми, как за эти годы не украли остальные нэцке. Дверь у него не закрывается, в дом мог попасть кто угодно...

– Вообще-то моим коллегам пришлось выбивать дверь.

– Ну понятно. Будь у них мозги, додумались бы зайти с заднего двора и увидели, что оранжерея даже не запирается, а половина окон разбита. Гребаный сиамский кот – и тот проник внутрь; я слышал, как он орет наверху. Поэтому некоторые фигурки и украли. И я настаиваю, чтобы вы провели расследование по этому поводу.

«Как же он смешон», – думает Эверетт, но ей хватает ума не сказать ничего такого вслух.

Уолш швыряет бланк обратно. Листок скользит по столу и падает на пол.

– Теперь, *полагаю*, мне можно идти домой? Если вы не возражаете.

* * *

Время 16.30, а к работе Алекс так и не приступала. За окном стучит дождь, она сидит на кухне, мальчик у ее ног. Эта пристройка далась им с трудом, но изменила весь дом. Сделала его просторнее и светлее. Даже в облачную погоду здесь льется свет из лампы под крышей. Алекс садится на пол рядом с малышом.

– Хочешь поиграть?

Тот настороженно смотрит на нее, держа в руке плюшевого мишку. Мишку, которого Адам купил для Джейка еще до его рождения.

– Все просто. Смотри.

Алекс ложится и глядит в небо. Иголочки золотистого дождя переливаются на свету, а затем звездами отскакивают от стекла лампы.

– Видишь? Можно наблюдать за дождем. Прямо волшебство.

Мальчик смотрит вверх, вытянув шею, и тянет ручонки к свету. Его смех полон искренней детской радости.

* * *

***Беседа по телефону с Терри Хёрстом,
водителем автобуса «Оксфорд бас компани»
6 мая 2017 года, 17.21
Беседу провел детектив-сержант Г. Куинн***

Г.К.: Мистер Хёрст, мы пытаемся найти молодую женщину, которая села в ваш автобус на Куинс-лейн вчера в 16:35.

Т.Х.: Ладно, а в чем дело?

Г.К.: Это нужно для полицейского расследования, мистер Хёрст. Остальное не должно вас беспокоить.

Т.Х.: Так как она выглядела, эта девушка?

Г.К.: Рост метр семьдесят, длинные светлые волосы. Глаза зеленые. На ней были джинсовые шорты, вязаный топ и сандалии. И солнечные очки.

Т.Х.: А, да, видел ее.

Г.К.: Не помните, где она вышла? Мы предполагаем, что она ехала до бизнес-парка.

Т.Х.: Не, точно не там. Народу зашло много, она стояла. Когда я обернулся посмотреть, нормально ли все выходят, ее уже не было.

Г.К.: Видеонаблюдения в автобусе нет?

Т.Х.: В этом – нет.

Г.К.: И вы понятия не имеете, где она вышла?

Т.Х.: Я этого не говорил. Вообще-то, скорее всего, она вышла у «Теско» на Коули-роуд. Вам это поможет?

Г.К.: Для начала хоть что-то. Если точнее вы не помните. Спасибо.

Т.Х.: Не за что. [Шепотом] Придурок.

* * *

Я просыпаюсь часа в два или три ночи. Ближе к лету небо почти никогда не темнеет полностью и остается темно-синим. Штора слегка отдернута, в комнату проникает свежий воздух.

Приподнявшись на локтях, я моргаю, чтобы глаза привыкли к мраку. Захожу к нему в комнату, а он стоит. Молча стоит в своей кровати. В глазах блеском отражается свет из окна. Во рту у него палец, другой рукой он держит плюшевого мишку Джейка.

– Что такое? Приснился плохой сон?

Он смотрит на меня, медленно покачиваясь, затем мотает головой.

– Хочешь молока?

Кивает.

Я подхожу ближе.

– Можно, я возьму тебя?

Мальчик вытягивает руки. Я беру его впервые за все то время, что он здесь, и в темноте, когда другие чувства обостряются, ощущаю его физическое присутствие намного острее, чем раньше. Знаю, я держался на расстоянии – не только мысленно, но и в эмоциональном плане, – отчего и чисто физически тоже был от него далек. Сейчас я впервые касаюсь его

кожи, впервые вдыхаю его запах. Он пахнет мылом, молоком, мочой, пахнет чем-то сладким, как и все дети. Мальчик устраивается поудобнее у меня на руках и прикивает к груди. Алекс говорит, не зря женщины, у которых нет детей, так любят кошек. Когда можно прижать к себе нечто теплое, живое и размером как раз с маленького ребенка, это приносит необъяснимое удовольствие. Обнимая мальчишку, я чувствую то же самое.

* * *

Утром я встаю первым, и, когда Алекс спускается, я уже на кухне. Мальчик сидит на детском стульчике, перед ним тарелка бананового пюре, я стою у посудомойки. Алекс с ума сводит мое переключивание посуды, так что я стараюсь сделать это, пока она спит. Играет радио, я подпеваю – и осознаю это только при появлении жены. На ней светлые джинсы и белая футболка, волосы распущены. Без макияжа она выглядит моложе. Наверное, я слишком часто вижу ее в рабочем образе юриста.

– У тебя тут весело, – улыбается она.

Заметив, что я копаюсь в посудомойке, Алекс все же решает промолчать и не портить никому настроение.

– День предстоит мрачный – зря я, наверное, веселюсь.

Она подходит к мальчику и нежно проводит рукой по его волосам.

– Тебе что, придется работать все выходные? – Ее тон звучит мягко, намного мягче, чем обычно бывает в подобной ситуации.

– Прости. Ты же знаешь, как у нас там все устроено.

Алекс поднимает и встряхивает упаковку сока.

– Жаль. Я думала, сможем поехать куда-нибудь...

Не договаривает, но я и так понимаю, что она хотела сказать. «Всей семьей».

Я продолжаю переключивать чашки и тарелки. Занимаюсь перестановкой во всех смыслах слова.

– Слушай, я хотел тебе кое-что сказать.

Алекс наливает себе кофе, сохраняя неестественно спокойный вид.

– Да?

– Пришли результаты ДНК. Отец мальчика – не Дональд Уолш.

Опершись на столешницу, она подносит чашку к губам.

– Понятно. Значит, все-таки Уильям Харпер?

– Да, Вики его опознала.

– Она заговорила? – удивленно спрашивает Алекс, но в остальном сохраняет спокойствие.

– Немного. Сказала всего пару слов. Подгонять ее нельзя.

– Конечно нет, – спешит согласиться Алекс. – Ущерб будет непоправимым.

Я выпрямляюсь, преодолевая боль в коленях.

– Знаешь, Алекс...

– Я в курсе, что ты хочешь сказать, Адам. Что это всего на несколько дней, что я не его мать.

Я подхожу ближе, касаюсь ее руки.

– Просто не хочу, чтобы тебе было больно. Не хочу, чтобы ты

привязалась к нему, а он – к тебе. Это было бы несправедливо. Не по-доброму.

Ее губы дрожат.

– По отношению к нему? Или ко мне?

Глаза наполняются слезами, и я притягиваю ее к себе, обнимаю, целую ее волосы. Мальчик отрывается от своей тарелки с бананами и внимательно смотрит на нас огромными глазами. Я ловлю его немигающий взгляд.

* * *

Время 7.15 утра, Гислингхэм не спит уже три часа. Бросив попытки снова заснуть, он выскользнул из кровати, где осталась Джанет. Ее крепкий сон не прервал даже плач Билли. Теперь, усадив сына в беби-слинг на груди, Крис прибирается на кухне, подогревает молоко, напевая при этом Джонни Кэша.

– И кто сказал, что мужчины не способны делать много дел сразу, а, Билли? – говорит он гукающему малышу. – Только пусть это будет наш секрет, ладно? Если мамочка узнает, она напишет нам обоим по списку дел длиной с твою ручонку. Или даже с мою. Ай! – Гис хватает сына за пухленькую ножку. – Кто это тут практикует мощный удар левой? Когда-нибудь ты у нас будешь играть на стадионе «Стэмфорд-бридж»^[19].

– Ничего подобного. – Джанет заходит в кухню босая и в халате. – Я не позволю. – Она грузно опускается на стул.

– Выглядишь разбитой. Может, еще немного поспишь? – осторожно предлагает Гислингхэм.

– Столько дел, – качает она головой.

Крис обводит взглядом кухню.

– Ну, я уже почти все сделал. Стирку заложил, посуда помыта, Билл накормлен.

Джанет со вздохом встает и начинает доставать Билли из сумки-слинга. Малыш плачет и лягается, его сморщенное личико краснеет.

– Ну зачем, все же было хорошо.

– Надо поменять ему подгузник, – отвечает Джанет и наклоняется, чтобы достать памперсы из пакета, который принес домой Гислингхэм, а потом уносит все еще ревущего Билли наверх.

– А вот я не считал, что пора менять подгузник, – заявляет Крис в пустоту. Он отстегивает слинг, сминает пустой пакет, чтобы сдать его на переработку. Затем вдруг садится за стол, достает мобильный и набирает:

Я тут подумал... Кажется, на остановке Пиппа была с пакетом «Фрайдейс чайлд». Видео с камеры нечеткое, но я узнал логотип. Это на улице Корнмаркет.

Гислингхэм нажимает «отправить» и снова ставит чайник. Наверху Билли по-прежнему разрывается от крика. Крис кладет чайный пакетик в кружку. Телефон тренькает.

Поможет, только если она платила по карте.

Гислингхэм кривит лицо, глядя на мобильник, и вздыхает. Черт, ну почему все приходится делать самому?

Я покупал там подарок для Джанет. На кассе есть бланк для желающих подписаться на спецпредложения и все такое. Надо оставить имя и номер. Надежды мало, но вдруг...

Ответ приходит почти моментально.

Дружище, ты просто гений. Попробую узнать. С меня пиво.

Снова скривившись, Гислингхэм отталкивает телефон в сторону и встает, чтобы наконец налить себе чай.

* * *

– Уокер, Пиппа Уокер. Вы уверены, что ее нет в списке?

Девушка на кассе закатывает глаза.

– Ну я ведь уже *проверила*.

На вывеске сказано: ««Ребенок Пятницы»... полон любви и щедрости!», но кассирша не особо-то щедра на информацию. Она жует жвачку, слегка приоткрыв рот; в носу и на верхней губе у нее пирсинг. Как-то не сочетается с переливающимися розово-золотыми украшениями и всякими девчачьими штучками. Куинн делает глубокий вдох. Обычно он умеет уговаривать женщин, а эта никак не поддается его чарам. Лесбиянка, что ли? Вот невезуха...

– Не посмотрите еще раз? Или лучше дайте я сам гляну.

– А как же закон о защите личной информации и все такое? – с подозрением спрашивает девушка.

– Я ведь полицейский, – улыбается Куинн.

Так оно и есть.

Кассиршу вдруг отвлек восхищенный визг японских школьниц, разглядывающих сумочки с пайетками и цветастые повязки на голову.

Оставшийся один у прилавка, Куинн разворачивает список и просматривает имена. Находит «Уокер» – просто буква П перед фамилией больше похожа на Т. Номер отличается от того, что дала ему Пиппа, всего на две цифры, которые она поменяла местами. Легко ошибиться. Куинн достает мобильный и набирает номер. Звонок сразу переходит в голосовую почту, но в записанном для автоответчика сообщении точно звучит голос Пиппы.

Дождавшись сигнала, Куинн говорит:

– Это я, Гарет. Помнишь, ты обещала дать показания? Можешь приехать в Сент-Олдейт? – После паузы он добавляет: – Знаешь, я по уши погряз в дерьме из-за всего этого, так что ты меня очень выручила бы.

* * *

Сидя перед компьютером с головной болью и саднящим горлом, Гислингхэм просматривает выпуски газеты «Оксфорд мейл» за июнь 2015 года, пытаюсь обнаружить какой-нибудь намек на то, что могло заинтересовать Ханну Гардинер на Коули-роуд. Если вкратце, то и всё, и ничего. Школьные праздники, юношеские футбольные матчи, новая схема дорожного движения. Много стоящих событий, но ничего захватывающего. Ничего серьезного. Через двадцать минут он сдаётся и пробует другой вариант: «гуглит» «Ханна Гардинер» и «Коули-роуд». Поиск выдает парочку репортажей Ханны для Би-би-си и несколько фотографий. Одна из них – с интервью о заявке на строительство, вызвавшей множество споров, другая – селфи с карнавала на Коули-роуд в 2014 году, которое Ханна выложила в «Фейсбук». Вместе с Робом и Тоби она сфотографировалась на фоне танцоров с перьями на голове, китайского дракона и мужчины на ходулях.

Крис распечатывает фото и относит в оперативный штаб, где Эрика Сомер стоит у доски и обводит красным маркером некоторые нэцке с фотографий.

– Что в них такого примечательного? – присматриваясь, спрашивает Гислингхэм.

Эрика оборачивается и отвечает с легкой улыбкой:

– Главным образом то, что они пропали. И среди них есть один очень редкий экземпляр – видимо, вот этот. – Она читает с листка: – «Нэцке из слоновой кости в форме раковины наутилуса. Автор: Масанао, один из великих мастеров периода Киото. Высота: пять сантиметров; длина: шесть

сантиметров. Стоимость: двадцать тысяч фунтов».

– Кто бы мог подумать... – Крис присвистывает.

Сомер отходит от доски.

– Полицейские уже распространяют снимки среди торговцев произведениями искусства и по антикварным магазинам. Вдруг кто-нибудь их узнает... А у тебя там что? – интересуется Эрика, глядя на лист бумаги в руке коллеги.

– Это? Фото Ханны Гардинер, которое она выложила в «Фейсбуке» в августе две тысячи четырнадцатого. Тут они с Робом на фестивале Коули-роуд. Наткнулся на него, пытаюсь найти хоть какую-нибудь связь между Ханной и тем районом.

Позади слышится шум; в штаб устало заваливается Эверетт.

– Банбери-роуд забита до самого Саммертауна. Откуда такие пробки в *воскресенье*? – Она бросает сумку на стол и видит фотографию, которую Гислингхэм крепит к доске. – Что это?

– Снимок Ханны. Иди сюда.

Верити подходит ближе.

– Она выглядит такой счастливой... Интересно, она и вправду была счастлива или это только так кажется на фотографии? – задается вопросом Сомер. – Что думаешь?

Но Эверетт смотрит не на Ханну.

Она смотрит на кое-кого другого.

* * *

Когда Куинн спускается в приемную, девушка стоит у окна и смотрит на улицу. Заметив сержанта, она направляется в его сторону, но он спешит отвести ее обратно к окну, где разговор не услышит дежурный.

– Ты куда, черт возьми, пропала?

– Подруга разрешила поспать у нее на диване пару дней. – Пиппа поднимает на него взгляд голубых глаз, улыбается, хлопает ресницами. – Ты принес мои трусики?

Куинн оглядывается через плечо: дежурный с явным любопытством посматривает в их сторону.

– Не вздумай тут такое говорить, – сквозь зубы цедит он. – Меня же на хрен уволят.

– Ну ладно, тогда я пойду. – Пиппа пожимает плечами.

Куинн хватается за руку.

– Нет, не уходи. Ты должна дать свидетельские показания. *Мне* это очень нужно.

Девушка разглядывает его, склонив голову набок.

– Хорошо, – наконец выдает она.

– Тебе придется ответить и на вопросы о Ханне. Например, что случилось в день ее исчезновения и перед этим. И говорить надо правду.

– Хорошо, – повторяет Пиппа, немного хмурясь.

– Я серьезно. *Всю* правду. И вот еще что. – Куинн шумно сглатывает. – Укажи в качестве нынешнего места жительства адрес твоей подруги. Про меня ничего не говори.

Она не спеша наблюдает за беспокойством на лице Куинна, которое он совершенно не способен скрыть, и улыбается.

– Конечно. Ты ведь просто хотел помочь мне, верно? Ничего *не было*.

– Вот именно. Ничего, – быстро повторяет Гарет.

* * *

Я по видео наблюдаю из соседнего помещения за беседой Куинна с Пиппой Уокер, проходящей в комнате для допросов № 2. Ее, похоже, не волнует ни обстановка, ни духота. Куинн же явно вспотел, судя по следам на его дорогущей рубашке фирмы «Томас Пинк».

– Давайте начнем сначала, – говорит сержант. – Когда я увидел вас в квартире мистера Гардинера, вы сказали, что поругались с ним и он поставил вам синяк на запястье; все верно?

– Ну да. Но он это не специально. Не так, как *вы* думаете.

Куинн ерзает на стуле.

– Это все равно считается нападением, мисс Уокер.

Она качает головой:

– Как скажете.

– Вы ведь с мистером Гардинером состояли в отношениях?

Пиппа откидывается на спинку стула и закидывает одну ногу на другую.

– Да. Какое-то время.

– С тех пор, как пропала миссис Гардинер?

Его слова застали Пиппу врасплох.

– Нет. Ну, я ему, наверное, нравилась, но ничего *не было*.

На ее губах играет едва заметная улыбка, и Куинн отводит взгляд, начиная без надобности копать в бумажках.

– Вы абсолютно уверены, – спрашивает он, по-прежнему не глядя на девушку, – что между вами *ничего* не происходило до того, как пропала Ханна?

Она непонимающе смотрит на сержанта.

– Нет. Я же сказала.

Куинн снова шуршит документами.

– В то утро Ханна первым делом позвонила вам.

– Да, только я не сразу получила сообщение. Я ведь все это уже объясняла полиции.

– А когда вы все-таки прослушали сообщение, вам ничего не показалось в нем странным? – не сдается Куинн.

Пиппа опять поводит плечами.

– Почему у Ханны такой раздраженный голос?

Девушка закатывает глаза, словно поражаясь тупости сержанта.

– Я же не пришла. Меня тошнило. Из-за этого Ханне пришлось брать Тоби с собой на интервью, а она терпеть этого не могла. Считала, так делать «непрофессионально».

– Мистер Гардинер не мог его взять?

– На *велосипеде*? Вот уж *не думаю*.

– А потом, когда вы узнали, что Ханна пропала, ничто в ее звонке не показалось странным?

Пиппа хмурится:

– Но это случилось позже. В то утро с ней ведь все было нормально, да?

Через пару мгновений Куинн собирает бумаги и выходит из кабинета. Девушка достает из сумочки мобильный.

Дверь с грохотом открывается, он заходит ко мне и швыряет пиджак на стул.

– Это что еще было?

Куинн ослабляет галстук.

– Когда уже здесь, черт возьми, будет нормальная температура?

– Куинн, я спрашиваю, что это было? Между тобой и этой девушкой.

Он кладет на стол бумаги.

– Ничего, босс. Между нами ничего нет, я клянусь. Просто мне кажется, что она не говорит всю правду. По-моему, она что-то скрывает.

– Похоже, он прав, босс. – В кабинет заглядывает Гислингхэм. – Вам обоим нужно кое-что увидеть. – Он кладет перед нами снимок. – Нашел, пытаюсь понять, что связывает Ханну и Коули-роуд. Тут они с Робом на карнавале в две тысячи четырнадцатом году.

Я смотрю на фотографию. Ханна улыбается и держит камеру, прижав к себе Тоби. Роб стоит сзади и одной рукой обнимает ее, глядя куда-то поодаль. Любовь? Уж мне-то известно, что снимки умеют врать и без всякого «Фотошопа». Контроль над другим человеком часто выдают за заботу.

- Смотрите, – показывает Гислингхэм. – На заднем фоне слева.
- Девушка со светлыми волосами?
- Конечно, на ее лицо падает тень, но мне кажется, это *она*. Пиппа

Уокер.

Куинн присвистывает.

- Черт, вполне возможно...
- А Роб Гардинер смотрит на нее.

Я разглядываю снимок, потом обращаюсь к Гислингхэму:

- Когда она познакомилась с Гардинерами, по ее словам?
- Только что проверил ее изначальные показания. Утверждала, что в октябре четырнадцатого, – с торжествующим видом сообщает Гис. – Через два месяца *после* того, как было сделано это фото.

– Отлично.

Куинн направляется к выходу, но я его придерживаю. Камера показывает, что Пиппа смотрится в зеркальце.

- Возьми с собой кого-нибудь из женщин.
- Что? – недоумевает Куинн. – Зачем?
- Пусть с тобой пойдет Эв. Если ее нет, найди Сомер.

Сержант бросает на меня недовольный взгляд, однако ничего не говорит. У Гислингхэма вид вообще непробиваемый, ему только в покер играть.

- Договорились, Куинн?
- Договорились, босс.

* * *

– Но ты мне нужна сейчас.

– Извините, – отвечает Эверетт. Связь прерывается; она явно в машине. – У меня тут целый список антикварных магазинов, которые нужно объехать. Занимаюсь пропавшими нэцке.

Куинн с трудом скрывает раздражение.

– Это ведь пустяковая кража. Почему ей не займутся обычные полицейские?

– Не мне решать, сержант. Фаули сказал...

– Да, да, знаю.

– А в чем проблема? Гислингхэм наверняка в отделении, да и Бакстер...

– Проехали, хорошо?

Ничего хорошего тут нет, и Эверетт кладет трубку, так и не поняв, что случилось. Куинн тем временем засовывает свою гордость подальше и спрашивает, где Сомер, у ее сержанта. Тот отвечает, что в столовой. Не

без ухмылки, которую Гарет решает проигнорировать.

Она сидит в углу с кофе и книгой. С огромной книгой, что-то из классической серии издательства «Пингвин». Куинн и забыл, что раньше Эрика была учителем английского. Когда сержант подходит к столу, она замечает тень на странице. Поднимает глаза и выдавливает улыбку. Не совсем искреннюю, но все же.

– Тут про то, как молодую женщину держали взаперти и насиловали, – говорит Сомер, показывая на книгу. – Написано в тысяча семьсот сорок седьмом году, представляешь? Кое-что в жизни совсем не меняется.

Куинн засовывает руки в карманы. В глаза почти не смотрит.

– Я собираюсь снова допросить Пиппу Уокер. Фаули хочет, чтобы ты присутствовала.

– Я? Почему не...

– Он хочет, чтобы на допросе была женщина, а Эверетт нет в участке.

«То есть ты просто выполняешь приказ Фаули», – отчетливо выражается мысль на лице Сомер.

– Так ты свободна или как?

Эрика привстает и закрывает книгу.

– Конечно, сержант. Как скажете.

Куинн пытается понять, нет ли сарказма в ее словах, но, присмотревшись, не замечает во взгляде Сомер никакой надменности.

– Хочешь просмотреть записи по допросу? Могу дать десять минут.

– Уже читала. Стараюсь быть в курсе всех дел, хоть я и полицейский самого низшего чина.

Эрика ожидает услышать какой-нибудь колкий комментарий о том, что она хочет продвинуться по карьерной лестнице с помощью этого расследования, однако сержант молчит. Сомер собирает вещи и идет за ним по коридору и вниз по лестнице к комнате для допросов № 2. Через стеклянную панель видно, что девушка внутри уткнулась в телефон – играет в какую-то игру. Не отрывает глаз от экрана, даже когда Сомер с Куинном садятся за стол, и шумно вздыхает в ответ на просьбу сержанта убрать мобильный.

– Кто это? – спрашивает Пиппа, бросая настороженный взгляд на Эрику.

– Констебль Сомер. Она будет присутствовать на допросе.

Пиппа откидывается на спинку стула.

– И *долго* мне еще тут торчать? – произносит она с певучей интонацией, свойственной представителям верхушки среднего класса, которых полно в этом городе.

– У нас всего пара вопросов.

– Я ведь уже сообщила все, что знаю. – Пиппа снова подается вперед. – И я вам *очень* помогла, правда? Вы сами так сказали.

– Да, вы помогли, – подтверждает Куинн, слегка краснея. – Но нам надо четко понять, что именно произошло. Поэтому давайте вернемся к самому началу.

Девушка закатывает глаза.

– Вы познакомились с Ханной Гардинер в октябре две тысячи четырнадцатого года в лавке на Норт-Перейд?

– При чем тут это? – удивленно спрашивает Пиппа.

Куинн толкает в ее сторону снимок с карнавала на Коули-роуд.

– Эта фотография сделана в августе две тысячи четырнадцатого, когда, как вы утверждаете, вы еще не были знакомы ни с Робом Гардинером, ни с его женой.

Пиппа глядит на фото, отодвигается назад и жмет плечами.

– Там были сотни людей. Даже тысячи.

– Значит, это просто совпадение?

Она улыбается Куинну:

– Да, пожалуй.

– И то, что он смотрит прямо на вас, тоже совпадение?

Пиппа склоняет голову набок и крутит кончики волос.

– На меня смотрят многие парни. *Вы*, например.

Куинн еще больше заливается краской.

– То есть на тот момент, когда была сделана эта фотография, вы с Робом Гардинером еще не познакомились?

– Нет...

– И у вас с ним не было связи?

– Нет, не было никакой «связи». – Она улыбается и искоса поглядывает на Куинна. – Хотя мужчины постарше мне и вправду нравятся...

Теперь Сомер поняла, зачем Фаули понадобилась женщина на этом допросе. Уж она-то не купится на чушь, только потому что ее несет какая-то красotka.

Эрика достает из папки Куинна листок бумаги.

– Вы сейчас утверждали, что сообщили нам всё. Только почему-то забыли добавить, что беременны. Кто отец? Это ведь не Роб Гардинер.

– Кто такое сказал? Это не ваше дело, – гневно отвечает Пиппа.

– Вы не знали, что он не может иметь детей?

Девушка кривится, но ничего не говорит в ответ.

– А синяки на запястье у вас появились, когда он узнал об этом?

Гардинер ударил вас, как раньше свою жену?

Пиппа опускает рукава.

– Я не хочу снова говорить об этом, – заявляет она, потеряв напускную храбрость. Тон ее голоса изменился.

– Вы в курсе, – спокойно спрашивает Эрика, – что можете попасть под суд, если солжете полиции?

Широко раскрыв глаза, Пиппа смотрит на Куинна.

– О чем это она?

– Ну... – начинает Гарет.

Сомер перебивает его:

– Сейчас Роб Гардинер считается подозреваемым в убийстве своей жены. А это означает, что мы изучим каждый миллиметр пространства, связанного с его жизнью. Все его звонки, все сообщения. Где он был, когда и, самое главное, *с кем*. Понимаете?

Пиппа кивает, ее щеки покраснели.

– И если выяснится, что вы нам врали, вам тоже будет грозить уголовное преследование.

Куинн изумленно уставился на Сомер, но она не обращает на это внимания. Девчонка ведь, в отличие от сержанта, не понимает, что Эрика преувеличивает.

Пиппа бледнеет.

– Вы же сказали, я могу подать заявление на *него*, а теперь собрались арестовывать *меня*?

– Хотите родить ребенка в тюрьме? – продолжает Сомер. – Его, кстати, могут и отобрать, если соцслужбе станет известно, что вы препятствуете ходу следствия. Вы знали об этом?

– *Нет*... – Пиппа испуганно умоляет: – Пожалуйста, не сажайте меня в тюрьму.

– Тогда вам бы лучше заговорить. – Эрика откидывается на стуле и скрещивает руки. – И на этот раз мы хотим услышать правду. – «Господи, только не ляпни что-нибудь», – мысленно обращается она к Куинну.

Девушка приперта к стенке и вынуждена принять решение.

– Хорошо, – наконец говорит покрасневшая Пиппа. – Я скажу вам, но только если вы пообещаете мне защиту. Защиту от него. Если он узнает, мне конец.

* * *

Через час, когда они выходят из кабинета, Куинн обращается к Сомер:

– Черт, а ты можешь быть той еще стервой, когда нужно...

Эрика удивленно поднимает бровь:

– Главное – результат. Нужно засадить ублюдка за решетку, так ведь ты сказал?

Она разворачивается, чтобы уйти, но Куинн добавляет:

– Это был комплимент. Извини, если прозвучало как-то не так.

Странно, все его самодовольство куда-то подевалось. Большую часть того времени, что они брали письменные показания, он вообще молчал.

– Пусть даже так, мне все равно.

Уходя, Эрика все же позволяет себе едва заметно улыбнуться.

* * *

ПОЛИЦИЯ ДОЛИНЫ ТЕМЗЫ

Свидетельские показания

Дата: 07.05.2017 г.

Имя, фамилия: Пиппа Уокер

Дата рождения: 03.02.1995 г.

Адрес: г. Оксфорд, Белфорд-стрит, д. 98, кв. 3

Эти показания записаны на основании известной мне информации на двух страницах, каждая из которых подписана мною лично. Я осведомлена, что дача ложных показаний подлежит уголовному преследованию, если на них будет строиться обвинение в суде.

Я начала работать в семье Гардинеров в октябре 2014 года. Раньше я не была с ними знакома. Фотография с карнавала действительно является совпадением.

Я часто виделась с Робом. Его жена постоянно была в разъездах, и мы проводили много времени вместе. Я ему явно нравилась, так что понимала, к чему все идет. Он говорил, что несчастлив в браке, что хочет уйти от жены и быть со мной. Обещал все ей рассказать, однако откладывал беседу.

23 июня 2015 года Ханна застала нас в постели. Вернулась домой в начале седьмого, хотя сказала Робу, что будет поздно. Она вышла из себя: стала кричать на Роба, материться, рвать мои вещи. Роб пытался вразумить ее, говорил, что Тоби все услышит из соседней комнаты. Она не обращала внимания. Вытащила его из кровати и начала бить. Роб пытался оттолкнуть Ханну, а она прямо с катушек слетела, обзывала меня шлюхой, не надо было мне доверять и все такое. Роб сказал, чтобы я собрала вещи

и уходила, мол, он сам разберется. Я так и сделала. Последний раз видела их вместе на кухне. Все ждала, что Роб позвонит мне, а он не звонил. Отправила ему сообщение – не ответил. Около полуночи я вернулась. Как только он открыл дверь, я поняла, что случилось что-то плохое. Вид у Роба был странный, он не хотел меня впускать.

Он сказал, что всё в порядке, что они с Ханной разобрались во всем и мне пора домой. На следующее утро, как я и говорила, самочувствие у меня было ужасное. Поэтому голосовое сообщение от Ханны я послушала только вечером, когда в новостях уже рассказывали о ее пропаже. Я не ожидала, что она захочет видеть меня в качестве няни после всего того, что наговорила прошлым вечером. Однако голос точно был ее, хотя и звучал странновато. С каким-то металлическим оттенком. Не так, как обычно в ее звонках.

Соседка посоветовала мне пойти в полицию, но я испугалась. Не могла поверить, что Роб убил ее – вдруг подумают на меня? Вдруг он скажет, что это я? Моя ДНК по всей их квартире, а он ведь ученый, сумеет надурить полицию и что-нибудь там подделать. Поэтому я и не сообщала о наших с ним отношениях. Боялась, что меня станут подозревать, мотив ведь есть. Кому в итоге поверили бы, мне или ему? Ну и к тому же я любила его. Он мог заставить меня сделать что угодно. Я уверена, что Роб не хотел причинить мне вреда. И всегда сожалел о случившемся.

Подпись: Пиппа Уокер

Показания принимал в отделении полиции Сент-Олдейт с 17.15 до 18.06 в присутствии констебля Эрики Сомер. По окончании зачитал написанное Пиппе Уокер, которая затем снова все прочитала и подписала в моем присутствии.

Детектив-сержант Гарет Куинн

* * *

В оперативном штабе Куинна встречают аплодисментами. Я ожидал, что он войдет сюда с торжествующим видом генерала на параде, но Гарет справедливо (что непривычно) упоминает о заслуге Сомер в этом важном для дела прорыве. Говорит Куинн с таким неловким видом, что я недоумеваю, почему он просто не промолчал.

Через пару секунд я прерываю поздравления.

– Итак, давайте не будем радоваться раньше времени. Показания Пиппы – большой шаг вперед, но сами по себе ничего не доказывают. Не доказывают они и того, что Гардинер убил жену, зато теперь в нашем

распоряжении есть *и* мотив, *и* тот факт, что он все-таки лгал нам. Правда, на временной шкале все равно что-то не сходится. Если Ханна Гардинер погибла вечером двадцать третьего июня, то как она совершила звонок в шесть пятьдесят на следующее утро?

Бакстер тянет руку.

– Доверьте это мне. Есть одна идея.

– Хорошо. – Я обвожу взглядом зал. Мы работали над делом шесть дней подряд и уже на последнем издыхании. – Продолжим завтра утром. Роб Гардинер никуда не денется. Так что все идем домой и отсыпаемся. И ты тоже, Гислингхэм. Едва на ногах стоишь, я смотрю.

Гис потирает затылок.

– Ага, с детьми нелегко. Сами знаете.

* * *

Через час я подъезжаю к дому и сижу в машине, глядя на окна наверху. Они открыты, занавески покачиваются на ветру. Солнце катится к горизонту, и его лучи выхватывают дом напротив на фоне сияющего голубого неба. В Оксфорде это время, когда заходящее солнце будто подсвечивает каменные строения изнутри, называют «золотым часом».

Я глушу двигатель и вспоминаю, как все было раньше. Как Алекс готовила. Как мы пили холодное белое вино. Как Джейк играл на полу у ее ног, а потом, постарше, уже гонял с мячом в саду. Спокойствие. Умиротворение. Вот уж действительно золотой час.

Открывая дверь, я первым делом слышу плач. Никакого ужина на плите. Кухня смахивает на зону боевых действий.

– Всё в порядке? – спрашиваю я, бросив сумку в прихожей.

– Да. Просто он не хочет купаться, вот и всё.

Я захожу к ним в ванную и понимаю, что она имела в виду. Мальчик вопит, лежа на спине; весь пол в воде, да и сама Алекс тоже. Раскрасневшаяся, она смотрит на меня.

– Прости, кажется, я уже забыла, как это делается... Все шло хорошо, правда, но как только я засунула его игрушку в стиральную машину, он стал просто неуправляемым.

– Хочешь, я им займусь?

– Ты и так устал.

– Уж с малышом-то я совладаю.

– Хорошо. – Алекс с видимым облегчением встает. – Хоть ужин пока приготовлю.

Как только она закрывает дверь, мальчик перестает кричать

и перекачивается на бок, чтобы глянуть на меня. По щекам размазаны слезы.

– Ну, дружок, что это ты тут устроил?

* * *

Когда через полчаса Алекс выходит, я курю в саду. На улице свежо, трава покрылась росой, еще не совсем стемнело. Она собирается включить свет, но я ее останавливаю. О некоторых вещах лучше говорить в полумраке.

Супруга подает мне бокал вина и садится рядом.

– Он уснул. Наконец-то. – Смотрит в сторону сада. – Видишь, вон там лаванда, которую мы посадили в прошлом году? Пчелы так и жужжат вокруг нее. Надо будет показать ему.

Я затягиваюсь, не спешу прерывать молчание.

– Трудный день? – осторожно спрашивает Алекс, как бы позволяя мне все рассказать, если я хочу.

– Каждый раз, когда я думаю, что это дело раскрыто, в нем появляются новые детали. Новые – и все более ужасающие.

– Куда хуже? Бедняжку держали в подвале и насильовали. Ханну Гардинер забили до смерти...

– Утром мы арестуем ее мужа. Няня дала против него показания.

– О боже... – Алекс прикрывает рот рукой. – Но дело не только в этом, да?

Я гашу сигарету.

– Да. Кое-что еще. Насчет нас. Точнее, насчет мальчика.

– Что?

– В ванной он сидел у меня на коленях и... начал издавать странные звуки... прижиматься ко мне, как будто...

По лицу Алекс видно: она отлично понимает, о чем я говорю.

– Ты знала?

Она кивает:

– Та милая медсестра в больнице предупредила. Видела, как он это делает, и попросила не беспокоиться. В подвале он навидался всяких ужасов, которые еще не способен понять. А его мать... ну, ты понимаешь. В общем, сестра посоветовала мне книгу Эммы Донохью «Комната», слышал про такую? Я давно скачала ее себе на «Киндл», но все никак руки не доходили.

– И как, помогает?

В сумерках Алекс поворачивается ко мне:

– Без слез не прочитаешь.

* * *

Утро понедельника. За завтраком Алекс рассказывает мне, чем они с мальчиком собираются заняться. Покормить уток, покачаться на качелях, прогуляться вдоль реки. Как будто она составила целый список дел, которыми когда-то мы занимались с Джейком. Я так не могу. Слишком рано. И разве это справедливо – втягивать мальчишку в жизнь, созданную для другого ребенка? Или я просто ищу отговорку? Правда, сейчас она мне и не требуется.

Когда я захожу, все уже собрались в штабе, включая специалиста по распознаванию речи. Видимо, слухи расползлись, потому что атмосфера просто накалена от ожидания.

– Итак, что у нас?

Аналитик поправляет очки на носу. Он явно не привык выступать перед большим количеством людей.

– Что ж, я проверил догадку детектива-констебля Бакстера, и да, это возможно. *Доказать* не могу, но диаграмма спектральных помех действительно может означать...

– Стой, давай-ка на человеческом языке.

Парень краснеет.

– Судя по фоновому шуму, то есть качеству звука, можно предположить, что голос был записан.

Сейчас точно нет никакого шума. Все затаили дыхание.

– Уточним, – говорю я. – Вы думаете, что Гардинер включил старую запись, что-то из своей голосовой почты?

Аналитик кивает:

– На сто процентов утверждать не могу. И все-таки это возможно. И становится понятно, почему звук кажется немного глухим.

– К тому же Ханна не называет никаких имен и не упоминает время, – спешит вставить Бакстер, наслаждаясь своим успехом. – Ничто не привязывает ее сообщение к конкретному дню.

Я опять смотрю на временную шкалу.

– Ладно, попробуем предположить. Гардинер убивает Ханну в ночь на двадцать четвертое июня, после того как она застает его в постели с Пиппой Уокер. Роб прячет тело в сарае Харпера, а когда Пиппа возвращается в полночь, не пускает ее – вероятно, все еще вытирает кровь. На следующее утро поддельывает звонок от Ханны в шесть пятьдесят, как будто супруга жива. Однако остается другая проблема. – Я поворачиваюсь

лицом к собравшимся. – Звонили с домашнего телефона, а это значит, что в шесть пятьдесят Гардинер должен был находиться *на* Кресент-сквер. В самом начале мы исключили его из списка подозреваемых, так как ему не хватило бы времени доехать до Уиттенхэма и затем сесть на поезд в семь пятьдесят семь. И тут по-прежнему не складывается.

– Он мог успеть, сэр.

Это Сомер с задних рядов. Она встает и выходит вперед.

– Что, если его не было на том поезде?

Бакстер хмурится:

– Нам известно, что был. Есть видео с камеры, где он выходит из поезда в Рединге.

Эрика качает головой:

– Да, мы знаем, где он вышел. Но где именно он *сел*?

Сомер смотрит на Гислингхэма, тот кивает.

– Ты права. В Оксфорде в тот день система видеонаблюдения дала сбой.

Сомер рассматривает карту: Уиттенхэм, Оксфорд, Рединг.

– Не мог ли он сесть на поезд здесь? – Она показывает на станцию Дидкот-Паркуэй. На полпути из Рединга в Оксфорд и всего в пяти милях от Уиттенхэма.

Гислингхэм проверяет расписание на телефоне.

– Поезд, выходящий в семь пятьдесят семь из Оксфорда, останавливается в Дидкоте в восемь пятнадцать.

– Отлично, можно проработать этот вариант. – Я беру маркер и рисую еще одну шкалу. – Если Гардинер выехал из Оксфорда сразу после того, как оставил голосовое сообщение, во сколько он добрался бы до Уиттенхэма?

Гислингхэм размышляет:

– На машине в такое время всего за полчаса.

– То есть в Уиттенхэме он в семь тридцать или, может, семь двадцать пять. А выехать оттуда надо около семи пятидесяти, чтобы успеть на поезд в Дидкоте в восемь пятнадцать. Хватит ли на все времени, вот в чем вопрос. Бросить машину, отвезти коляску на холм, оставить там сына – и все это меньше чем за тридцать минут...

– Думаю, да, сэр, – отвечает Сомер. – Впритык, но возможно. Он успел бы.

Гислингхэм кивает, Бакстер тоже. Только один человек так и не промолвил ни слова.

Куинн.

* * *

Выйдя из штаба, Гислингхэм хватает Куинна и заводит в соседний пустующий кабинет.

– Что за хрень? Тебе жить надоело? Фаули и так уже на тебя косо поглядывает. Если так продолжится, скоро он все поймет.

Стоявший спиной к нему Гарет медленно поворачивается. Гис никогда не видел его таким изнуренным.

– В чем дело? Что-то не так?

Сержант грузно оседает.

– Она соврала. Пиппа соврала в своих показаниях. Это мелочь, но я-то знаю.

– Ты о сообщении? – Гислингхэм выдвигает себе стул.

Куинн кивает:

– Она утверждает, что тем вечером отправила Гардинеру сообщение, а я видел все эсэмэски на ее телефоне. Ничего она тогда не писала.

– Может, удалила?

– У меня такой же мобильный. Удалишь одно – удаляется вся переписка. Сообщения в тот вечер *не было*. – Он опускает голову на ладони. – Твою мать, это какой-то кошмар... Я пытаюсь во всем разобраться, но становится только хуже. Фаули арестует Гардинера на основании показаний ненадежного свидетеля, а если я хоть что-нибудь об этом сообщу, то окажусь в дерьме по самую голову.

– Ладно. – Гислингхэм переходит в режим оказания помощи. – Просто достанем ордер на проверку ее звонков и сообщений, и ты будешь чист. Показания в любом случае надо подтверждать.

– Но в суде обязательно поинтересуются, зачем нам чертов ордер, если она всего лишь свидетель – можно ведь и так попросить...

– Ну да, – отзывается Крис. – Придется тебе придумать ответ на этот вопрос.

– Ты же знаешь, что Пиппа выдаст меня, как только ее прижмут? Сразу ляпнет, что была у меня дома, что мы...

– Так у вас что-то *было*?

– Нет, я же *говорил*.

Однако Куинн вспотел, как будто он все же виновен.

– Слушай, тогда тебе лучше самому во всем признаться, – советует Гислингхэм. – Признайся Фаули, что сдурил, и надейся, что он не предпримет серьезных мер. И между тем сосредоточься на чем-то полезном. Например, достань этот гребаный ордер.

– Хорошо. – Голос Куинна звучит немного бодрее.
– И, кстати, постарайся вести себя как обычно – то есть нагло и самодовольно. А то у меня мурашки по коже от Куинна, который ценит других людей.
Сержант едва заметно улыбается.
– Попробую, – говорит он.

* * *

*Допрос Роберта Гардинера, произведенный в полицейском участке
Сент-Олдейт, г. Оксфорд
8 мая 2017 года, 11.03
Присутствуют: инспектор А. Фаули,
детектив-констебль В. Эверетт, П. Роуз (адвокат)*

П.Р.: Вынужден сказать, инспектор, что все это похоже на назойливое преследование моего клиента. У вас действительно имеются достаточные основания для ареста? И вы утверждаете, что он убил свою жену? Не представляю, какие новые «улики» у вас имеются, но ситуация создает невероятные затруднения, учитывая, что у мистера Гардинера сейчас нет постоянной няни для ребенка.

А.Ф.: Вчера мои детективы допросили мисс Пиппу Уокер. Вы, мистер Гардинер, наверное, предполагали, что она уехала из города. По крайней мере, надеялись на это.

Р.Г.: [Молчит]

А.Ф.: А она все еще в Оксфорде.

Р.Г.: [Молчит]

А.Ф.: Мисс Уокер дала полные показания касательно исчезновения вашей жены.

Р.Г.: Глупости какие. Что она могла вам сказать, если ничего не знает?

В.Э.: Наши доктора также осмотрели ее запястье. С синяками, которые поставили вы.

Р.Г.: Послушайте, все было совсем не так. Я уже говорил вам. Узнал, что она пыталась подсунуть мне чужого ребенка, что она спала с кем попало...

В.Э.: И это дает вам право бить ее?

Р.Г.: Говорю же, я ее не бил. Просто схватил за руку – видимо, слишком сильно. Если она утверждает иначе, то это вранье.

А.Ф.: [Пауза] Не очень хорошо такое приняли бы, да?

Р.Г.: О чем вы?

А.Ф.: О вашей компании. Думаю, начальству не понравилось бы, что их старшего управляющего обвиняют в бытовом насилии.

Р.Г.: Да сколько раз мне повторять... Не было никакого насилия. Случилась ссора, вот и всё. Это большая разница.

А.Ф.: Не мне давать вам советы, однако я не стал бы строить свою защиту на таких утверждениях.

П.Р.: Знаете, инспектор...

А.Ф.: Ладно, двигаемся дальше. Когда начались ваши отношения с мисс Уокер?

Р.Г.: Что, простите?

А.Ф.: Вопрос вроде несложный, мистер Гардинер.

Р.Г.: Как это вообще связано с делом?

А.Ф.: Ответьте, пожалуйста, на вопрос.

Р.Г.: Не было никаких отношений. Я же вам говорил, мы переспали раза два. И случилось это через много месяцев после исчезновения Ханны.

В.Э.: Вы, кажется, заявляли, что всего один раз?

Р.Г.: Один раз, два, три – какая разница? Все равно это был только секс.

А.Ф.: Значит, по вашим словам, любые предположения о романе с другой женщиной задолго до смерти вашей супруги неверны?

Р.Г.: Конечно, черт возьми! Это она вам такое наговорила?

А.Ф.: Когда именно мисс Уокер переехала к вам?

Р.Г.: Ну, она оставалась время от времени... Слушайте, после пропажи Ханны я был сам не свой. Не ел, даже не мог заставить себя постирать вещи, а приходилось еще и за Тоби присматривать. Однажды Пиппа просто заявила ко мне, сказала, что волнуется, и предложила свою помощь. Я уехал на работу, а когда вернулся, квартира сияла чистотой. Она набила холодильник продуктами и приготовила ужин. После этого пару раз спала на диване. Затем сообщила, что съезжает из своей комнатки, и я разрешил ей немного пожить у нас.

В.Э.: И как давно это было?

Р.Г.: Не знаю... месяца три назад. Может, больше. Новое жилье она пока не нашла.

В.Э.: Ясное дело.

Р.Г.: Вы на что намекаете?

А.Ф.: Довожу до вашего сведения, мистер Гардинер, что в результате допроса мисс Уокер мы полностью пересмотрели свои предположения о том, как погибла ваша жена.

Р.Г.: [Молча переводит взгляд с одного следователя на другого]

А.Ф.: Вот как обстоит дело. К июню 2015 года вы с Пиппой уже полгода как спали вместе. То, что она присматривает за вашим сыном, служит отличным прикрытием. Однако во вторник, 23 июня, супруга неожиданно возвращается домой раньше. И видит, как вы занимаетесь сексом с мисс Уокер.

Р.Г.: Это она так сказала? Что мы занимались сексом?

А.Ф.: По ее словам, случилась страшная ссора: миссис Гардинер била вас, и вы отправили мисс Уокер домой, пообещав «разобраться с ситуацией». Она написала вам сообщение и, не дождавшись ответа, через несколько часов пришла обратно, а вы ее не впустили.

Р.Г.: Ничего такого вообще не было...

А.Ф.: Мы полагаем, что во время ссоры ваша супруга получила сильный удар по голове. Возможно, случайно или в результате самозащиты. В любом случае у вас неприятности. Вы принесли плед из машины жены, завернули в него тело, обмотали клейкой лентой. Потом, как только стемнело, вынесли его через заднюю дверь и сквозь шаткую сетку проникли в сад Уильяма Харпера. Этот сад отлично просматривается из вашей квартиры, поэтому вы знали, что он практически заброшен. Пытаясь найти инструменты, чтобы выкопать могилу, залезли в сарай и обнаружили там люк в полу. С трудом веря своему везению, положили тело вниз. Как умно вы все провернули, да? Ну, то есть вам так казалось. На следующее утро вы подделали звонок Пиппе Уокер, взяв голосовое сообщение от жены с собственного телефона. Потом поехали в Уиттенхэм, где оставили машину и вашего сына в коляске, надеясь – зря, как выяснилось позже, – что не пройдет и нескольких минут, как его обнаружат. Оттуда вы направились в Дидкот и там сели на поезд до Рединга. Почти идеальное убийство. Почти, но не совсем.

Р.Г.: [Молчит]

П.Р.: Постойте, вы вроде говорили о несчастном случае? Или о самообороне...

А.Ф.: Касательно первого удара – возможно. Только первый удар ее не убил, как известно вашему клиенту. Что же произошло, мистер Гардинер? Она закричала от боли? Тогда вы поняли, что дело еще не закончено? Связали ее и проломили череп?

Р.Г.: [Вскакивает и бежит в угол, его рвет]

П.Р.: Довольно, инспектор. Во избежание недоразумений, мистер Гардинер категорически опровергает вашу новую версию событий. Дело сфабриковано от начала до конца, и, насколько я понимаю,

поддерживающих эту версию улик у вас нет.

А.Ф.: Мы проведем полную криминалистическую экспертизу в квартире мистера Гардинера...

Р.Г.: [Наклоняется вперед] Сразу могу сказать, что вы там ничего не найдете...

П.Р.: [Сдерживает Гардинера] Ничего больше не говори, Роб. [Обращается к Фаули] Мой клиент не причастен к смерти своей жены, и у него не было отношений с мисс Уокер на момент исчезновения его супруги. Не мне вам советовать, конечно, но я считаю, что этой юной леди многое придется объяснить.

А.Ф.: Благодарю, мистер Роуз, ваши замечания учтены. Допрос окончен в 11.34.

* * *

Би-би-си Мидлендс Сегодняшние новости

Понедельник, 8 мая 2017 года | Последнее обновление в 12.39

Срочное сообщение

Муж Ханны Гардинер арестован за ее убийство

Как нам стало известно, Роберта Гардинера арестовали по подозрению в убийстве его жены Ханны, пропавшей в июне 2015 года. Теперь следователи считают, что миссис Гардинер погибла вечером 23 июня, когда в их квартире на Кресент-сквер в Оксфорде случился скандал. Тоби, сын мистера Гардинера, предположительно находится под опекой социальной службы.

Полиция долины Темзы подтверждает, что был арестован тридцатидвухлетний мужчина, однако сообщить его имя отказывается. Следователи также отрицают какую-либо связь между смертью миссис Гардинер и девушкой с ребенком (найденными в подвале дома, рядом с которым в сарае и обнаружили тело Ханны), заявляя, что «расследование продолжается».

Вскоре будут опубликованы новые детали, следите за дополнениями. Обновите страницу, чтобы увидеть более полную версию новости.

* * *

– Фаули? Это Чаллоу.

Слова отражаются эхом, как будто он звонит из какого-то подземелья.

– Ты где?

– На Кресент-сквер, – отвечает он. – У Гардинера. Думаю, тебе лучше приехать.

* * *

Когда я захожу, криминалисты работают на кухне, Эрика Сомер проверяет ящики и полки в гостиной, заглядывает за книги. Кухня сделана в аскетично-функциональном стиле: дерево светло-кремового цвета, гранитные поверхности, много хромированных деталей. И чисто. Очень чисто.

– Так что у вас тут? Что нашли?

– Дело скорее в том, чего мы *не нашли*, – с мрачным видом отвечает Чаллоу.

Он кивает женщине-криминалисту, та закрывает жалюзи и выключает свет.

– И на что мне смотреть?

– Вот именно. Тут *ничего* нет. Мы проверили люминолом весь пол – ни следа крови.

– Гардинер ведь ученый. Наверняка знает, как все оттереть...

Однако Чаллоу такого объяснения недостаточно, да и мне, честно говоря, тоже.

– Пол деревянный. Даже при наличии нужного вещества и кучи времени до конца все не смоешь. А она потеряла очень много крови.

– Может, он убил ее в другой комнате?

Еще больше притянута за уши.

Чаллоу качает головой:

– Полы одинаковые везде, кроме ванных комнат. И пока что мы ничего не нашли.

Я возвращаюсь в гостиную.

– Сомер, где жила Пиппа?

– Сюда, сэр.

Эрика ведет меня в детскую, которая очень похожа на комнату Джейка. На то, как она выглядит сейчас, если быть точнее: полная разбросанных вещей и мальчишеских запахов, полная жизни. На полу валяются игрушки, одежда кое-как висит на спинке стула. Вдоль стены стоит раскладной диван – Роб Гардинер держал Пиппу на расстоянии. Занимался с ней сексом, при этом показывал, где ее место.

В гостиной Сомер копается в мусорной корзине.

– Фотографии, – показывает она. – Похоже, мистер Гардинер старался как можно скорее вычеркнуть мисс Уокер из своей жизни.

Она передает мне снимки по одному. Вот Пиппа поднимает Тоби над головой, вот Тоби сидит у нее на коленях и играет с подвеской на ее шее, а здесь она держит малыша на руках, и тот улыбается, хлопая маленькими ручонками.

– Что теперь? – спрашивает Сомер. – Роб выйдет сухим из воды?

– Не обязательно, – говорю я, качнув головой. – Если Ханна умерла не здесь, это еще не значит, что убийца кто-то другой. Нам просто надо найти место преступления.

– И все же... – Ее голос затихает.

– Что?

– Ничего. Я наверняка ошибаюсь...

– Все это время интуиция вас не подводила. Выкладывайте.

– Допустим, Роб Гардинер и вправду добрался в Уиттенхэм к половине восьмого утра. Так почему Тоби обнаружили только через два часа? У нас полно свидетельских показаний, там была куча народа. Неужели никто не заметил коляску?

Ее слова цепляются к другим накопившимся у меня сомнениям. Во-первых, я до сих пор не могу понять, зачем нужно было связывать Ханну. Начни она двигаться после первого удара, сил на борьбу ей все равно не хватило бы. К тому же в день ее исчезновения я лично встречался с Гардинером – на нем не было ни царапинки. После бурной ссоры остались бы следы...

Раздается звонок от дежурного по отделению.

– Для вас есть сообщение, сэр. От Вики. Ее перевели в Вайн-Лодж. Хочет увидеть вас. Говорит, это важно.

* * *

Вайн-Лодж – большой четырехэтажный викторианский особняк, цена которого сравнялась бы с домом Уильяма Харпера, располагайся он в Северном Оксфорде, а не здесь, в районе Ботли-роуд, на окраине промышленного комплекса с видом на выставочный зал ковров. Вики выделили отдельную комнату, наверняка маленькую, но, слава богу, хотя бы не на подвальном этаже. Правда, три лестничных пролета становятся неприятным напоминанием о том, что я совсем растерял форму.

– Не волнуйтесь, остальные жильцы не знают, кто она такая, – сообщает по пути наверх управляющий, жизнерадостный парень с бритой головой, серьгой в ухе и татуировками на шее. Может, проще следить за людьми, когда сам выглядишь, как они? – И мы стараемся держать ее подальше от газет и новостей, как вы просили. Не знаю, получается ли...

– Как она вообще?

Задумавшись, управляющий на мгновение останавливается.

– Лучше, чем я ожидал. Такая спокойная... – Он пожимает плечами. – Хотя что тут удивительного. Думаю, ей придется походить к психологу.

Я киваю.

– О мальчишке говорила?

– Со мной – нет. Когда ее привезли, внизу работал телевизор, шла какая-то детская реклама. Памперсы или вроде того. Она тут же отвернулась.

Остаток лестницы преодолеваем молча. Откуда-то доносится музыка, через окна на пролетах видно нескольких молодых людей на улице. Вот пара курит. Двое парней перебрасываются мячом.

Управляющий стучит в дверь на верхнем этаже и начинает спускаться обратно вниз. Вики сидит у окна, глядя на ребят в саду. Представляю, как давно она не проводила время с ровесниками...

– Привет, Вики. Вы хотели меня видеть?

Она неуверенно улыбается. Выглядит по-прежнему ужасно худой, особенно в просторной одежде.

Я показываю на стул, она кивает.

– У вас есть все необходимое? Кормят тут вроде неплохо... Ну, в смысле, могло бы быть и хуже.

Вики слегка усмехается.

– Так о чем вы хотели поговорить? – спрашиваю я, подаваясь вперед.

Она молча смотрит на меня.

– Вы сказали, что это важно. Может, сообщите нам свое полное имя и тогда мы сумеем найти ваших родных?

Вики дергает край своего джемпера. Когда она отвечает, я впервые слышу ее голос – нормальный голос, не шепот, как прежде. Звучит ниже, чем я ожидал. И мягче.

– Я видела новости. По телевизору.

Я не спешу откликаться, но в голове уже появилась мысль.

На ее глазах выступают слезы.

– Тогда-то я и вспомнила. Этот старик, он говорил, что держал у себя другую девушку. А потом закопал ее в саду. Я думала, он просто запугивает меня...

– Он сказал еще что-нибудь? Как ее звали, что он с ней сделал?

Вики качает головой.

– Больше ничего не помните?

Снова нет.

Этого все равно должно хватить.

Перед уходом я останавливаюсь в дверном проеме и вижу, что Вики снова смотрит в окно. Как будто меня здесь и не было.

* * *

Беседа по телефону с Ребеккой Хит

8 мая 2017 года, 16.12

Беседу провел детектив-констебль Э. Бакстер

Р.Х.: Это детектив-констебль Бакстер?

Э.Б.: Да, чем могу помочь?

Р.Х.: Меня зовут Ребекка Хит. Как я понимаю, вы пытались со мной

связаться. Я – бывшая жена Роба Гардинера.

Э.Б.: Ах да, госпожа Хит, мы и впрямь оставляли вам несколько сообщений.

Р.Х.: Я не перезванивала, потому что не хотела ввязываться в эту историю. Пытаюсь двигаться дальше, но в новостях говорят, что вы арестовали Роба. За убийство Ханны.

Э.Б.: Мы действительно произвели арест, однако раскрывать детали я, к сожалению, не могу.

Р.Х.: Что ж, если это все же Роб, вы взяли не того. Я ходила к ним в тот вечер, 23 июня.

Э.Б.: Вы разговаривали с Гардинерами накануне исчезновения Ханны?

Р.Х.: Не совсем. Моя мать сильно заболела, и я подумала, вдруг Роб пожелает ее навестить. Они были очень близки.

Э.Б.: В своих первоначальных показаниях вы заявили, что находились в Манчестере в день, когда пропала Ханна, и эта информация подтвердилась.

Р.Х.: Все верно, там живет моя мать. Утром 24 июня я села на самый первый поезд до вокзала Манчестер-Пикадилли, который отходит ужасно рано, в 6.30 или около того. Однако вечер перед этим я провела в Оксфорде.

Э.Б.: Вы отправились на Кресент-сквер?

Р.Х.: Звонить я не хотела, чтобы не наткнуться на Ханну, вот и решила зайти. Надеялась застать Роба одного, но увидела ее, как только повернула на их улицу.

Э.Б.: Во сколько это было?

Р.Х.: Ближе к восьми. Роб помогал ей донести покупки. Припарковалась она, видимо, где-то подальше – машину я не заметила.

Э.Б.: И как они выглядели?

Р.Х.: Счастливыми. Роб приобнял ее, Ханна улыбалась. Мило до банальности, если честно.

Э.Б.: И что вы сделали?

Р.Х.: Решила подождать. Сидела на лавочке; через окно видела, как они что-то готовят. Шторы не были занавешены. Разглядела Тоби, которого Роб в какой-то момент усадил себе на плечи.

Э.Б.: Но в дверь так и не постучали?

Р.Х.: Нет. Ушла минут через пятнадцать.

Э.Б.: Почему вы не упомянули об этом два года назад?

Р.Х.: Вы и не спрашивали. В любом случае все утверждали, что видели Ханну в Уиттенхэме на следующее утро. Так какая разница, где она

провела вечер?

Э.Б.: Их няню случайно не видели?

Р.Х.: Вот ее в квартире точно не было.

Э.Б.: Почему вы так уверены?

Р.Х.: Видела ее на Банбери-роуд на обратном пути. Я знаю ее в лицо – встречала пару раз вместе с Тоби. В тот вечер она сидела на улице с парой ребят. Студентов, наверное. Все были пьяные.

Э.Б.: Благодарю вас, госпожа Хит. Вы сможете прийти в участок и дать официальные показания?

Р.Х.: Если понадобится, то да. Честно скажу, я терпеть не могла Ханну, но Роб не убивал ее. Это я точно знаю.

* * *

В машине я достаю телефон.

– Куинн? Это Фаули.

– Вы где? Никак не мог дозвониться.

– В Вайн-Лодж. Вики хотела поговорить.

– Послушайте, звонила бывшая жена Гардинера. Она видела, где находились тем вечером Роб и Пиппа. Если она говорит правду, то я не представляю, как он мог убить Ханну.

– Знаю. Вики кое-что вспомнила. Харпер хвастался, что убил еще одну девушку и закопал ее в саду. Речь наверняка о Ханне. Она погибла на Фрэмpton-роуд, и убил ее Уильям Харпер. Эти дела все время были связаны – как раз через него. Осталось только доказать это.

– Хорошо... – начинает сержант.

– И вот еще, Куинн, – перебиваю я. – Вызови опять няню Гардинера... как ее там... Пиппу. Похоже, она рассказала нам очень неправдоподобную историю. Пусть не думает, что ей все сойдет с рук.

– Уверены? – спрашивает он после паузы. – Она же просто глупая девчонка. Так ни в чем и не обвинила Гардинера. Наверное, просто хотела перестраховаться...

Соврешь три раза – и вылетишь. Таковы правила Фаули.

– Ты чего вдруг так размяк, Куинн? Она солгала – солгала при даче письменных показаний. Немедленно отыщи ее и предъяви ей, черт возьми, обвинение.

Я прямо слышу тревогу Куинна.

– Обвинение в чем?

– В неисправимой тупости для начала.

И что-то мне подсказывает, что виновна в этом не только нянька.

* * *

Полтора часа спустя я сижу в машине у собственного дома, погруженный в свои мысли. Отодвигается шторка, и я понимаю, что пробыл тут слишком долго. Она будет волноваться. Я выхожу из машины, таща за собой пиджак, лежавший на переднем сиденье. Она встречает меня, открыв дверь раньше, чем я к ней подошел. Стоит в круге бледно-желтого света. Моя прекрасная босоногая жена.

Наливая мне бокал вина, Алекс вдруг понимает, что затянувшееся молчание – вовсе не признак спокойствия.

– Ты в порядке?

– Встречался с Вики. Харпер похвалился ей, что уже убивал. Что похитил другую девушку и закопал ее в саду.

У нее заметно учащается дыхание.

– Ханну?

Я киваю.

– Значит, это не Гардинер.

– Нет, не Гардинер.

Я делаю глоток вина, и по моим сосудам разливается тепло.

– Так зачем же она соврала? Та девушка, что дала против него показания.

– Гардинер вышвырнул ее из дома, потому что она забеременела от другого. В общем, решила ему отомстить.

Алекс смотрит в сторону сада.

– «Как жаль, что она шлюха»^[20].

– Что, прости?

– Это дело превращается в настоящую трагедию мести. – Она качает головой.

– Так называлась пьеса, на которую мы ходили... Где это было?

– В Стратфорде. Правда, смотрели мы «Женщины, остерегайтесь женщин»^[21], но все эти произведения рассказывают об одном: мечь, насилие, подмена одного человека другим. А еще кровь. Сколько же в них пролито крови...

Теперь я вспомнил. Тогда из театра я вышел весь забрызганный кровью, и в кои-то веки она была искусственной.

Когда чуть позже я выхожу из дома, чтобы забрать кое-что из машины, то замечаю некое движение наверху. У окна стоит мальчик и смотрит на меня. Подброшенный ребенок, живущий в комнате моего сына.

* * *

Роб Гардинер заходит в свою квартиру и тихонько закрывает за собой дверь. Он нес спящего малыша на руках и теперь осторожно кладет его на диван. Поерзав, Тоби переворачивается, не вынимая большой палец изо рта. Гардинер гладит сына по голове. Сгущаются сумерки, и в комнате довольно темно, однако свет он не включает.

Роб выпрямляется и идет к окну, через которое выглядывает в сад. Потом задергивает шторы и устало садится в кресло. Остатки солнечного света отражаются в серебристых фоторамках на каминной полке. Снимки не видно в полумраке, но Роб и так прекрасно знает, что на них изображено: Тоби с Ханной; все они втроем; его супруга отдельно. Жизнь, которая когда-то была у Роба.

Он едва слышно всхлипывает и спешит прикрыть рот рукой, лишь бы не разбудить ребенка. По лицу стекают безмолвные слезы; он сидит в темноте и предается воспоминаниям.

Одним воспоминаниям.

* * *

На следующее утро я первым делом сообщаю команде новости по делу: что сообщила Вики, что выдумала Пиппа и чего не совершал Роб Гардинер.

– А все это значит, – подытоживаю я, – что мы возвращаемся к первоначальной временной шкале, согласно которой в шесть пятьдесят Ханна была жива и звонила Пиппе, а около семи тридцати вышла из дома, взяв Тоби с собой, чтобы поехать в Уиттенхэм. Рабочая гипотеза такова: Ханна отправилась забрать машину с соседней улицы, там встретила Харпера, и старик заманил ее к себе. Как и Вики.

Слышится шорох ног; все понимают, что придется начинать все сначала – ведь у нас по-прежнему нет ни улики, ни места преступления.

– Так что дальше? – устало спрашивает Бакстер.

– Надо еще раз прочесать дом на Фрэмpton-роуд вместе с ребятами Чаллоу.

– Но мы уже были там. Криминалисты проверили каждую комнату...

– Мне плевать. Мы наверняка что-то упустили.

* * *

В коридоре меня ждет дежурный по отделению.

– Инспектор, к вам пришли. Брайан Гау, тот криминалист-психолог.

– Seriously? А я думал, он в Абердине или вроде того...

– Видимо, нет. Попросить его зайти попозже?

– Он не стал бы являться сюда без важного повода. Веди его ко мне. И пусть кто-нибудь сделает нам кофе – нормальный, а не это дерьмо из аппарата.

По дороге меня перехватывает супер, поэтому, когда я захожу в свой кабинет, Гау уже ждет. Я сразу понимаю, зачем он пришел: на столе перед ним лежит ксерокопия дневника Вики. А еще он взял кофе навынос из ближайшей кафешки.

– Откуда это у вас?

– Латте? – удивляется психолог.

– Дневник.

Гау откидывается на спинку стула и кладет ногу на ногу. Дергает стопой, задевая коленку.

– Алан Чаллоу прислал. Решил, что меня это заинтересует. Он был прав.

Я сажусь напротив.

– И?..

– Есть кое-какие мыслишки.

– Поделитесь с простым следователем?

Гау едва заметно улыбается.

– Конечно. Только я хотел бы понаблюдать за девушкой. Можно такое устроить?

– Я попросил Вики приехать в участок, чтобы дать показания. Назначил на завтра; сейчас узнаю, не получится ли ускорить процесс.

Гау тянется за своим кофе.

– Отлично.

Я выхожу, чтобы найти Эверетт и поручить ей связаться с Вайн-Лодж, а вернувшись, застаю Гау перелистывающим копию дневника.

– Больше всего меня смущает ребенок, – говорит он. – Точнее, ее отношение к ребенку. В больнице их пытались оставить вместе, но ничего не вышло, верно?

– Она так раскричалась, что мальчика унесли. Врачи решили не настаивать, иначе было бы только хуже.

– А потом? Они еще контактировали?

– Нет.

Гау хмурится:

– Уверены? Вы же не можете точно...

– Вообще-то могу. Он у меня дома, – неохотно признаюсь я, чувствуя, что к лицу приливает кровь. – Всего на несколько дней, пока ему не

подыщут семью.

Заткнись, Фаули. Заткнись уже.

Гау удивленно смотрит на меня.

– Мда, это не совсем по протоколу...

– Харрисон одобрил, если вам интересно.

После долгой паузы он кивает:

– Ясно. А девушка просила его увидеть?

– Нет. Знаю только, что она плохо отреагировала на телерекламу с ребенком.

Гау складывает вместе кончики пальцев.

– Еще что-нибудь?

– Психиатр из больницы Джона Рэдклиффа предположил, что это посттравматическое расстройство. Что она блокирует воспоминания, частью которых является и ребенок.

Гау медленно кивает:

– Дитя, ставшее плодом насилия, всегда будет напоминать о насилии одним своим присутствием. Возможно, дело именно в этом, если она не сумела к нему привязаться.

Брайан Гау тщательно подбирает слова, уж это мне известно.

– *Если?*

Он снова пролистывает дневник.

– В записях прослеживается четкая психологическая траектория по отношению к ребенку. Сначала страх перед сексуальным насилием со стороны Харпера, затем отрицание новорожденного и, наконец, постепенное принятие ребенка как собственного. Вот, например, она пишет: «Заставляю себя думать, что он мой и не имеет никакого отношения к этому жуткому старому извращенцу».

– И что?

– Я хочу сказать, что все это идет вразрез с ее нынешним поведением. Яростное неприятие, даже игнорирование ребенка совершенно не сходится с тем, что мы видим в дневнике.

– Логично. Только вот отрывок, который вы прочитали, был написан до того, как начали кончаться еда и вода. Может, ее чувства переменялись в результате такой эмоциональной травмы?

Гау качает головой:

– Мне сообщили, что она отдавала все запасы ребенку. А это значит, что девушка ощущала *более* крепкую связь с ним к тому времени, а не наоборот.

– И как вы это объясните?

– Я подозреваю некий сговор. Мысленный, скажем так, сговор. Что-то вроде стокгольмского синдрома^[22]. Поэтому я и хочу сам за ней понаблюдать. – Он откидывается на спинку стула. – Во время разговора скажите ей про ребенка. Только начните нейтрально – говорите, например, не «малыш», а «рождение». Без лишних эмоций. Потом добавьте накала. Посмотрим, как она отреагирует.

* * *

– Как себя чувствуете, Вики?

– Хорошо.

Впервые за все время она и вправду выглядит неплохо, хотя под глазами все еще остаются темные круги. С ней приехал управляющий Вайн-Лодж. Вики поглядывает на него, и тот в ответ улыбается, желая подбодрить.

– Спасибо, что согласились приехать, Вики. Вы нам очень поможете.

Мы с Эверетт садимся, я выкладываю бумаги на стол.

– Выдвинуть обвинение против похитившего вас человека – дело нелегкое. Нам предстоит собрать множество мельчайших улик, а также поговорить с вами несколько раз в течение последующих недель. Если вы не против, мы попросили бы вас приехать сюда, чтобы записать наши беседы на видео, – тогда мы сможем представить их в суде. – А Брайан Гау сможет наблюдать за ней в соседнем кабинете. Вслух я об этом, конечно, не говорю. – Знаю, обстановка тут не самая приятная, но нам так будет удобнее. Что скажете?

Вики смотрит на меня уверенным взглядом.

– Я не против.

– А мистер Уилкокк согласился быть вашим так называемым «попечителем». Он будет следить за тем, чтобы ваши права не ущемлялись.

Она снова улыбается Уилкоксу.

– Если почувствуете, что надо передохнуть, просто скажите.

Я открываю папку.

– Итак, для начала назовите свое имя. Это для записи.

– Вики. Вики Нил.

– Адрес?

– Постоянного нет.

– Предыдущее место жительства?

– Снимала комнату в Восточном Оксфорде. Мне там не особо нравилось.

– На какой улице?

– Клифтон-стрит. Пятьдесят второй дом.

– Как звали домовладельца?

Вики пожимает плечами:

– Не знаю. Рашид или вроде того... Азиат. Я прожила там всего пару недель.

– А до этого? – Эверетт отрывает взгляд от своего блокнота. – Где ваш родной дом?

– В Харлоу. Но это не мой дом.

– Нам хотелось бы знать точный адрес.

Вики неуверенно смотрит на Уилкокса.

– Разве вы не хотите, чтобы ваши родители узнали, где вы? Вы пропали так давно...

– Отец умер. Матери на меня плевать. Говорит, я уже взрослая девочка, а ей надо заботиться о новой семье. Наверняка она переехала. Собиралась двинуть куда-нибудь на север со своим новым парнем...

Знаю, достал уже всех своими «правилами Фаули», однако опыт подсказывает, что три ответа на один вопрос – не очень хороший знак. Хотя боль в ее глазах кажется неподдельной.

– В любом случае мы сможем ее найти. Вы не будете возражать, если мы свяжемся с ней? – спрашивает Эверетт.

– Как хотите, – не сразу отвечает Вики. – Вот увидите, она и слушать не захочет.

– Даже когда узнает, какие испытания выпали на вашу долю? Любая мать...

– Только не моя. Эта скажет, что я сама виновата. Что я сглупила.

Вики пытается сморгнуть слезы и не заплакать. Я вдруг представляю, как она выглядела в детстве.

– Можете рассказать, как все произошло? – осторожно прошу я. – Как доктор Харпер вас похитил? Понимаю, что это очень тяжело, но нам нужно услышать все с самого начала.

Она протирает глаза тыльной стороной ладони.

– Я хотела снять другую комнату, шла ее посмотреть, и тут у меня сломался каблук. Я присела на забор. Он вышел и предложил починить. На вид был вполне нормальный, не какой-нибудь там псих. Напомнил мне папу. Вот я и согласилась зайти.

– Когда именно это произошло? – уточняет Эверетт.

– В июле две тысячи четырнадцатого. Пятого июля. Я помню точно, что в ночь перед этим пускали салюты и кто-то сказал, что это

американцы.

– И сколько лет вам тогда было?

– Шестнадцать. Мне было шестнадцать.

Эверетт подает ей снимок Харпера.

– Вики, можете подтвердить, что речь идет об этом человеке?

Взглянув на фотографию, она отводит взгляд и кивает.

– Он налил вам чай, верно? – спрашиваю я.

– Да. День стоял очень жаркий, а ничего холодного у него не нашлось.

Видимо, он что-то туда добавил, потому что вот я сидела на его жуткой
вонючей кухне, а потом раз – и очнулась в подвале.

– Он держал вас там, держал в подвале и насиловал?

– Да, – шепотом отвечает Вики.

– Страшно представить, через что вы прошли.

Ее губы подрагивают; она кивает.

Я переворачиваю страницу в своих записях.

– Расскажите про еду и воду?

– В смысле, про еду и воду? – удивленно переспрашивает Вики.

– Простите, я понимаю, что вам трудно, однако стороне обвинения
придется объяснять подобные вещи присяжным.

– Хорошо, я поняла. Он оставлял бутылки с водой и еду в консервных
банках. Стариковская еда: персики, противное рагу... Он дал пластиковую
ложку. Руки у меня были связаны спереди в районе запястий, но есть
получалось.

– И писать. – Я улыбаюсь ей. – Вы молодец. Мало у кого хватило бы
самообладания, чтобы делать записи.

Она поднимает подбородок.

– Я хотела, чтобы все узнали о случившемся. Писала с мыслью, что
если я умру, люди будут знать, что он натворил.

– Не только с вами, но и с другой девушкой.

– Он хвалился, что закопал ее в саду, а я не верила. Думала, хочет
просто напугать меня. Заставить делать все, что он пожелает.

– Он не рассказывал, как убил ее? И когда это случилось?

У Вики округляются глаза.

– Точно не помню, но к тому времени я уже долго находилась
в подвале.

– А всего вы пробыли там почти три года?

– Я не знала, сколько лет прошло, пока не выбралась. – Вики издает
что-то вроде всхлипывания.

– И он держал вас там, даже когда вы забеременели?

Она кивает.

– Наверняка он выпустил вас, как только начались схватки?

Вики опускает голову. Затем поднимает на меня глаза, полные слез.

Раздается стук в дверь, к нам заглядывает один из детективов-констеблей. Я подхожу к нему.

– Извините, что отвлекаю, босс. Вас зовут, – тихо говорит он и с многозначительным взглядом добавляет: – *В соседний кабинет.*

Обернувшись, я вижу, что Вики прильнула к Уилкоксу и беззвучно плачет.

– Мне очень жаль, Вики. Я не хотел вас расстраивать. Пожалуй, для первого раза достаточно?

– Да, на сегодня хватит, – отвечает за нее Уилкокс.

– Тогда завтра часиков в десять, хорошо?

Кивнув, управляющий помогает ей встать.

Я смотрю, как они идут по коридору и проходят через распашные двери. В какой-то момент Уилкокс легонько касается плеча Вики.

* * *

Когда я захожу в кабинет, Гау отматывает съемку интервью.

– Вот оно, – говорит он, не глядя на меня. – Где вы спросили про еду и воду. Перед ответом она опускает глаза, потом смотрит направо. Если верить постулатам нейролингвистического программирования – а я, кстати, им верю, – то это главный признак лжи. К тому же, когда вы задали ей этот вопрос, она его повторила. С другими вопросами такого не было. Тут она пыталась оттянуть время. – Гау подается вперед и показывает. – И поднесла руку ко рту, когда начала отвечать. Смотрите.

– То есть она говорила неправду?

– Точно не «всю правду и ничего, кроме правды». – Он откидывается на спинку и смотрит в мою сторону. – Похоже, я не ошибался насчет сговора – думаю, она пришла к какой-то договоренности с Харпером. Согласилась из отчаяния, а теперь стыдится. Стыд нынче – чувство старомодное; современный мир уверяет нас, что мы не должны стесняться своих поступков или мыслей. И все же стыд проявляется через психику – в ненависти к самому себе, в раскаянии, отвращении. Эти эмоции обладают невероятной мощью, особенно когда субъект отрицает случившееся. Не знаю, что она такого сделала, но девушка явно не хочет в этом сознаться – ни вам, ни самой себе, судя по увиденному.

Закончив, Гау начинает протирать очки. Такой вот у него «сигнал», хотя мне все не хватает храбрости сказать ему об этом.

– Но это ведь не значит, что вся ее история – выдумка?

Эксперт снова надевает очки.

– Конечно нет. Однако в том доме определенно случилось нечто такое, о чем мы пока не знаем.

– И как нам узнать правду? Харпера не спросишь, он по-прежнему утверждает – когда в голове у него проясняется достаточно, чтобы говорить, – что вообще ничего о ней не знал.

Гау видит, как я раздражен. Глянув на часы, он встает.

– Вы же детектив, Фаули. Уверен, вы справитесь.

Тренькает телефон. Это сообщение от Бакстера.

Я на Фрэмpton-роуд. Кажется, Сомер что-то нашла.

Перед уходом Гау замирает в дверях:

– Думаю, стоит еще раз покопаться в дневнике. Не могу указать, что именно, но что-то в нем явно не так.

* * *

У дома на Фрэмpton-роуд стоит констебль в форме, изнутри доносятся звуки. Сверху. В ванной на первом лестничном пролете вскрыты половицы, старинный линолеум скатан в угол. В хозяйской спальне снят ковер. Тонкий запах люминола начинаешь замечать, только когда часто с ним сталкиваешься.

Все на верхнем этаже: Бакстер, криминалист Нина Мукерджи, Эрика Сомер и еще один полицейский в форме, имя которого я забыл.

– Что у нас тут?

Бакстер показывает рукой на Эрику, как бы говоря: «Это все она придумала. Если что, я не виноват».

– Сюда, сэр. – Сомер зовет меня в комнату. Судя по низкому окошку в крыше и маленькому чугунному камину, когда-то здесь находилась спальня прислуги. – Вы подумаете, что это безумная идея, опять мои учительские замашки... – извиняющимся тоном продолжает она.

– Нет-нет, продолжайте. У нас кончились версии. Вся надежда на безумные идеи.

Она слегка краснеет, и ей это идет.

– Ладно, предположим, что Ханна действительно погибла в этом доме...

– Так и было. Я уверен.

– Однако криминалисты ничего не нашли. А такого быть не может.

– Не может, точно.

– Вот именно. Улики *должны* быть здесь, – уже настойчиво говорит Сомер. – Просто мы их не нашли.

– Как не устает повторять Чаллоу, они проверили люминолом все полы...

– А что, если нам нужно смотреть не на полы?

– О чем это вы?

Эрика оборачивается и показывает наверх:

– Смотрите.

Тусклое коричневое пятно, более темное по краям и, что интересно, в форме сердца. Конечно, от сырости и старости весь потолок покрылся пятнами, но это совсем другое. Оно глубже. Крупнее.

– Сухое, я проверила. Знаю, прозвучит бредово – как это она могла умереть там, наверху? – но в сериале «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» была такая сцена...

Уже не слушая, я выскакиваю на лестничную площадку. Люк, ведущий к чердаку, расположен прямо над лестницей. Людей Викторианской эпохи не особо волновала безопасность.

– Разве туда никто не заглядывал?

– Должны были, но кто-то, видимо, схалтурил, – оправдывается Бакстер. – Извините, сэр.

– Что ж, тогда посмотрим сами.

Бакстер находит в соседней комнате стул, на который я и встаю. Задвижка тугая, и я с силой давлу на нее, хотя со стула все равно туда не залезу.

– Бакстер, есть фонарик?

– В машине, сэр. А в оранжерее я видел приставную лестницу.

– Отлично; ты – за фонариком, я – за лестницей.

Когда он возвращается, я пытаюсь просунуть лестницу в люк.

– Давайте я подержу, сэр, – спешит помочь Сомер. – Шею можно сломать, если свалиться оттуда.

Я поднимаюсь, дергаю засов; люк открывается и с грохотом падает на пол. Чувствуется сквозняк, в лицо летит пыль и какие-то песчинки. Дойдя до последней ступеньки, я подтягиваюсь, чтобы сесть на край люка. О том, что будет с брюками, даже думать не хочется. Сомер подает фонарик, я включаю его и вожу вокруг себя. Коробки, всякий хлам, кучи барахла. То же самое, что и в подвале. По стене тянутся провода от колокольчиков для прислуги. Видны надписи: «Утренняя столовая», «Гостиная», «Кабинет». В дальнем углу в плитке дыра размером с кулак.

Я медленно встаю на ноги, пригнувшись, чтобы не задеть балки, и осторожно иду вперед. Большинство досок не закреплены и слегка покачиваются под моим весом. Вдруг на меня надвигается что-то из темноты, касаясь кожистыми крыльями моего лица...

Наверное, внизу услышали мой крик.

– Всё в порядке, сэр? – слышится голос Бакстера.

Сердце все еще бешено стучит.

– Да это всего лишь летучая мышь. Напугала меня...

Я делаю глубокий вдох и пытаюсь собраться с мыслями. Понять, где расположено то пятно на потолке. Кстати, тут есть что-то еще. Бесформенное, сжатое. Позвав Нину, я направляю луч света в сторону находки. Нина протискивается вперед и надевает перчатки. Затем аккуратно поднимает вещь, и мы видим темное засохшее пятно.

* * *

Открыть его получается не сразу. Полиэтилен так усох и потрескался, что не хочет лежать ровно на лабораторном столе. Стажер шутит, сравнивая его со свитками Мертвого моря, которые так же сложно развернуть, однако, поняв свою бестактность, тут же замолкает. Дальше работа идет в тишине, пока не получается целиком развернуть материал под ярким светом подвесной лампы.

Нина Мукерджи звонит Чаллоу. Через несколько минут он появляется, надевает лабораторный халат и подходит к столу.

– Итак, это то, что мы думали?

Нина кивает.

– Автомобильный чехол. Вероятно, семидесятых годов и, вероятно, от «Форда Кортины» на подъездной дорожке.

Все вместе они разглядывают находку. Здесь все видно и без люминола.

– Боже, – шепчет Нина. – Он даже не потрудился смыть кровь.

* * *

Ботли-роуд, семь вечера. В Вайн-Лодж звуки доносятся только из кухни: приглушенные голоса, смех, открывающаяся и закрывающаяся дверца холодильника. В комнате Вики тихо, но не потому, что она спит.

Девушка сидит на кровати, крепко прижав колени к груди и едва заметно раскачиваясь. Услышав какой-то шум с лестничного пролета, она поднимает голову. Подбегает к двери и пробует ручку – легко поддается. Какое-то время Вики просто стоит там и тяжело дышит, сжав кулаки так, что костяшки проступают сквозь синеватую кожу.

* * *

Отправлено: Вт 09/05/2017 в 19.35, пометка: Важно
От: AlanChallowCSI@ThamesValley.police.uk
Кому: DIAdamFawley@ThamesValley.police.uk,
CID@ThamesValley.police.uk

Тема: Фрэмpton-роуд – срочно

Кажется, я придумал, как проверить твою теорию насчет дневника. Кстати, готовы и другие анализы, которые ты просил. В одном сомневались и перепроверили, но все так и есть. В дальней комнате на верхнем этаже следы мекония. Сам понимаешь, что это значит.

* * *

– Чем это тут пахнет?

Жена Гислингхэма заходит на кухню. Он стоит у плиты в фартуке, через плечо перекинута полотенце, в руке лопатка. Крис чертовски наслаждается происходящим. Билли сидит на высоком стульчике и явно больше интересуется тем, что готовит папа, а не безвкусной кашеобразной массой в своей пластиковой тарелочке.

– Готовлю поздний завтрак, – говорит Гислингхэм. – На работе меня с утра не ждут, вот я и решил извлечь из свободного времени максимум пользы.

– Колбаски? – удивляется Джанет, заглянув в сковороду.

Крис ухмыляется.

– Скромный подарок от признательного члена общества. Который, на мою удачу, оказался мясником.

– Осторожно, а то еще скажут, что ты берешь взятки...

Гислингхэм вскидывает руки, делая вид, будто испугался.

– Споймали мене на хабаре. – Он изображает акцент кокни.

– Так они говорят? – Джанет поднимает бровь.

Рассмеявшись, Гислингхэм отрезает кусочек готовящейся колбаски.

– Попробуй.

Джанет нерешительно смотрит на угощение, но все же снимает его с кончика ножа – перед запахом не устоять.

– Ай, горячо! – вскрикивает она и машет рукой перед ртом.

– Вкуснятина, правда?

Джанет кивает:

– И где такие продают?

– На Коули-роуд. Традиционные английские колбаски.

– Как давно я их не готовила...

Гислингхэм не помнит, когда супруга вообще в последний раз что-то готовила, да и не важно. Главное, что она улыбается.

– У тебя тут жир на подбородке. – Он вытирает капельку пальцем, кладет лопатку в сковороду и обнимает Джанет. Билли начинает что-то бормотать, и Крис подмигивает сыну.

Все у них будет хорошо.

* * *

В столовой Куинн уже шестой день переживает свой личный кошмар. От него исходит такое количество негативной энергии, что никто не хочет сидеть с ним рядом, хотя в это время дня свободных мест тут не найдешь. Куинн заглядывал на Белфорд-стрит, где вроде бы временно обосновалась Пиппа, но никого не застал. Он швыряет телефон на стол рядом с тарелкой. К яйцам с беконом едва притронулся. Конечно, Пиппа теперь знает его номер и поэтому не берет трубку. Надо попробовать с другого мобильного, а обратиться сейчас можно только к одному человеку.

Куинн обводит взглядом столовую. И где этот чертов Гислингхэм?

* * *

Ближе к десяти часам Вики и управляющий Вайн-Лодж снова сидят в первом кабинете для допросов. Мы с Гау наблюдаем за ними по видео. Как только они приехали, я отвел Уилкокса в сторону и узнал, что Вики так и не спрашивала про мальчика.

Гау посматривает на бумаги, которые я держу в руке.

– Ловко вы придумали – попросить Чаллоу провести анализ дневника.

– Вы же сказали, что с ним что-то не так. Дальше интуиция подсказала.

– Поэтому вы отличный следователь. Только теперь у вас проблемка, да?

Я поворачиваюсь к Гау:

– Вам придется предоставить результаты анализов адвокату Харпера.

– Знаю. И мы все понимаем, что он с ними сделает, – скривившись, отвечаю я.

В дверь стучат.

– Готовы, сэр? – спрашивает Эверетт.

* * *

Когда Гислингхэм наконец приходит на работу, первым делом он

отправляется на поиски Куинна.

– Получил доступ к ее мобильному? – спрашивает Крис, присев на краешек стола Куинна, что обычно страшно раздражает сержанта. Как говорится, кот из дому – мыши в пляс. А когда кота схватила злая собака, то мышам позволительны еще бóльшие вольности.

Гарет качает головой:

– В мировом суде сказали именно то, что ты и предполагал. – Выглядит сержант еще хуже, чем вчера, если такое вообще возможно. – Теперь Фаули хочет, чтобы я нашел ее и предъявил обвинение в даче ложных показаний, но по адресу, который она оставила, пусто. На звонки тоже не отвечает.

– Наверное, запомнила твой номер. Давай я позвоню со своего.

Гислингхэм набирает цифры на мобильном и ждет.

– Не берет, – наконец говорит он. Даже его неутомимый оптимизм начинает понемногу иссякать. Или нет?

Куинну кто-то позвонил, и, разговаривая, он яростно жестикулирует, привлекая внимание Криса.

– Уверен? Сказала, что ее зовут Пиппа Уокер? – Пальцы Куинна сжимаются в кулак. – Вудс, ты, черт возьми, мой спаситель...

* * *

– Спасибо, что пришли еще раз, Вики, – говорю я, присаживаясь. – Сегодня со мной опять будет детектив-констебль Эверетт, если вы не против. Она поможет мне ничего не упустить.

Вики слегка улыбается и кивает. Снова теребит край джемпера.

– Начну с того, что хочу поблагодарить вас за информацию о той, другой девушке. Мы повторно обыскали дом и кое-что обнаружили. Полиэтиленовый чехол.

Она ловит мой взгляд. Губы двигаются, но слов не слышно.

– На нем кровь – пропавшей девушки, как мы полагаем. Похоже, вы были правы. Он действительно убил ее.

На мгновение Вики закрывает глаза и опускает голову.

Я смотрю на Эверетт – та едва заметно кивает мне.

– Боюсь, Вики, нашли мы не только чехол, – продолжаю я, сделав глубокий вдох. – На верхнем этаже дома три пустых комнаты. Похоже, никто не жил в них уже многие годы. На всякий случай мы решили проверить их – и в самой дальней комнатухе нашли следы необычного вещества. Его совсем мало, но стереть такое невозможно даже с помощью тщательной уборки. Современные технологии позволяют его распознать.

Вы знаете, о каком веществе идет речь?

Она никак не реагирует.

– Это меконий. Отходы, которые формируются в кишечнике ребенка, пока он находится в утробе матери. Его ни с чем не спутаешь, и он присутствует в организме в течение лишь нескольких часов после рождения. Значит, в той комнатухе был ребенок. Более того, он там *родился*. Другого объяснения нет.

Вики поднимает голову и бросает на меня дерзкий взгляд.

– Почему вы нам не сказали?

– Поскольку знала, что вы начнете меня обвинять. Именно это вы сейчас и делаете.

– Обвинять в чем, Вики?

– В том, что я не сбежала, не вырвалась оттуда.

– Так почему? Почему вы не сбежали?

– Послушайте, он выпустил меня, только когда отошли воды. И ни на секунду не оставлял одну. Я никак не могла улизнуть. *Никак*.

– Сколько времени вы провели наверху? – спрашивает Эверетт, оторвавшись от записей. – Приблизительно.

Вики пожимает плечами:

– Пару часов ночью. Снаружи было темно. Так что же, вы меня в чем-то обвиняете? Этот ублюдок насильвовал меня, делал со мной *отвратительные* вещи...

– Мы в курсе, Вики, – тихо перебиваю я.

– Тогда почему вы разговариваете со мной как с преступницей?

– Вики, я понимаю – да мы все понимаем, – что вы просто пытались выжить. На мой взгляд, нет ничего постыдного в том, что вы пошли на некий компромисс с похитившим вас человеком...

– Я и не *стыжусь*, – заявляет она, глядя прямо на меня и положив руки на стол, – потому что не соглашалась ни на какой компромисс с этим противным, старым извращенцем. Вам это ясно? – Ее щеки пугающе краснеют.

– Хорошо. – Я копаюсь в бумагах и меняю тему. – Вчера вы сказали, что доктор Харпер приносил вам еду в консервных банках, все верно?

Она закатывает глаза:

– *Опять* всё с самого начала?

Уилкоккс бросает на меня взгляд, который как бы говорит: «Что за игру вы затеяли? Не видите, как она разволновалась?»

Разволновалась, да. Только совсем по другой причине.

– А что насчет вашего ребенка, Вики? Доктор Харпер приносил еду для

вашего малыша?

На последнем слове она заметно дергается.

– Я кормила грудью. Не хотела, но старик заставил. На время кормления развязывал мне руки.

– Да, точно. Правда, меня смущает кое-что еще...

– И что же? – спрашивает Вики, откинувшись назад и сложив руки на груди. Язык тела так выдает ее, что я все понимаю даже без помощи Гау.

– В мешке с мусором, что мы нашли в подвале, были баночки из-под детского питания. Значит, вы кормили ребенка не только молоком?

– Да, старикан приносил всякую детскую еду, – отвечает Вики, разглядывая ногти. – Правда, только в последнее время. Когда тот вырос.

– Где же доктор Харпер ее доставал?

– *Мне*-то откуда знать! – срывается она. – Я же не покупала ее *вместе* с ним. Он мог взять еду где угодно. Там полно магазинов.

– Вообще-то близ Фрэмpton-роуд их на удивление мало. А в пешей доступности вообще почти нет. Доктор Харпер не водил машину уже больше года, а из-за артрита и передвигается плохо. Пешком он мог дойти только до двух магазинов. Вчера констебль Эверетт побывала там.

– И пообщалась с персоналом, – подхватывает Верити. – Все они узнали доктора Харпера на фотографии. Часто обслуживали его, в основном продавали ему пиво. Но не детское питание.

– А подобное, как вы понимаете, – продолжаю я, – наверняка запомнилось бы. Старик – и вдруг просит детские пюрешки...

– Босс, он ведь еще заказывал еду из супермаркета, – спешит добавить Эверетт. – Может, оттуда ему и приносили эти баночки?

Вики попадает на крючок.

– Да, оттуда. Теперь я вспомнила.

Я заглядываю в папку.

– Вы правы. Часть мусора в подвале действительно составляли упаковки от продуктов из супермаркета, где доктор Харпер делал заказ. Проблема в том, что детского питания в его списке не было, мы проверили. Доставку еды организовал его сотрудник, и перечень продуктов не менялся.

– Слушайте, я была *в подвале*, – говорит Вики, глядя на меня. – Понятия не имею, где он брал детское питание.

– Мы сняли отпечатки с этих баночек. На них ваши «пальчики», Вики, и чьи-то еще, смазанные. И ни одного отпечатка доктора Харпера. Его следы есть на других упаковках из-под еды, но не на детской. Как вы это объясните, Вики?

– Это вы у него спросите, а не у меня, – говорит она, пожав плечами.

– Спросим, обязательно спросим. Только вот, честно говоря, он не в самом лучшем состоянии...

– Вот и *хорошо*, – перебивает она. – Надеюсь, он сгорит в аду за то, что сотворил со мной. Ну что, мы закончили? Я уже устала.

– Осталось немного, потерпите. В суде вас будут спрашивать про самые мелкие детали, и мы должны знать, как вы ответите. Например, про дневник.

Вики хмурится.

– И что с ним?

– Я попросил нашего эксперта-криминалиста еще раз взглянуть на ваши записи. Он обнаружил кое-что, чего мы раньше не замечали. И даже не догадывались проверить.

Она молчит, однако заметно настораживается, прищурился глаза.

– Так вот, криминалист воспользовался одной штукой под названием «электростатическая система выявления и исследования давленных текстов». Древний прибор, я вам скажу.

Настолько древний, что провел последние пятнадцать лет в дальнем углу шкафа. Впервые за все время я порадовался склонности Алана Чаллоу копить всякое барахло.

– Несмотря на возраст, этот аппарат умеет выполнять одну полезную функцию, – продолжаю я. – Он показывает, какое давление применялось к бумаге. То есть с какой силой пишущий сжимал ручку, останавливался ли во время написания. В вашем дневнике давление оказалось поразительно равномерным.

– И что с того?

– Это довольно необычно для записей, которые велись на протяжении двух лет. Такое скорее свойственно листкам, исписанным в одно и то же время.

Уилкоккс ерзает на своем стуле. Не представляю, что сейчас творится у него в голове.

– От остальных отличалась только последняя страница. Та, где вы пишете, что кончается вода, и умоляете, чтобы кто-нибудь вас нашел...

Вики стучит ладонями по столу.

– Потому что я думала, что *умру!* Как вы не понимаете?

– Я все понимаю, Вики.

– Может, сделаем перерыв? – предлагает Уилкоккс, глянув на свою подопечную. – Все это очень тяжело.

– Хорошо. Я попрошу принести вам кофе, встречаемся через полчаса.

* * *

В штабе полно народа. Даже Гау здесь. Не видно только Куинна и Гислингхэма. Тут что-то явно происходит, но что именно, я пока не пойму. И Гис тоже оказался втянутым в это.

– Харпер *выпускал ее?* – изумленно спрашивает Бакстер, заметив нас. – Какого черта она не попыталась сбежать?

– Бакстер, она ведь тогда только что родила...

– Понятно, но она же не была полностью обездвиженной, сэр? Могла бы разбить окно, позвать кого-нибудь... Могла сделать хоть *что-то*.

Эверетт принимает задумчивый вид.

– В чем дело, Эв?

– Когда Дональду Уолшу предъявляли обвинение, он сказал, что слышал в доме какие-то звуки. Наверху. Он думал, это соседский кот, сиамский. У моей тети был такой – слышали бы вы, как он завывает... Пугающе похоже на ребенка.

– На что ты намекаешь? – спрашивает Бакстер.

– Откуда нам знать, что Вики оставалась наверху только во время родов? Может, Харпер выпускал ее чаще, – предполагает Эверетт. – Может, она покупала детское питание *сама*.

– Такое возможно? – обращаюсь я к Гау. – Вы упоминали некий сговор...

Любитель театральных пауз, тот отвечает немного погодя:

– Да, вполне возможно. Вот вам и сделка: Харпер на время выпускает девушку из подвала в обмен на некие уступки с ее стороны.

– Вы имеете в виду секс? – задает вопрос Эверетт.

– Скорее всего. Но не изнасилование. Может, она соглашалась притвориться, будто у них своего рода отношения или даже семья. В дневнике есть соответствующие намеки.

– Все равно не понимаю, почему она не сбежала, раз Харпер выпускал ее из подвала, – говорит Бакстер. – И тем более если он разрешал ей выходить на улицу.

Гау обводит взглядом комнату.

– Довольно типичный случай для подобной ситуации. Похититель разлучает мать и ребенка на долгий период времени, чтобы ослабить связь между ними. Вероятно, Харпер иногда отпускал девушку, но держал ребенка взаперти. То есть мальчик становился заложником, и мать не могла его бросить.

– Вот уж сомневаюсь, – продолжает настаивать на своем Бакстер. –

Думаю, Вики запросто оставила бы там сына и смылась.

Гау слегка улыбается:

– Я просто рассматриваю варианты, констебль. Составление психологического портрета – это вам не нажать кнопку и тут же получить ответ. Понять, что именно *произошло*, – как раз задача Управления уголовных расследований.

Открывается дверь, заходит один из констеблей в форме. Он несет поднос с кофе и баночку колы. Заметив меня, сообщает:

– Пришла ваша жена, сэр. Говорит, это срочно.

– *Моя жена?*

Алекс никогда не приходит в участок. Seriously, никогда. Она ненавидит это место. По ее мнению, здесь стоит запах лжи. Лжи и туалета.

– Да, сэр, – немного смутившись, отвечает констебль. – Она в приемной.

* * *

Алекс сидит на сером пластиковом стуле у стены. Мальчишка, стоя на соседнем сиденье, выглядывает в окно. Она придерживает его рукой за спину, чтобы тот не упал. Я быстро иду в их сторону.

– Тебе нельзя сюда, – шепчу я.

– Прости, знаю, ты сильно занят...

– Дело не в этом. Вики здесь, в участке. Неловко получится, если она увидит малыша.

Мальчик начинает стучать по стеклу, и Алекс берет его за руки.

– Так в чем дело, Алекс? Почему ты не позвонила?

– Я дочитала ту книгу. «Комната», про запертую девушку.

– Точно, – вспоминаю я. – Но мне правда пора идти; может, расскажешь вечером?

– Там в конце такой момент, когда она выходит на свободу. Ее сын вынужден приспособливаться к миру, которого раньше не знал.

– И что?

– Он учится делать то, чего никогда не делал прежде, потому что всю жизнь провел в одной комнате. В комнате *без лестницы*.

Я смотрю на парнишку: он опять стучит по стеклу и заливается смехом. Я пытаюсь вспомнить, пытаюсь представить...

– Он умеет, – говорит Алекс, как бы прочитав мои мысли. – Я видела несколько раз.

– И у него сразу получилось?

Алекс кивает:

– Без труда. Он уже точно *поднимался по лестнице*.

* * *

Куинн паркует свою «Ауди» у старого тюремного квартала, который теперь переделали в роскошный отель с мощным двориком, где полно баров и пиццерий. Болтая и улыбаясь, люди пьют кофе и нежатся на солнце.

– Менеджера попросили задержать ее до нашего приезда, – говорит сержант и глушит двигатель.

– Чертовски повезло, что Вудс услышал, как патрульный сообщает по радиации о магазинной краже. – Фортуна решила подбросить Куинну спасительную карту, и Гислингхэм чувствует себя немного обиженным. Может, хотел еще повыслуживаться перед старшим по званию?

Сержант пожимает плечами:

– Он знал, что я пытаюсь найти ее; вот, наверное, и вспомнил имя.

– И это точно та самая Пиппа Уокер?

– Не сомневаюсь. Она стащила дорогуший дизайнерский помпон. Я видел ее сумку, она вся в этих штуках.

– Помпон? Что это еще, черт возьми, такое? – бормочет Гислингхэм, пробираясь вслед за Куинном к перекрестку Карфакс сквозь огромные толпы людей, которые не видят, куда идут, и детей, которые не соблюдают правила и внезапно выскакивают под ноги, сквозь толпы покупателей, зевак и заблудившихся. Магазин высокой моды конечно же находится на Хай-стрит^[23]. В витрине на хромированных кубах красуются драгоценности, туфли, сумки, солнечные очки.

Когда они заходят, Куинн показывает на одну из полок.

– А, так вот что называется помпоном? Откуда ж мне знать...

Менеджер явно поджидала их у двери и теперь быстро отводит в сторону от тощей парочки пожилых американцев, разглядывающих головные платки с леопардовым принтом.

– И где она? – спрашивает Куинн, оглядываясь.

– Я попросила ее подождать в кабинете, – говорит управляющая тихим голосом. – Только она, знаете ли, начала *громко* себя вести.

«Ну еще бы», – мысленно отвечает Гислингхэм.

– Покажете нам? – просит взволнованный Куинн.

Управляющая ведет их к дальнему помещению, которое кажется темным и тесным после просторного и сияющего белизной торгового зала. Сдвигает в сторону коробку с рекламными листовками и открывает дверь в кабинет.

Внутри никого нет. Лишь пластиковый стул, компьютер и забитые документами полки.

– Говорите, держали ее здесь? *И где она, черт возьми?*

– Она не могла выйти через переднюю дверь, я бы ее увидела, – отвечает менеджер, побледнев. – А Хлоя тут все утро занималась инвентаризацией... Ну, точнее, должна была...

Под звук смывающегося туалета открывается другая дверь. Оттуда выходит женщина и, заметив остальных, краснеет.

– Хлоя, ты же обещала присматривать за мисс Уокер, – отчитывает свою сотрудницу менеджер.

– Она ведь в кабинете? – взволнованно спрашивает Хлоя, держа руку на животе. – Я отлучилась всего на минутку – так долго терпела, но у беременных всегда...

Куинн вскидывает руки над головой.

– Черт! Видимо, она услышала нас.

– Тут есть другой выход? – спрашивает Гислингхэм.

– Задняя дверь ведет к Крытому рынку, – показывает управляющая, – но там у нас только мусорные баки...

Она не успевает договорить, как Куинн с Гислингхэмом уже бросаются в указанном направлении. Выскочив на рынок, Гарет начинает заглядывать во все лавки подряд: закусочная, тайская еда на вынос, бутик, пекарня... И везде почему-то полно девушек с такими же длинными светлыми волосами и модным мелированием. Что голоса, что одежда у всех одинаковые. Они обращают на него свои испуганные, раздраженные и ошеломленные лица. Одна даже улыбается. Оказавшись на открытом пространстве в центре, Куинн видит, как Гислингхэм бежит к нему с противоположной стороны. Теперь они вдвоем разглядывают расходящиеся во всех направлениях улочки Крытого рынка. Вокруг багетные мастера, кондитеры, сапожники... Снаружи у цветочного магазина теснятся растения в горшках, плакаты на доске объявлений рекламируют концерты, выставки и спектакли в университетских двориках. Все равно что искать крысу в огромном лабиринте.

– Видишь ее?

– Неа, – отвечает Крис, всматриваясь в толпу. – Мы не в силах сами тут все обыскать, она может быть где угодно.

– Будь ты на ее месте, куда бы спрятался? – тяжело дыша, спрашивает Куинн.

– Может, где-нибудь повыше? – предполагает Гислингхэм.

– Уже лучше. Как там называется эта кофейня?

– «У Джорджины», но ее хрен найдешь в этом...

– Сюда, – перебивает Куинн и бежит.

Завернув за угол, он вскакивает на деревянную лестницу и стремительно поднимается вверх, где едва не сбивает официантку с подносом кофе. Многие посетители поворачивают голову, однако Пиппы среди них нет.

Извинившись, Гарет идет вниз, уже медленнее. Куда, блин, подевался Гислингхэм?

И тут у сержанта звонит телефон.

– Нашел, – говорит Крис. – Маркет-стрит. Давай быстрее.

Куинн выходит из рынка на улицу и сразу понимает, куда пошла Пиппа и почему.

– Она внутри?

– Зашла пару минут назад. – Гислингхэм кивает. – Другого выхода здесь точно нет, так что остается лишь ждать.

– К черту ждать, идем.

– Это ведь женский...

Однако Куинн уже протискивается мимо терпеливо стоящих в очереди женщин, показывая свое удостоверение.

– Полиция, пропустите. В сторонку.

Обиженно бормоча, женщины расступаются. Куинн начинает стучать по дверям кабинок.

– Полиция, выходите.

Из одной кабинки, опустив голову и стараясь не поймать взгляд сержанта, выбегает азиатка с ребенком. Из следующей выходит с трудом передвигающаяся старушка. Затем – крепкая на вид женщина в твидовом костюме, которая во всеуслышание обещает «сообщить об этом вашему начальству». Закрытой остается лишь одна дальняя дверца, к ней Куинн и подходит.

– Мисс Уокер, – громко говорит он, – нам надо поговорить. Откройте дверь, иначе я ее выбью.

Трудно сказать, от чего у Куинна так бешено колотится сердце: то ли после бега, то ли от прилива адреналина.

В наступившей тишине слышно, как в кабинке сдвигается засов.

* * *

В детстве я обожал картинки Эшера. Знаете, такие черно-белые, с разными геометрическими фигурами. Всяких интересных сайтов тогда не было, но я очень любил оптические иллюзии – и в особенности иллюзии Эшера, – поэтому для развлечения мне хватало и бумаги. Одно изображение, «День и ночь», даже висело у меня на стене. Вы наверняка его видели: это картинка, на которой невозможно понять, летят ли белые птицы на фоне темного неба или черные птицы на фоне белого неба. Такое же чувство у меня возникает, когда я захожу в оперативный штаб. Тут главное не то, на что ты смотришь, а с какого ракурса. От него все и зависит.

Увидев выражение моего лица, члены команды замолкают. Я рассказываю им то, что сообщила мне супруга.

Они долго переваривают информацию, потом тишину прерывает Гау.

– Вполне вероятно, Харпер выпускал и ребенка. – Он снимает очки и достает носовой платок. – Девушка могла об этом договориться.

– Но?.. – По его лицу я вижу, что после этих слов следует большое «но».

– Помните, она сказала, что ничуть не стыдится своего компромисса с Харпером? Язык тела подтверждал ее слова. Значит, ее беспокоит что-то другое. И вот я спрашиваю себя: как же объяснить тот факт, что ребенок явно *не* провел всю свою короткую жизнь запертым в подвале, когда госпожа Нил уверяет нас в обратном? Лично я, – Гау надевает очки обратно и смотрит в мою сторону, – склоняюсь к самому простому

объяснению.

Бритва Оккама. Самый простой ответ обычно и является правильным.

По залу проходит гул, собравшиеся с трудом верят в сказанное Гау.

Как же так... Она ведь не могла...

А я думаю, еще как могла.

– Она все придумала, – говорю я. – Что ее похитили, что держали в подвале, – все это выдумка.

Народ изумленно вздыхает. Глянув на часы, Гау встает.

– У меня семинар ровно через тридцать пять минут. Если понадобится, звоните после него.

Когда за ним закрывается дверь, коллеги начинают ерзать на стульях, менять позы. Столько дней мы ходили кругами на одном месте, зато теперь кажется, что время летит невероятно быстро.

– Вполне логично, – отзывается Бакстер, скрестив руки на груди. Наконец-то его точку зрения поддержали. – Незачем сбегать, если тебя и так *никто не держит силой*. Она просто решила пожить там. Таскала у Харпера еду. Неудивительно, что старик похудел.

– Думаете, Вики и вправду жила там почти *три года*? – сомневается Сомер. – Да, она хотела снять дешевую комнату, но это уже какая-то нелепость. И *кто-то* ведь должен был заметить ее присутствие.

Я показываю на снимок.

– Посмотрите, верхним этажом не пользовались многие годы. По соседству долгое время жила старушка, которая вряд ли что-то слышала через толстую общую стену. А единственный человек, который навещал Харпера, проводил в доме всего по пятнадцать минут за раз и никогда не поднимался наверх...

– В отличие от Уолша, – вставляет Бакстер. – Когда тот воровал нэцке.

– Именно, – соглашается Эверетт. – И услышав что-то, Уолш подумал на кота, но я на сто процентов уверена, что это был сын Вики.

– А как же сам Харпер? – спрашивает один из детективов-констеблей. – Мои сорванцы в детстве орали как резаные. Неужели старик *ничего* не слышал, пусть даже он был слегка не в себе?

Воцарившуюся тишину прерывает Эверетт:

– Помните, криминалисты обнаружили снотворное на верхнем этаже? Может, и Вики тоже его нашла? И накачивала Харпера, чтобы вел себя спокойнее...

– И не только Харпера, – тихо добавляет Сомер. – Думаю, она хотела угомонить кое-кого еще.

– Позвоню Чаллоу, – мрачно говорит Бакстер. – Пусть проведет

анализы на взятых у мальчика образцах. Если Вики действительно такое вытворила, криминалисты смогут это доказать.

– Даже небольшая доза представляет опасность для малыша, – качает головой Сомер. – Она же могла убить его.

– Судя по всему, ребенок ее вообще не особо волнует. Между ними определенно *нет* никакой связи. На этой работе все мы частенько сталкиваемся с людьми, у которых неблагополучные отношения, но вот *абсолютно* не связанных друг с другом мать и ребенка я вижу впервые.

– В этом-то и вопрос, да? – негромко откликается Сомер. – В ребенке, а не в отношениях. Само его существование...

– Если старик не удерживал ее в подвале, то и не насиловал, так ведь? – подхватывает ее мысль Бакстер. – При этом анализ ДНК подтвердил, что Харпер *точно* является отцом мальчика. Что же тогда получается? Вики изъявила желание заняться сексом со стариком? С чего вдруг?

Теперь я думаю не о бритве Оккама, а о Гислингхэме. О Гислингхэме, которого, черт возьми, до сих пор нет в участке. О Гислингхэме, который всегда говорит, что если дело не в любви, то мотивом являются деньги...

Вот он, ответ, прямо на доске. Был у нас перед глазами с самого первого дня: дом № 33 по Фрэмpton-роуд. По самым скромным оценкам, стоит он около трех миллионов фунтов.

– Она хочет подать на него в суд, – делаю я вывод. – Обвинит в изнасиловании и неправомерном лишении свободы, после чего потребует компенсацию. Этот ребенок поможет Вики завладеть всем, что есть у Харпера. Для нее он и не «ребенок» вовсе, а инструмент в афере по вытягиванию денег.

Я осматриваю собравшихся. Как ни странно, моя версия находит больший отклик у женщин, чем у мужчин. Хотя и Сомер вот что-то хмурится.

– Могла ли девушка вроде нее *провернуть* подобное? – высказывает сомнение один из детективов-констеблей и обращается к Эверетт: – Вы бы пошли на такое?

– Деньги огромные, – пожимает плечами Верити. – Пожалуй, Вики решила, что быстрый перепихон с дедулей того стоит. Как говорится, закрой глаза и думай об Англии^[24].

Бакстер едва слышно присвистывает.

– Господи, бедный старикан...

– Ладно, – перебивает его Сомер, – давайте всё проясним. Каким-то образом Вики узнала, что Харпер живет один и к нему почти никто не приходит. Она пробирается в дом, где обитает на верхнем этаже, а Харпер

ничего не замечает. Потом она умудряется от него забеременеть – опять же, если верить старику, без его ведома...

– Ставлю на кухонную спринцовку, – острит один констебль. Коллеги отзываются немного смущенным смехом.

– ...и подставляет Харпера, обвинив в похищении и изнасиловании. Подделывает дневник, запирается в подвале.

Все внимательно смотрят на Сомер.

– Только как она могла закрыться, если дверь была заперта *снаружи*, а? – Эрика обводит взглядом зал. – Кто же тогда это сделал?

– Отпечатки с засова есть? – спрашиваю я у Бакстера.

Тот находит в компьютере отчет криминалистов.

– Только Куинна. Открывал дверь, когда ее нашли.

Значит, кто-то стер следы. *Наверняка* стер.

– Лично я думаю, что это Харпер, – высказывается Бакстер. – Он же говорил, что его пугают звуки из подвала? Может, однажды спустился туда, понял, что в комнатке кто-то есть, и сдвинул засов. А Вики попала в собственную ловушку, что чертовски иронично.

– Полагаю, такое возможно, – Сомер медленно кивает. – Правда, он и не помнит...

– Он вообще мало что *помнит*, – рывкает Эверетт, хотя ей это не свойственно. Я вижу, что такая же мысль отражается на лице Эрики, и Верити, поймав мой взгляд, слегка краснеет.

– Помнит, не помнит – версия все равно неплохая, – говорю я. – Ну что, попробуем подтвердить? А Вики тем временем пусть возвращается в Вайн-Лодж. Перед следующим разговором с ней нам надо все уточнить.

* * *

Отправлено: Ср 10/05/2017 в 11.50, пометка: Важно

От: AlanChallowCSI@ThamesValley.police.uk

**Кому: DIAdamFawley@ThamesValley.police.uk,
CID@ThamesValley.police.uk**

Тема: Фрэмpton-роуд – срочно

Подтверждаю, что кровь, волосы и частицы мозгового вещества, обнаруженные на автомобильном чехле, принадлежат Ханне Гардинер. Убийца наверняка завернул в него тело, чтобы биологические жидкости не попали на пол, из-за чего мы и не смогли установить точное место преступления в доме. Предположительно после первого удара жертва

потеряла сознание, затем ее перетащили на чехол и нанесли второй – смертельный – удар, чему соответствуют отметины на материале. На полиэтилене найдены только отпечатки Уильяма Харпера, что вполне ожидаемо, раз это чехол от его машины. Если чехла касался кто-то другой, то делал это в перчатках.

* * *

Допрос Пиппы Уокер, произведенный в полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд

10 мая 2017 года, 12.10

*Присутствуют: детектив-сержант Г. Куинн,
детектив-констебль К. Гислингхэм*

Г.К.: Для записи сообщаю, что мисс Уокер были зачитаны ее права, в том числе право на адвоката, от которого она отказалась.

П.У.: Он мне не нужен. Это Роб во всем виноват. Я не сделала ничего плохого.

Г.К.: Разве? Вы соврали полиции – и соврали по-крупному. А мы можем это доказать.

П.У.: Не понимаю, о чем вы.

Г.К.: Три дня назад вы дали письменные показания, заявив, что Ханна Гардинер застала вас с Робом в постели, а потом устроила страшный скандал.

П.У.: Ну и?..

Г.К.: Наши эксперты-криминалисты провели тщательный обыск в квартире на Кресент-сквер. Не нашлось никаких подтверждений тому, что Ханна Гардинер погибла именно там. Зачем вы врали?

П.У.: Я не врала. Прошло два года, он уже не раз делал ремонт.

Г.К.: Это не важно, следы все равно остались бы. Чтобы скрыть их, нужно особое вещество, и даже тогда...

П.У.: Он же ученый. Разбирается в таких вещах.

Г.К.: Дело вот в чем, мисс Уокер. Теперь мы склонны считать, что Ханна погибла в доме № 33 по Фрэмpton-роуд, где и было обнаружено ее тело. На это указывают данные судебной экспертизы.

П.У.: [Молчит]

К.Г.: Что вы на это скажете?

П.У.: А я-то здесь при чем? Я там никогда не бывала. [Встает] Это всё, я могу идти?

Г.К.: Нет, мисс Уокер, присядьте. Вы так и не ответили на вопрос.

Почему вы солгали о том, что произошло в квартире Роба Гардинера?

П.У.: Я не врала.

Г.К.: Один наш свидетель утверждает, что вечером 23 июня вы находились у автобусной остановки на Банбери-роуд с двумя молодыми людьми. А Ханна и Роб Гардинеры тем временем наслаждались тихим семейным вечером без каких-либо ссор у себя дома.

П.У.: [Молчит] Я боялась его, он меня бил...

К.Г.: Так вы признаете, что никакого скандала не было?

П.У.: [Молчит]

К.Г.: Мисс Уокер, прошу вас ответить на вопрос для записи. В своих показаниях от 7 мая 2017 года вы заявили, что в квартире по адресу Кресент-сквер, 81 состоялась ужасная ссора. Это правда?

П.У.: [Пауза] Нет.

К.Г.: Тем вечером Ханна Гардинер застала вас в постели с ее мужем, да или нет?

П.У.: Нет.

Г.К.: То есть вы солгали. И, что еще хуже, попытались обвинить невинного человека в убийстве собственной жены.

П.У.: Какой невинный, он тот еще ублюдок...

Г.К.: Вы понимаете, что натворили? У вас серьезные неприятности.

П.У.: [Обращается к сержанту Куинну] Это у вас неприятности. Я все расскажу: как вы пустили меня к себе в квартиру, как мы занимались сексом...

Г.К.: Ничего подобного не было.

П.У.: И кому поверят, мне или вам, а?

К.Г.: Полагаю, присяжные будут на стороне детектива-сержанта Куинна, вам так не кажется?

П.У.: [Показывает сержанту Куинну фотографию на телефоне] Вот мое нижнее белье в вашей постели. Так кому теперь поверят?

Г.К.: Подстроила все, пока меня не было дома... [Обращается к детективу-констеблю Гислингхэму] Врет, она все это придумала...

П.У.: Я требую адвоката. Я ведь имею на это право, да?

Г.К.: Да, как мы уже...

П.У.: Тогда давайте мне адвоката, прямо сейчас. Больше ни слова без него не скажу.

Г.К.: Пиппа Уокер, вы арестованы по подозрению в препятствовании ходу следствия. Вы имеете право хранить молчание, однако если при допросе вы умолчите о чем-то, на что впоследствии будете ссылаться в суде, это может навредить вашей защите. Все, что вы скажете,

может использоваться против вас в суде. Сейчас вас отведут в камеру, где вы будете дожидаться своего законного представителя. Мобильный телефон изымается. Допрос окончен в 12.32.

* * *

– Я все еще сомневаюсь в вашей затее, инспектор.

Я в доме на Фрэмpton-роуд, стою перед входом в кухню вместе с адвокатом Уильяма Харпера. Через коридор вижу, как врач Харпера помогает своему подопечному выйти из полицейской машины. Старик выглядит каким-то сморщенным. Даже увядшим. Он в ужасе оглядывается на прохожих, которые наблюдают за происходящим с другой стороны улицы. И все это из-за нас. Конечно, мы не специально, мы действовали из лучших побуждений. И все равно это наша вина.

Эрика Сомер открывает водительскую дверцу, выбирается из автомобиля и вместе с Линдой Пирсон медленно ведет Харпера в дом. Он спотыкается на порожках и выставляет перед собой руки, словно больше не доверяет собственным глазам.

Адвокат знает, *что* мы пытаемся доказать. Ее интересует другой вопрос: почему вдруг сейчас?

– Это в интересах вашего клиента. Извините, что приходится так поступать, – зато мы получим физическое доказательство. Уверен, вы всё понимаете.

– Я одно *понимаю*, инспектор, – желчно отзывается она, как только Сомер и Пирсон сажают неповоротливого Харпера на стул в кухне. – Вы могли давно получить это так называемое «доказательство» и избавить больного пожилого человека от лишнего стресса, не говоря уже о тюремном заключении. Я намерена подать на вас жалобу.

Судя по взгляду Эрики, она ожидает, что слова адвоката выведут меня из себя, но я спокоен. В какой-то мере защитница права.

– Вы можете сделать это. Однако у нас не было другого выбора, кроме как арестовать доктора Харпера. На тот момент все улики указывали на него. И, независимо от результатов данного эксперимента, это не имеет никакого отношения к его физическому состоянию трехлетней давности, когда предположительно и было совершено похищение.

Раздраженно фыркнув, адвокат лезет в карман за мобильным телефоном.

– Давайте уже приступим.

Бакстер стоит позади меня с камерой – защитница не единственная, кто собирается снимать все на видео.

– Итак, доктор Харпер, вы готовы?

Он смотрит на меня и закрывает лицо дрожащей рукой, будто опасаясь удара.

– Бояться нечего, Билл, – говорит ему врач. – Это полицейский, он не причинит тебе вреда.

Слезящиеся глаза Харпера ловят мой взгляд. Он меня не узнает.

Пирсон присаживается рядом с ним на корточки и кладет ладонь на его руку.

– Нам просто нужно, чтобы ты на минутку спустился в подвал...

Старик широко распахивает глаза.

– Нет... там внизу что-то такое...

– Не волнуйся, Билл. Теперь там никого нет, честное слово. Я все время буду с тобой. Я и вот эта милая леди из полиции.

Выпрямившись, Пирсон переглядывается с Сомер, которая отвечает легкой улыбкой.

Бакстер подходит к двери, отодвигает засов и включает свет. Сомер помогает Харперу встать и с помощью Пирсон ведет его к лестнице в подвал.

– Я пойду первой, – говорит Эрика. – На всякий случай.

– Он должен спуститься сам, – тихо напоминаю я. – В этом вся суть.

– Я знаю, сэр. – Она немного краснеет. – Просто...

Сомер не договаривает, но я и так понял, что она имеет в виду.

– Запись пошла, – доносится голос Бакстера сзади.

– Вперед, Билл, – осторожно подбадривает его Пирсон. – Не спеши. Можешь взяться за перила.

На все уходит почти двадцать минут: Харпер обеими руками держится за поручень и спускается спиной к подвалу, бормоча что-то. Каждый шаг дается ему с дрожью. Пару раз он едва не поскользнулся. Наконец мы все внизу, в сыром и вонючем подвале с тусклым освещением.

– И что это доказывает, инспектор? – спрашивает адвокат.

– Что доктор Харпер все еще может самостоятельно попасть сюда, несмотря на прогрессирующий в последние месяцы артрит.

Во взгляде Бакстера я читаю его мысли: констебль уверен, что старикан спустился в подвал, запер Вики, так как боялся доносившихся отсюда звуков, и таким образом обрек девушку с ребенком на страшную мучительную смерть, от которой их избавило случайное совпадение. Но он ведь понятия не имел, что творит. Наверняка думал, что это крысы. Мы не можем обвинить его ни в попытке убийства, ни тем более в убийстве.

– Можно отвести Билла наверх, инспектор? – просит Пирсон. – Он

разволновался.

Я киваю:

– Только пусть поднимется сам.

– Сэр, подождите-ка, – зовет меня Сомер. – Она стоит у входа в дальнюю комнатку и тянется к засову на верхней части двери. – Не могу достать. Чтобы сдвинуть его, надо обязательно на что-нибудь встать.

Адвокат тут же делает вывод и хватается за эту зацепку:

– Какой у вас рост, констебль?

– Метр шестьдесят семь.

– А мой клиент не выше метра семидесяти – и то если полностью выпрямится. Как видите, в движениях он *серьезно* ограничен, руки у него изувечены артритом.

Звучит немного напыщенно, но мысль вполне ясна.

– Эта комната есть на снимках с места преступления? – обращаюсь я к Бакстеру.

Тот качает головой:

– На камере нет, но кое-что было на мобильном.

– Давай-ка посмотрим.

Бакстер листает фотографии: дальнейшее помещение подвала, грязное постельное белье, мешок с пустыми консервными банками, отвратительного вида унитаза. И, наконец, комната, в которой мы находимся. На снимке поломанная мебель, черные полиэтиленовые мешки, старая оловянная ванна, заваленная барахлом. Ничего крепкого, на что можно было бы залезть.

– Как насчет приставной лестницы из оранжереи? – приглушенным тоном спрашиваю я.

– Она была покрыта паутиной и всяким дерьмом, так что ее много месяцев никто не трогал, – отвечает Бакстер. – А Вики провела в подвале не более трех недель.

Конечно, он прав. Еды и воды вряд ли хватило бы на большой срок.

– Принесешь стул с кухни?

– Я-то принесу, босс, а вот *он* точно не смог бы, понимаете? – отзывается Бакстер, поглядывая на Харпера.

– Не думаю, что стоит подвергать моего клиента дальнейшим унижениям, которые к тому же снимаются на видео, – громко заявляет адвокат. – Если не возражаете, я отвезу его обратно в дом престарелых, где он оказался в результате *ваших* действий.

Вместе с врачом она помогает Харперу подняться наверх. Слышны удаляющиеся по коридору шаги, хлопает дверь.

– Я все повторяю себе, что он в любом случае вскоре попал бы в пансионат, – говорит Сомер, прикусив губу.

Прекрасно ее понимаю.

– Если не Харпер закрыл Вики в подвале, – продолжает размышлять Бакстер, – остается только Уолш. Он определенно ее не насильовал, однако вполне мог понять, что она живет здесь. Да, по его словам, Уолш списал странные звуки в доме на кота, но вдруг он соврал? Может, разгадал замысел Вики и решил отделаться от девчонки – навсегда? Подумал, что ему все сойдет с рук, учитывая результаты ДНК и психическое состояние Харпера... Все указывало бы на старика.

– Что думаете, Сомер?

Она достает из кармана салфетку, чтобы вытереть руки.

– Если Уолш и вправду узнал о том, что планировала Вики, у него имелся чертовски хороший мотив избавиться *и* от девушки, *и* от ребенка. Он ведь прямым текстом заявил, что вместе с сестрой ждет наследства Харпера после смерти старика. Думаете, Уолш захотел бы поделиться чем-то с мелкой грязной аферисткой? – Сомер кривит лицо. – Пожалуй, именно так он ее и описал бы.

– Полагаете, он способен на такое? Способен запереть людей в подвале, прекрасно понимая, к чему это приведет?

Сомер убирает салфетку обратно в карман.

– Да, сэр. В нем есть что-то жестокое. Неудивительно, что Уолш живет один.

Бакстер невероятно доволен тем, что Эрика полностью с ним согласилась.

– *А еще* он достаточно хитер, чтобы стереть отпечатки с засова.

С этим тоже не поспоришь.

– В любом случае, – добавляет Бакстер. – Если не он, то кто? Больше *никто* не подходит. Ни у кого другого не было мотива и тем более возможности.

Я делаю глубокий вдох.

– Хорошо. Езжай в Вайн-Лодж и арестуй Вики за попытку мошенничества.

Бакстер кивает.

– А что с Уолшем?

– Мы знаем, что Вики обнаружили первого мая и она провела в подвале около трех недель. Давайте узнаем, где в этот период времени был Уолш.

* * *

– Фаули не видела?

Сомер удивлена, что Куинн обратился именно к ней, когда вокруг много народа.

– У супера. По-моему, он как раз искал *тебя*.

«Потому что последние два дня ты пропадаешь неизвестно где, – мысленно продолжает Эрика. – Да и выглядишь дерьмово».

Куинн потирает затылок.

– Дельце, знаешь ли, непростое.

Распахивается дверь, заходит Вудс – сержант, надзирающий за арестованными. Он осматривает помещение и, заметив Куинна, подзывает его к себе. Вдвоем они что-то обсуждают, затем Гарет спешит переговорить с Гислингхэмом. По их лицам видно, что они в чем-то замешаны. «Не знаю, во что ты ввязался, – думает Сомер, – только не тащи за собой Гиса». Ей нравится Крис, и он не обязан расплачиваться за ошибки Куинна.

Сомер встает и подходит ближе, делая вид, будто ищет что-то на столе неподалеку от них. Голоса звучат приглушенно, но расслышать все равно получается.

– Должно же у нее быть хоть что-то, – шепчет Гислингхэм. – Кредитка? Паспорт, права? Мы же знаем, что она водит машину.

– Вудс говорит, ничего нет, – отвечает Куинн. – Уж ему ли не знать.

Крис поворачивается к своему компьютеру:

– Ладно, давай поищем водительские права.

Он стучит по клавиатуре и смотрит на монитор, пожевывая кончик ручки. Нахмурившись, вводит другие данные и переводит взгляд на Куинна.

– Вот черт, – говорит он.

* * *

Кратко рассказав Харрисону о продвижении в деле, я возвращаюсь в штаб. Все заняты делом. Бакстер, например, разговаривает и одновременно пишет на белой доске.

ДОЖАЛБД УОЛШ

ВУКН ИУА

Мотив

Деньги – дом Харпера, секс?

Средства

Способен пойти на
преступление/сдвинуть засов

Возможность

Бывал в доме, имел доступ
к подвалу

Алиби??

– Что насчет местонахождения Уолша в интересующие нас три недели? – спрашивает Бакстер.

– Проверяем уличные и дорожные камеры по маршруту от Фрэмpton-роуд до Банбери, – откликается один из констеблей. – Большой объем работы, это займет какое-то время.

– А конкретно по двадцать четвертому июня пятнадцатого года?

– Еще жду информацию, – говорит Сомер со своего места за столом. – В расписании стоят уроки с половины одиннадцатого, то есть съездить в Уиттенхэм и вернуться он в принципе успел бы. Я уже просила проверить, не болел ли Уолш в тот день, но потом мы сосредоточились на Гардинере, вот я и упустила ответ на свой вопрос. Извините.

– Следователи в Банбери ведь приглядывают за ним?

ВАННА ТАРДУНЕР

Мотив

Сексуальный маньяк?

Средства

Доступ к:

– автомобильному чехлу и т. д.

– вероятным орудиям убийства

Способен переместить

тело/самостоятельно забраться
на чердак

Возможность

Бывал в доме, имел доступ
к чердаку/сарая

Мог встретить Жанну на улице.

Алиби??

– Да, они в курсе дела. Знают, что мы приедем за Уолшем, как только у нас будет достаточно улики.

Бакстер отвлекается от доски и замечает меня.

– Порядок, босс?

– Что это ты делаешь?

– Работаю над делом Уолша. Как вы и сказали.

– Я просил проверить его алиби по поводу Вики. Ханну я не упоминал.

Сомер переводит взгляд с Бакстера на меня.

– Добавить ее в общую картину показалось логичным, сэр. Раз Харпер не в силах встать на стул и открыть дверь в подвале, то как он мог бы затащить чехол на чердак, пусть даже два года назад? Вы на тридцать лет моложе, а все равно забрались туда с трудом, да и лестницу пришлось держать, – добавляет она, слегка покраснев.

– Повторюсь, – влезает Бакстер, – кто, если не Уолш? Только у него были и средства, и возможность.

Я подхожу к доске и смотрю на то, что Бакстер написал под заголовком «Мотив».

– Помните, мы обсуждали, что Уолш мог использовать этот дом, чтобы заманивать женщин? Так до сих пор и не ясно, откуда у Харпера порнушка.

– Он прав, босс, – соглашается Эверетт. – Если журналы не Харпера, то наверняка принадлежат Уолшу.

– А убийство Ханны вполне может иметь сексуальную основу, – опять вступает в разговор Сомер. – Мы же не знаем, сколько времени она провела в доме. Он мог держать ее там дни напролет. К тому же она была раздета и связана.

– И Вики, прячась все это время наверху, ничего не слышала? – сомневаюсь я.

Мне и самому хочется в это поверить, но в деле и так уже слишком много совпадений.

Не понимая, к чему я веду, все переглядываются.

– Послушайте, я готов признать правдоподобной версию о том, что Уолш запер Вики. Тут все складывается, а он еще и проворачивает идеальное, как он считает, убийство: ни крови, ни следов, даже смотреть в глаза своим жертвам не придется. Просто сдвинь засов – и уходи, ни о чем не волнуйся. Однако с Ханной поступили совсем иначе. С ней расправились жестоко и неряшливо, да и вообще это был огромный риск.

– Так на что вы намекаете?

Я снова смотрю на доску с распечатками карт, временной шкалой, фотографиями и пытаюсь сложить все это в голове в единое целое.

– Думаю, убийство Ханны было преднамеренным, – медленно говорю я. – И продуманным до мельчайших деталей кем-то, кто знал ее и заманил туда, где все было готово для преступления. Оружие, клейкая лента, одеяло, чехол от машины. Этот кто-то задумался даже о том, что придется хорошенько спрятать чехол. И убийца, хотевший ее смерти, отлично *знал дом на Фрэмpton-роуд*.

Сомер бледнеет.

– Но кто может такое проверить... разве что...

– Психопат? Вы правы. Я считаю, что человек, убивший Ханну, является психопатом.

– Босс?

В двери появляется Куинн – на пару с Гислингхэмом.

– О, как мило, что вы соизволили зайти. – Да, сарказма я не жалею. – Не хотите наконец объяснить, чем вы, черт возьми, занимаетесь последние пару дней?

– Это я во всем виноват, босс, – смущенно отвечает Куинн. – Гис просто пытался помочь.

Они переглядываются.

– Можем поговорить у вас в кабинете? – просит Куинн.

Я по очереди внимательно смотрю на обоих.

– Надеюсь, это что-то стоящее.

Так и есть. Только не для Куинна.

* * *

Через полчаса мы втроем возвращаемся в штаб, и все тут же отвлекаются от своих дел.

– Вперед, – говорю я Куинну, и тот шумно сглатывает.

Сержант только что получил самый суровый выговор в своей жизни, и это еще не конец. Нет-нет, он по уши в дерьме.

– Пару часов назад мы привезли Пиппу Уокер в участок, чтобы предъявить обвинение в препятствовании ходу следствия. Когда сержант регистрировал арест, она заявила, что у нее нет документов. Это, конечно, брехня, поэтому мы решили пробить ее по водительским правам, но, – Куинн глубоко вздыхает, – Пиппы Уокер с подходящей датой рождения не нашлось.

– Пробовали Филиппу вместо Пиппы? – интересуется Эверетт.

– Не помогло, – качает головой Куинн. – Искали все имена, уменьшительным от которых может быть Пиппа. Пенелопа, Патриция...

Один из детективов-констеблей отрывает взгляд от мобильного

и с озорной ухмылкой добавляет:

– Тут написано, что на итальянском «пиппа» означает «минет». Это поможет, сержант?

Раздается приглушенный хохот; Крис опускает голову, чтобы скрыть усмешку. Таким пунцовым Куинна я раньше не видел. Сомер смотрит на него одновременно с иронией и беспокойством. Надеюсь, что ирония победит, – эта девушка слишком хороша для сержанта. Куинн сам нашел приключения на свою пятую точку. Во всех смыслах.

– Может, банковский счет? – предлагает кто-то, когда затихает смех.

– Пока не обнаружили, – отвечает все еще краснеющий Куинн.

– Контракт на мобильный?

– Телефон предоплаченный, – качает головой Гислингхэм.

– То есть она пользуется вымышленным именем? Но зачем? – изумляется Эверетт.

А я вдруг понимаю, что нужно делать. Встаю и снимаю пиджак со спинки стула.

– Вы куда? – спрашивает Гис.

– Собираюсь найти ответ на этот вопрос.

* * *

– Итак, что связывает Мэри Энн Николз, Элизабет Страйд, Кэтрин Эддоус и Мэри Джейн Келли?^[25]

В зале раздается громкий смех, парочка юмористов кричат:

– Профессия!

Брайан Гау сидит за столиком у камина и, ухмыляясь, пишет на листке ответ своей команды. Он просто обожает ходить на паб-квизы, а еще отслеживать определенные поезда и решать квадратные уравнения. Seriously, я не шучу. Вместе с Гау играют один бывший лаборант и профессор судебной медицины на пенсии. Название их команды – «Преступные умы» – казалось мне довольно оригинальным, пока Алекс не сообщила (слегка язвительно), что вообще-то есть такой сериал^[26].

Гау всегда ходит в этот паб по средам, который за последние пару лет превратился из забегаловки для рабочих из угольного порта в модное местечко. Интерьер в серо-бирюзовых тонах, обновленная черно-белая плитка на полу, зимой зажигают камин. Алекс здесь нравится, да и пиво по-прежнему неплохое. Я жестами спрашиваю у Гау, взять ли ему еще. Тот кивает, и, как только заканчивается тур и команды сдают свои листочки, пробирается ко мне между столиков.

– И чем я это заслужил? – иронично спрашивает Гау, взяв свою пинту.

– Расскажите мне о психопатах. Точнее, о психопатах и социопатах.
Он поднимает бровь, как бы изумляясь: «Так вот куда вас занесло?»

– Ну, некоторые внешние проявления поразительно схожи у тех и у других, – начинает эксперт, слизнув пену с верхней губы. – Они манипуляторы и нарциссы, постоянно врут, не способны нести ответственность за свои действия и практически не умеют сочувствовать. Их вообще не интересует ничего, кроме собственных нужд.

– И как же их различить?

– Психопаты более организованны и терпеливы. Социопаты склонны к импульсивным поступкам, а значит, они чаще ошибаются, и поймать таких вам будет легче. Причина социопатии в большинстве случаев кроется в некоей детской травме: жестокое обращение, насилие, недостаток внимания... Как обычно.

– А что у психопатов?

– Психопатами не становятся, психопатами рождаются, – отвечает Гау, внимательно наблюдая за моей реакцией. – Ну что, помог я вам?

Ведущий призывает собравшихся занять свои места – начинается следующий тур.

– Думаю, да, – киваю я.

Гау берет свой бокал, но я его останавливаю.

– И еще кое-что.

– Вот уж не думал, Фаули, что вы фанат «Коломбо»^[27], – шутит он. Однако Гау мрачнеет, как только слышит мой вопрос.

* * *

Открыв дверь и увидев меня, Гардинер сразу настораживается.

– Чего вам? – спрашивает он, не скрывая враждебного настроения. – Надеюсь, пришли, черт возьми, извиниться?

– Можно войти? Это важно.

Не сразу, но Роб все же кивает и впускает меня. Тоби спит на диванчике перед телевизором, прижав к груди плюшевую собачку.

Гардинер выключает мультики.

– Сейчас отнесу Тоби в кровать и вернусь.

С моего первого визита квартира не изменилась. Пахнет едой. Роб чертовски хорошо убрался в доме, потому что следов пребывания криминалистов как не бывало. Беспорядок здесь теперь только от малыша. Гардинер явно изо всех сил пытается вернуть жизнь сына в привычное русло. Я на его месте поступил бы точно так же.

Он возвращается и садится на диван.

– Ну?

– Я действительно хочу извиниться. Страшно подумать, через что вам пришлось пройти в последние несколько дней.

– И по чьей же вине? – с бесстрастным взглядом спрашивает он.

– Извините, у нас не было выбора. Пришлось рассматривать все версии, соответствующие уликам.

– Только улики против меня у вас так и не было, да? Лишь наглая ложь, сказанная со злым умыслом.

– Поэтому я и пришел. Хотел поговорить с вами о Пиппе Уокер.

– О чем именно? – напряженно спрашивает Гардинер.

– Мы знаем, что она соврала в своих показаниях.

– Вот именно! – восклицает он и добавляет чуть тише: – Охренеть как соврала.

Я слегка подаюсь вперед.

– Но во *всем* ли? Ссоры с женой у вас не было, верю. Но с Пиппой вы спали и до смерти жены? Послушайте, я не собираюсь вас ни в чем обвинять, поэтому мы и беседуем здесь, а не в участке. Примерно за неделю до исчезновения Ханна Пиппа посылала вам много сообщений. Очень откровенных сообщений. Вы же знаете, о чем я говорю.

Гардинер проводит рукой по волосам и, сделав глубокий вдох, смотрит на меня.

– Ладно, один раз было. Помните, я говорил про глупости, которые совершаешь от злости и досады, а потом жалеешь? Вот это как раз оно. Пиппа в открытую проявляла ко мне интерес. Однажды Ханна была в отъезде, и я слишком много выпил, так что это просто... просто случилось.

– И это было незадолго до исчезновения вашей жены?

– Недели за две. Ханна уезжала в Нанитон, чтобы узнать о других строительных проектах Малкольма Джервиса.

– После этого Пиппа и начала слать вам сообщения?

– Она ни на минуту не оставляла меня в покое, – с горечью в глазах отвечает Роб. – Думала, это что-то *значит*. Что нас ждет совместное будущее, что я люблю ее. Безумие какое-то. Я не ответил ни на *одно* сообщение, я всё удалил...

– Знаю, – тихо говорю я.

– И сказал, что ей придется найти другую работу, потому что все стало слишком сложно.

– Как она это восприняла?

– Довольно по-взрослому, как мне показалось. Помолчав некоторое

время, Пиппа извинилась. Мол, она неправильно все поняла, но давай жить дальше, как будто ничего не было. Через пару дней стало ясно, что ничего не выйдет, и я снова попросил ее найти другое место.

– А она что?

– Обещала, что начнет искать. Говорила не волноваться за нее.

– Как вы всё объяснили Ханне?

– Сказал, что настало время для перемен или вроде того. Она сразу согласилась.

– И когда это произошло?

– За несколько дней до пропажи Ханны. Кажется, я говорил с Пиппой в пятницу.

Вот теперь-то картина складывается.

– Почему вы раньше об этом не говорили, мистер Гардинер?

– Боялся, что попаду в неприятности – так оно и вышло, да? – раздраженно отвечает он. – Как только вы узнали, что я трахался с Пиппой, то сразу предположили, что я и убил свою жену.

– Вам все равно следовало рассказать, – осторожно настаиваю я. – В конечном счете и вам, и нам стало бы легче.

– Извините. – Роб подается вперед, уперев руки в колени. – Я все понимаю. Извините.

Немного помолчав, я спрашиваю:

– Не знаете, Пиппа знакома с кем-нибудь на Фрэмpton-роуд?

Гардинер качает головой:

– При мне она ничего такого не упоминала.

– Могла ли она по какой-то причине ходить в дом номер тридцать три?

Роб хмурится:

– Нет, там она точно не бывала. Когда в новостях рассказывали про эту девушку из подвала, она еще спросила, что это за дом. А почему вы интересуетесь?

Как бы получше ему рассказать... Надеюсь, Гардинер справится с моей прямоотой. Он ведь не только ученый, но и молодой отец, потерявший супругу.

– Вы никогда не думали, что Пиппа могла быть замешана... в исчезновении Ханны?

– *Пиппа?* – изумляется Роб.

– Значит, не подозревали ее?

– Конечно нет, – ошеломленно говорит он. – Разве я позволил бы ей жить здесь и присматривать за Тоби, если б думал, что она убила мою жену? Я же говорил, после пропажи Ханны я был сам не свой... а Пиппа

помогала во всем, да и Тоби она нравилась...

Гардинер замолкает и шумно сглатывает.

– Да, в какой-то момент она переборщила, но это ведь была всего лишь влюбленность. Запала на меня, однако вскоре справилась с этим. Вы же знаете, как оно бывает в юном возрасте: в какую-то минуту тебе жизнь не мила, а в следующую уже не можешь вспомнить, из-за чего вообще беспокоился. Господи, она просто девчонка, а не какой-нибудь, черт возьми, психопат...

* * *

– Только он ошибался. – Я обвожу взглядом комнату. Теперь они поняли, куда я ходил и зачем. – Думаю, Пиппа Уокер – настоящий психопат. Она убила Ханну, и убила намеренно.

До ребят доходит не сразу. Оно и неудивительно: Пиппа – девушка привлекательная, из среднего класса, ей всего двадцать два года. Могла ли такая устроить резню в доме на Фрэмpton-роуд? Тем более что тогда ей было вообще двадцать. Я пересказываю им то, что узнал от Гау. Про то, что психопатами не становятся, а рождаются. Про то, что его опыт подсказывает: женщины-психопаты более самовлюбленные и эгоистичные, чем мужчины. И куда более мстительные, когда кто-то их злит.

– Гау назвал ее «фурией в аду», если быть точнее^[28].

– Не сомневаюсь, он поведал и о том, откуда эта цитата, – бормочет Гис.

– Такие люди считают, что весь мир вращается вокруг них. Остальные лишь представляют собой преграду на их пути. Если Пиппа решила добиться Гардинера, то наличие у него жены вовсе не являлось для нее помехой.

Помню, в одном сериале про полицейских – «Воскрешая из мертвых» (одном из немногих, что я все-таки смотрел) – была такая сцена. Криминалист-психолог рассказывает, почему люди становятся убийцами. Мужчин, по ее словам, толкают на преступление деньги, гнев или чьи-то слова. Однако с женщинами все по-другому. Женщины убивают, потому что кто-то стоит у них на пути.

– И ведь она получила, что хотела, – мрачно отзывается Эверетт. – Переехала жить к Гардинеру. Если б не эта провальная затея с беременностью, может, он даже женился бы на ней.

– Хватило бы такой девчонке сил пробить череп? – сомневается Бакстер; он, как всегда, прагматичен.

– Еще как, – скривившись, отвечает Куинн. Понемногу возвращается

его прежний характер. – К тому же Ханну ударили сзади. Для этого нужно не так уж много сил.

– А могла ли она сама переместить тело в сарай?

– Я думаю, да, – снова отзывается Куинн. – Ханна была не очень крупной женщиной, а Пиппа молодая, крепкая...

За спиной у сержанта один из констеблей корчит рожу, как бы говоря: «Ну да, конечно».

– Она могла сделать это – при достаточном количестве времени.

– А дальше всё, как мы предполагали, – подхватывает Гислингхэм. – Пиппа поехала в Уиттенхэм, бросила там машину и вернулась на автобусе. О малыше она, скорее всего, даже не волновалась, раз ее целью был Гардинер. Я же говорил, что только ненормальный может сделать такое с ребенком. Похоже, я был прав.

– *И еще* – в автомобиле найдены следы ее ДНК, – добавляет Эверетт.

– Но это не казалось странным, потому что мы знали, что Пиппа часто на нем ездила.

– Так это ее люди видели с коляской? – спрашивает Сомер. – Цвет волос же не совпадает. Пиппа блондинка, у Ханны волосы темные.

– Достать парик не проблема, – жмет плечами Гислингхэм. – Тем более если она все детально спланировала, как говорит босс.

– Постойте-ка, – вступает Бакстер, – пока нас всех не занесло. Убийство произошло на Фрэмpton-роуд, так? В дом в любое время мог проникнуть Уолш; но Пиппа? Как она туда попала?

Бакстер – настоящий адвокат дьявола. Как будто проходил тренинг у самого сатаны.

– Вообще-то не думаю, что это было сложно, – отвечает Куинн. – Даже с улицы видно, что дом запущенный. Она могла зайти с заднего двора и увидеть, что дверь оранжереи открыта...

– И Харпер ничего не заметил?

– Мысли у старика начали путаться, к тому же он пил и принимал снотворное. Полагаю, большую часть времени он был в отключке.

– Ладно, – говорит Эверетт, – предположим, что так все и случилось. Тогда возникает следующий вопрос: как Пиппа заманила туда Ханну?

Гислингхэм вскидывает руки.

– Легко! Она знала, что машина Ханны стоит на Фрэмpton-роуд. Там Пиппа ее и ждала, подобрав нужный момент. И про то, что Ханна собирается в Уиттенхэм, ей тоже было известно – более того, Пиппа была одной из немногих, кто *точно* об этом знал. Так вот, она зовет ее за собой под каким-то предлогом – может, сказала, что там надо помочь больной

кошке или вроде того, – и как только они оказываются вне поля зрения...

– Пусть так, – перебивает Бакстер. – Но как *доказать*, что Пиппа действительно была в том доме? Служба уголовного преследования потребует улики посерьезнее. А если мы арестуем ее по какому-то другому обвинению, не за убийство, адвокат тут же внесет за нее залог, и больше мы в жизни не увидим Пиппу Уокер.

Наступает тишина. С фотографий на нас смотрят Ханна, Пиппа и Тоби. Тоби, который ничего не смог поведать о плохом дяде, навредившем мамочке, потому что никакого плохого дяди и не было. Он просто покатался на машине со своей няней. Я сотни раз глядел на эти снимки и только теперь замечаю что-то на фото Пиппы, чего не видел раньше.

– Вот этот снимок с карнавала на Коули-роуд – у нас есть цифровая версия? – спрашиваю я у Бакстера.

– Да, босс.

Он подходит к своему компьютеру и открывает фотографию на мониторе. Я наклоняюсь, чтобы рассмотреть получше.

– Подвеска на шее, – показываю я. – Можешь приблизить?

В зале стоит низкий гул, все собираются вокруг нас. Думают, я напал на след, и понимают, что так и есть, как только Бакстер увеличивает часть снимка, и она становится четкой.

На длинной серебряной цепочке висит резная фигурка в форме ракушки. Такая маленькая, красивая и безумно дорогая.

Пропавшее нэцке.

Гул превращается в шум, всех переполняет адреналин нового открытия. Кусочки пазла наконец-то складываются в картину. Только один человек в штабе смотрит не на экран компьютера – это Сомер. Она вглядывается в то, что написал на доске Бакстер.

Я иду к ней.

– О чем думаете?

– О том, что вы сказали про Уолша, сэр. Он ведь не мог убить Ханну в доме так, чтобы об этом не узнала Вики.

– И что?

– Разве то же самое не относится к Пиппе? Да, она тщательно все спланировала, но Вики все равно хоть *что-нибудь*, да услышала бы. И Пиппа никак не могла затащить на чердак тот чехол без ведома Вики, которая обитала на верхнем этаже.

Я оборачиваюсь и прошу всех притихнуть.

– Послушайте, что вам сейчас скажет Сомер.

Слегка краснея, она снова рассказывает о своем предположении.

– Так какова теория? – спрашивает Куинн. – Услышав что-то, Вики идет вниз и натывается на кровавое побоище?

– Вполне возможно, – говорит Сомер. – И в полицию она не пойдет, ведь тогда раскроется ее афера. А ведь Вики через столько прошла, чтобы получить деньги: родила ребенка, пряталась в доме...

Куинн хмурится – от задумчивости, а не в сомнениях.

– То есть они решили прикрыть друг друга? Под угрозой взаимного гарантированного уничтожения, как во времена «холодной войны»?

– Только представьте: Вики *не хватало* только того, чтобы по дому рыскала полиция. – Сомер заговорила увереннее, и теперь все к ней прислушиваются. – Обе они были готовы на все, лишь бы отвлечь внимание от Фрэмpton-роуд, тридцать три, поэтому и заключили сделку. Пиппа ничего не сообщает о Вики, если Вики покрывает Пиппу. Это Вики помогла ей перенести тело, спрятать чехол, смыть улики...

– Стой, стой! – Гислингхэм вдруг вскакивает и начинает копаться в бумагах на столе. – Черт... И как я не подумал об этом раньше?

Он находит нужный документ и, бледнея, говорит:

– Помните соседку по квартире, которая обеспечила алиби Пиппе в пятнадцатом году? Она тогда сказала, что Пиппу все утро тошнило. Ее звали *Ники Вил*. – Гис отчетливо произносит каждое слово, глядя на собравшихся. – Вики Нил и соседка Пиппы – *одна и та же девушка*.

* * *

Час спустя Эверетт ищет место для парковки у Иффли-роуд. При разделении задач она уговорила Куинна отправить ее сюда – разведать, где жила Пиппа в 2015 году. Куинн не постеснялся назвать это задание самым хреновым из всех – зачем тебе такое брать? – однако интуиция подсказывает Эверетт, что именно здесь быстрее всего получится установить настоящее имя девушки. При всех, а конкретно при Фаули и Сомер, она, естественно, об этом не сказала. Не то чтобы Верити завидует Эрике, просто слишком уж много той дают высказываться – а она ведь всего лишь констебль, помогающий в расследовании более высоким полицейским чинам. Сомер еще к тому же и красотка. Как тут не почувствовать, что тебя затмевают? Эверетт старается не вспоминать, что в детстве отец описывал ее точно так же... Надо сосредоточиться на парковке и вместить этот «Фиат» в тесное местечко, которое всего на десяток сантиметров длиннее самой машины. У Эверетт отлично получается: два года жизни в Саммертауне дают о себе знать.

Закрыв автомобиль, она идет в агентство по аренде жилья. Молодой

человек уже закрывал офис, но согласился впустить Эверетт, когда та показала удостоверение.

– Это вы приезжали сюда на прошлой неделе? – спрашивает парень. На нем футболка «Манчестер Юнайтед» и легкие белые брюки. – Все еще интересуетесь той девушкой – Вики, как ее там?

– Нет, теперь я хотела бы узнать про другую. У вас есть записи за лето две тысячи пятнадцатого года по Арундел-стрит, двадцать семь?

Парень открывает ноутбук и просматривает файлы.

– Ага, кого ищем?

– Жила ли у вас некая Пиппа Уокер?

Он глядит в список.

– Уокер есть. Выехала в октябре того же года.

– Пиппа Уокер?

– Не знаю. Тогда дела вел отец, а он записывал только фамилии. Поэтому в прошлый раз я и не смог вам помочь.

– Но вы же спрашиваете у людей документы при заселении?

– Конечно, констебль, – с широкой улыбкой отвечает он. – У нас тут все официально.

– Может, каким-то чудесным образом у вас сохранились копии ее документов?

– Вряд ли, – печально откликается молодой человек. – Столько времени прошло... Я проверю, только это не быстро. Отец не очень-то доверяет современным технологиям, а со сканером у него и вовсе было настоящее вооруженное противостояние.

Эверетт улыбается:

– Ничего, я подожду.

– Выпейте пока кофе. – Парень показывает на кофейный аппарат.

Глянув на него, Эверетт спешит качнуть головой:

– Не надо, спасибо.

– Верное решение, – ухмыляется он. – Кофе из него просто отвратный.

Пока парень ищет документы, Эверетт прохаживается по офису и рассматривает приколотые к стенам листки с информацией о сдающейся недвижимости. Поразительно, какие огромные деньги просят за крошечные комнатухи в этом городе. Просят и получают, судя по тому, что к большинству листов прикреплены красные наклейки с надписью «Сдано». Верити останавливается перед одним из них, достает блокнот и перелистывает страницы. У Куинна модный планшет, а вот обычные детективы-констебли по-прежнему оснащены только бумагой и ручкой. Гислингхэма это страшно бесит.

– Вот этот дом, Клифтон-стрит, пятьдесят два. Тоже ваш? – вдруг спрашивает Эверетт.

Вики сказала, что жила именно там, когда ее похитили.

– Ага, – отвечает парень.

– Проверите?

– Год тот же, пятнадцатый?

– Нет, немного раньше. С весны четырнадцатого и примерно до июля.

– Хорошо. Открыл, кого смотреть?

– В списке есть кто-нибудь по фамилии Нил?

– Да. – Он кивает.

Хоть что-то из слов Вики оказалось правдой.

– Вам стоит на это взглянуть, констебль, – добавляет молодой человек, подняв глаза от экрана.

Эверетт обходит его стол и становится рядом. Он показывает на монитор ноутбука, где открыт список жильцов Клифтон-стрит, 52, обитавших там одновременно с Вики Нил.

Анвар, Бейли, Дражевич, Ковальчик.

И Уокер.

– Вот эти документы мне и нужны, – просит Эверетт.

* * *

– Меня вызвали сюда.

Перед дежурным по участку Сент-Олдейт стоит женщина в узких джинсах и джинсовой куртке. У нее мелированные светлые волосы, на сумочке с кучей ремешков красуется подвеска в виде светло-розовой обезьянки. Сзади ее можно принять за двадцатилетнюю девушку, однако по лицу видно, что женщина как минимум раза в два старше.

– Простите, мадам, по какому вы поводу?

– Насчет моей дочери. Со мной связалась женщина, детектив-констебль Эвертон...

– Эверетт.

– Как скажете. – Она поднимает бровь. – Так я могу ее увидеть? Насколько я *понимаю*, Вики находится здесь.

Сержант поднимает трубку телефона:

– Одну минутку, я вызову кого-нибудь из штаба. Присядьте пока, миссис Нил.

– Теперь я миссис Моран, – перебивает она. – Если вас не затруднит.

– Хорошо, миссис Моран. Подождите недолго.

Женщина осматривает дежурного с ног до головы.

– Надеюсь, что недолго. Я приехала сюда из самого Честера.

Она разворачивается на невысоких каблуках и, сев на ближайший стул, достает из сумочки мобильник.

* * *

Допрос Пиппы Уокер, произведенный в полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд

10 мая 2017 года, 18.17

*Присутствуют: инспектор А. Фаули,
детектив-констебль К. Гислингхэм,
миссис Т. Йорк (адвокат)*

Т.Й.: Я вызвала вас, инспектор, чтобы сообщить: моя клиентка намерена подать жалобу касательно поведения детектива-сержанта Гарета Куинна.

А.Ф.: Она имеет на это полное право.

Т.Й.: Также оповещаю, что она решила не отвечать на ваши дальнейшие вопросы, пока не получит иммунитет от уголовного преследования.

А.Ф.: От преследования по какому именно делу? Ее обвиняют в препятствовании ходу следствия, и просто так мы это не оставим.

Т.Й.: Моя клиентка опасается, что ей могут ошибочно приписать вовлеченность в убийство миссис Ханны Гардинер.

А.Ф.: Почему она так считает?

Т.Й.: У мисс Уокер есть важная информация по этому делу, однако она не готова раскрыть ее без упомянутых мной гарантий. Мы обсудили целесообразность ее действий и малую вероятность получения подобного иммунитета, и все же она остается непреклонной.

А.Ф.: Расследование смерти миссис Ханны Гардинер еще продолжается. Мы пока не выдвигаем обвинения...

П.У.: Это все полный бред. Я на это не куплюсь...

Т.Й.: [Сдерживает клиента] Как я понимаю, на Фрэмpton-роуд не были обнаружены отпечатки пальцев мисс Уокер?

А.Ф.: [Нерешительно] Нет.

Т.Й.: У вас имеются какие-либо другие улики, связывающие ее с данным преступлением?

А.Ф.: [Нерешительно] Полный осмотр места преступления еще не завершен...

Т.Й.: Что ж...

П.У.: [Отталкивает руку адвоката] Хотите узнать, кто ее убил? Предоставьте мне иммунитет, иначе я ничего вам не скажу.

* * *

– Девчонка наглая, ничего не скажешь, – говорит Куинн, когда я возвращаюсь в штаб. Он наблюдал за допросом по видео. – Заметили, что не только имя у нее поддельное? Акцента, свойственного верхушке среднего класса, тоже поубавилось.

Он прав. Маска сорвана. Это та же девушка, но совсем другой человек. Белые птицы на фоне ночи, темные птицы на фоне дня.

Открывается дверь, в сопровождении одного из детективов-констеблей заходит женщина. Женщина незнакомая, но при этом кого-то напоминающая. Она идет прямо ко мне и останавливается. Смотрит на доску с фотографиями, затем на меня.

– Что тут, черт возьми, происходит? Меня вызвали насчет Вики.

– Это миссис Моран, сэр, – спешит объяснить детектив-констебль. – Мать Вики.

Она переводит взгляд с констебля на меня.

– Все верно. Я мама *Вики*. – Тыкает ярко-розовым ногтем в снимок на доске. – Так объясните мне, почему у вас тут фотография Триши?

* * *

– Триша, – сообщает парень-азиат, глядя на Эверетт. – Триша Уокер, вот как ее звали. Держите.

Он находит скан паспорта. Девушку легко узнать – черты лица те же; однако прическа совсем другая. И не только прическа: изменился и макияж, и само выражение лица. Теперь она выглядит более роскошной, более ухоженной.

– Поможет?

– Просто великолепно! – Эверетт улыбается. – Распечатаете?

Она достает мобильный и звонит в штаб.

– Куинн? Это я, Эверетт. Послушай, я узнала настоящее имя Пиппы Уокер. Ее зовут *Триша*. Они с Вики встретились не на Фрэмpton-роуд, как мы думали. Они и *раньше знали друг друга*. Вместе снимали жилье в четырнадцатом году. А когда регистрировались у арендодателя, оставили *один и тот же прежний адрес*. Мне кажется, эти двое...

– Сестры. Да, Эв. Мы знаем.

* * *

– Я не в восторге от этой идеи, сэр.

Сержант в камере предварительного заключения выглядит взволнованным: нечасто сюда в восемь вечера является инспектор.

– Она должна говорить в присутствии адвоката, и надо снимать происходящее на видео...

– Знаю, и я обязательно ей об этом скажу. Не захочет говорить – я не буду настаивать.

Пусть нерешительно, но сержант все-таки встает и берет ключи. Мы идем по коридору к камере, он открывает заслонку, заглядывает внутрь, затем отпирает дверь.

– Я буду на своем месте.

Девушка сидит на узкой койке, прижав колени к груди. В тусклом свете она выглядит изнуренной.

– Чего вам? – настороженно спрашивает она.

– Я не должен был сюда приходить.

– Тогда зачем пришли?

– Чтобы поговорить. Можем вызвать адвоката, если желаете.

Не могу понять, заинтригована она или слишком устала, чтобы сопротивляться.

– Мне все равно.

– Говорят, вы не захотели увидеться с мамой.

Вики поглядывает на меня, и я подхожу ближе.

– Не ожидали, что мы ее найдем? За последние пару лет она не только дважды переехала, но и вышла замуж.

Она пожимает плечами:

– Как я сказала, только новый парень ее и волнует. Обо мне она больше не беспокоится.

– После разговора с ней я склонен с вами согласиться.

Мои слова явно вызывают эмоциональную реакцию, которую Вики все же пытается скрыть.

– Я объяснил, что вы – та самая девушка, о которой сейчас пишут во всех газетах, но и это ее не заинтересовало. Похоже, она считает, что вы сами виноваты.

Вики утыкается подбородком в колени.

– Я же говорила. – Теперь в ее голосе слышится дрожь.

– Про внука тоже упомянул, однако толку ноль. Хотите узнать, что она ответила?

В ответ молчание.

– Сказала: «Если она думает, что сумеет подкинуть его мне на воспитание, то глубоко ошибается».

Вики по-прежнему сжимает колени руками; костяшки пальцев побелели.

– Вообще-то у нее самой есть маленький ребенок. – Она поднимает голову. – Не знали? Девочка, зовут Меган. Ваша сестра. Единоутробная, если быть точнее.

Я присаживаюсь на край койки и открываю папку.

– У вас ведь есть еще одна такая же, верно? Триша Джанин Уокер, рожденная восьмого января тысяча девятьсот девяносто пятого года. В свидетельстве о рождении записана фамилия ее отца, только вот ваша мать и Говард Уокер так и не оформили брак. А через три года и вовсе расстались, и мать вышла замуж за Арнольда Нила. Вашего отца.

Повисает пауза, которую я намеренно растягиваю.

– Вики, почему вы не рассказали нам о Трише? – Мой голос эхом отражается от холодных влажных стен. – Почему скрывали, что в Оксфорде живет ваша сестра?

Она молча пожимает плечами.

– Сестра могла бы навестить вас в больнице или приютить у себя. Вам не пришлось бы ехать в Вайн-Лодж.

– Я не знала, что она здесь, – наконец отвечает Вики.

– Боюсь, я не смогу вам поверить. Вы прекрасно знали, где Триша, – а она жила у Роба Гардинера. В квартире, которую *видно* из дома Уильяма Харпера.

Я наклоняю голову, пытаюсь поймать ее взгляд.

– Там она впервые и заметила его, с верхнего этажа? Вы ведь обе жили на Фрэмpton-роуд? Поначалу.

Вики прищуривается:

– Вы этого не докажете.

– Еще как докажем. Триша украла одну из фигурок доктора Харпера, и эта фигурка запечатлена на снимке, сделанном в две тысячи четырнадцатом году на карнавале Коули-роуд. Значит, на тот момент она уже побывала в доме. Ее отпечатков мы не нашли, потому что вы явно потратили чертову уйму времени на то, чтобы все оттереть. Но вот перед нэцке Триша не устояла. Интересно, она случайно выбрала самую дорогую статуэтку или знала о ее ценности? За эту штучку можно выручить больше двадцати тысяч фунтов.

Вики бросает на меня гневный взгляд.

– Думаю, знала. Она же умная девчонка, да, Вики? Намного умнее, чем кажется. Умнее вас как минимум. С помощью секса получает все, что хочет, от мужчин, которые слишком глупы, чтобы заметить, как ими манипулируют. Деньги, защита, внимание, контроль – всего этого можно добиться через постель. А если с сексом не выйдет, у нее есть и другие способы. Уж я-то видел ее в действии. Триша, надо признать, хороша. Одурачила и Роба Гардинера, и моего сержанта. Да и меня тоже. Но больше всего она одурачила вас и Ханну.

Женщины, остерегайтесь женщин. Всё, как сказала Алекс.

– Вы вместе это спланировали? Перебраться в дом на Фрэмpton-роуд, родить ребенка, отсудить деньги Харпера... Она участвовала в афере с самого начала. И все шло хорошо, пока однажды Триша не увидела Роба Гардинера, который стал ее единственной целью. Жаль, что вы уже были беременны от Харпера. Жаль, что, в отличие от нее, застряли в том доме. Как же вы собирались все повернуть, Вики? Переночевать в подвале пару дней для пущей убедительности, а затем подняться наверх, когда к нему пришел бы Дерек Росс? Как вы объяснили бы свой побег – сказали бы, что старик начал забываться и не запер дверь?

Вики резко выпрямляется и принимает спиной к стене.

– Я не *тупая*, как вам кажется. Все, что вы мне тут наговорили, это полный бред. Я на это не куплюсь.

Я улыбаюсь.

– Забавно, ваша сестра выражается точно так же. Голос крови не заглушить – вот чему научила меня работа в полиции.

Раздается стук в дверь, к нам заглядывает Вудс.

– Решил проверить, всё ли у вас тут в порядке, сэр.

Вики ничего не говорит.

– Все хорошо, сержант. Может, Вики не откажется от чая?

Она кивает, и Вудс закрывает дверь. Слышно, как он поднимает заслонку соседней камеры, переговаривается с какой-то девушкой. Затем,

звоня ключами, удаляется по коридору.

Вики напряглась. Она узнала голос. На лице ее странное выражение, которое при других обстоятельствах я назвал бы страхом.

– Разве я не сказал? Триша здесь, по соседству с вами. Ей грозит уголовное обвинение.

Вики снова пытается скрыть свои чувства. Она явно хочет спросить, в чем именно обвиняют сестру, но не доставит мне такого удовольствия. Ну и ладно, сам расскажу.

– Три дня назад Триша дала показания относительно смерти Ханны Гардинер. По ее словам, Роб Гардинер убил супругу в пылу яростной ссоры после того, как Ханна застала его в постели с вашей сестрой.

Есть – едва заметное сомнение и удивление в ее глазах. Я вижу их лишь потому, что ожидал увидеть. А вот для Вики мои слова – неожиданность. Они с Тришей так не договаривались.

– Но *вы* же сказали нам, что это Уильям Харпер убил ту, другую девушку. Убил и закопал в саду, чем потом и хвалился... – Она пожимает плечами.

– Таков и был первоначальный план Триши, верно? Она хотела, чтобы мы подумали на Харпера, как только нашли тело Ханны. Кто еще мог ее убить, это же его дом, да? Вы надеялись, что, если повезет, полиция не станет искать другого подозреваемого... Знаете, а ведь почти сработало. Поэтому я задаюсь вопросом: с чего Триша вдруг изменила своему продуманному плану и пошла на риск? Зачем рассказала нам совсем другую историю, понимая, что она не подтвердится?

Вики смотрит на меня, пытаюсь понять, говорю я правду или это какая-то ловушка.

Я придвигаюсь поближе.

– На днях жена напомнила мне о спектакле, который мы видели несколько лет назад. Это она увлекается театром, меня туда просто так не затащишь.

Вики с опаской следит за тем, к чему я веду.

– Пьеса, что мы смотрели, относится к трагедиям мести. Думаю, поэтому Триша и поменяла историю. Из-за мести. Она хотела подставить Роба, обвинив его в смерти жены. Как он посмел выгнать ее, когда Триша заявила, что у них будет ребенок?

Дернувшись, Вики спешит опустить глаза, но меня не обманешь. Я успел понять, что она не знает о беременности сестры.

– Триша не могла простить Робу, что тот ее бросил. Она жаждала мести, даже если это значило обвинить его в убийстве. Даже если это

ставило под удар вашу аферу. Она предала вас, Вики. И не в первый раз – она уже оставляла вас во власти отвратительного субъекта по имени Дональд Уолш.

– Кто это? – Она вскидывает голову.

Я вдруг понимаю, что Вики могла и не знать, кто сдвинул засов и запер ее в подвале. Скорее всего, она думала на старика.

– Племянник Уильяма Харпера. Мы полагаем, он узнал, что вы замышляете. И тоже воровал нэцке. Как говорится, рыбак рыбака...

Вики снова опускает голову, и спустя мгновение я замечаю слезы на ее лице.

– Вы не спрашивали у Триши, почему она не вернулась? Неужели она не поняла, что что-то пошло не так? Строители из соседнего дома обнаружили вас просто по счастливой случайности. И последняя страница вашего дневника – настоящая. Вы действительно думали, что умрете. Совсем одна, взаперти. В темноте.

– Это просто ошибка, – мрачно отзывается она. – Иначе и быть не может. Без меня она не получила бы деньги.

– Уверены? Мы проверили историю браузера в телефоне вашей сестры.

Я достаю из папки еще один листок и подаю Вики. Читая, она ахает и зажимает рот рукой, а потом от злости сжимает бумагу в кулаке.

Снаружи какая-то суета, распаивается дверь. Сержант тяжело дышит.

– *Господи...*

– Идемте со мной, сэр. У этой, второй, как ее... Триша? Пиппа? Кажется, у нее выкидыш.

Я вскакиваю.

– «Скорую» вызвали?

– Уже едет. Детектив-констебль Эверетт отправится с ней.

– Есть номер телефона матери?

– Я спросил, но она не хочет, чтобы мы с ней связывались.

– Ладно. Нам в любом случае нужны два офицера. Попробуйте дозвониться до констебля Сомер, пусть встретит Эверетт в больнице Джона Рэдклиффа.

Меня окликает Вики, показывая на листки из папки.

– Это все правда?

Я киваю.

– Она даже отправила электронное письмо, чтобы узнать кое-что. – Я достаю распечатку. – Вот, видите? Мне очень жаль, Вики. Все так и есть. Может, она и не планировала такое с самого начала, однако смерть Ханны все изменила. Ведь только вы знали о том, что сделала Триша. Только вам

был известен ее секрет.

* * *

Девушка нерешительно замирает у входа на кухню. После стольких месяцев, когда настало время, она сомневается. Здесь так тесно, так грязно... И воняет.

– Я передумала. Я все-таки не хочу.

– Твою мать, Вики! На хрена ты тогда рожала этого ребенка?

Вики прикусывает губу.

– Это была твоя идея.

– Да, и ты прекрасно знаешь почему. Отступишь сейчас, и не видать тебе денег. Мы так долго ждали – ты ждала...

– И кто виноват? – рявкает Вики. – Давно бы уже всё сделали, если б ты все не испортила. Я без конца торчала в этом гребаном доме, пока ты шлялась, где хотела, и приводила сюда студентов. Ты в курсе, что ребенок видел, как ты занималась сексом с Дэнни?

Триша смеется:

– Знаю, Дэн заметил это и жутко перепугался. Вот была умора.

Вики молчит.

– Слушай, – примирительным тоном продолжает Триша, – мне жаль, что ты последнее время жила в такой скуке, но мы должны завершить начатое. Ты же слышала, соцработник хочет переселить старого урода в дом для престарелых...

Она поднимает рукой подбородок сестры:

– Я убралась наверху и принесла тебе все необходимое: еду, воду, фонарик. Дневник, который потом найдут. Это всего на пару дней. Для правдоподобности.

Мальчик играет рядом с мешком старого хлама. Триша берет его на руки. Темные кудряшки доходят до плеч – они специально не подстригали его волосы.

– Это настоящее приключение, правда? – радостно говорит она. Малыш протягивает руку и касается ее лица. – Видишь? Он тоже так считает.

Вики забирает сына и крепко прижимает к себе. Немного помедлив, переступает через порог.

Позади с лязгом закрывается дверь. Слышно, как Триша придвигает стул и сдвигает засов.

У Вики бешено бьется сердце. Она колотит в дверь кулаком.

– Триша! Ты что делаешь?

– Добавляю убедительности, дурочка. Что же еще?

– Но мы ни о чем таком не договаривались...
– Я же знала, что ты будешь против. Как еще убедить людей, что ты и вправду была взаперти?
– Пожалуйста... не надо... открой дверь...
– Всего несколько дней, хорошо? Потом я анонимно вызову полицию и скажу, что слышала что-то, а они приедут и освободят тебя. И тогда мы получим деньги. Три миллиона долбанных фунтов, не забывай об этом. Ради такого стоит посидеть пару деньков в подвале.
– Нет, я не хочу... не могу... прошу тебя...
Шаги удаляются, меркнет полоска света под дверью.
Ребенок заливается криком, извиваясь у нее на руках.

* * *

Когда подъезжает «Скорая», Сомер уже на месте. Две медсестры выбегают к машине.
– Возможно, выкидыш, – сообщает один из парамедиков. – Она уже потеряла много крови.
Они опускают носилки. Побледневшая девушка вся дрожит, хватаясь за живот.
– Ну что, дорогая, – обращается к ней медсестра. – Триша, верно? Давай-ка отвезем тебя в палату и осмотрим...

* * *

Допрос Вики Нил, произведенный в полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд
10 мая 2017 года, 21.00
Присутствуют: инспектор А. Фаули,
детектив-сержант Г. Куинн,
М. Годден (дежурный адвокат)

А.Ф.: Для записи сообщаю, что прежде мисс Нил была арестована по обвинению в мошенничестве с возможностью освобождения под залог. Сейчас она также обвиняется в связи с убийством Ханны Гардинер, произошедшим в 2015 году, и добровольно решила сотрудничать с полицией. Мисс Нил намерена дать показания, чтобы прояснить свою степень участия в этом деле. Все верно, Вики?

В.Н.: [Кивает]

А.Ф.: Отлично. Расскажите нам, что случилось. Своими словами.

В.Н.: С чего начать?

А.Ф.: С самого начала. Когда вы приехали в Оксфорд?

В.Н.: В 2014 году. В апреле. Я сняла комнату на Клифтон-стрит, а потом ко мне вдруг заявила Триша.

А.Ф.: Ваша сестра Триша Уокер. Сейчас она использует имя Пиппа.

В.Н.: [Кивает]

А.Ф.: Вы ее не ожидали?

В.Н.: Не видела ее много месяцев. Мы сильно поругались, и я ушла.

А.Ф.: Из дома вашей матери?

В.Н.: Не могла больше там жить. Мама вечно орала на своего нового парня, а Триша указывала мне, что делать. Надоело.

А.Ф.: Из-за чего вышла ссора?

В.Н.: [Пауза] Мне нравился один мальчик. Только он... ну, сами понимаете.

А.Ф.: Выбрал Тришу?

В.Н.: Она забрала его у меня. Он ее даже особо не интересовал. Триша сделала это просто потому, что могла. То же самое было с маминými парнями. При них Триша ходила полуголая, словно говоря: «Ну же! Вперед!»

А.Ф.: Кто-нибудь из них клюнул?

В.Н.: Был один. Тони. [Пауза] Мама застала их в постели. Триша уверяла, что это он ее соблазнил. Что «обхаживал» ее или что-то вроде того. Тони все отрицал, но мама все равно вышвырнула его из дома.

А.Ф.: А по-вашему, как все было? Вы поверили Тони?

В.Н.: Знаете, Тришу не заставишь делать то, чего она не хочет. С другой стороны, этот Тони ее тоже не привлекал. Она лишь хотела доказать, что может получить его, если пожелает.

А.Ф.: Сколько ей тогда было.

В.Н.: Не знаю... лет пятнадцать...

А.Ф.: И что произошло, когда она приехала в Оксфорд?

В.Н.: Стала жить со мной, зарегистрировалась на бирже труда. Мне досталось немного денег после смерти отца, но их не хватало. А Триша терпеть не могла, когда у нее не было денег. Вот и придумала, как нам поступить. Все это – целиком и полностью ее идея.

А.Ф.: Что именно?

В.Н.: Ну, все, что было.

А.Ф.: Мы должны услышать это от вас, Вики.

В.Н.: Триша увидела передачу про женщину, которую нашли в подвале в Германии. Она еще родила кучу детей. Триша сказала, что и мы можем повернуть такое и получить кучу бабла. Главное – найти подходящего

человека. Какого-нибудь одинокого старика. Желательно с болезнью Альцгеймера.

А.Ф.: А устроиться на работу, как все остальные, – не вариант?

В.Н.: Я бы так и сделала, но Триша не собиралась тратить свое время «на дерьмовой работе за дерьмовую плату».

А.Ф.: И как вы остановили свой выбор на докторе Харпере?

В.Н.: Мы ездили в Северный Оксфорд на автобусе. Все говорили, там богатый район, старики живут в огромных домах. Во второй раз мы его и заметили. Он стоял на улице один, в пижаме и с банкой пива в руке. Триша решила, что он идеально подходит, и мы проследили за ним до дома. Когда стемнело, пробрались внутрь. Задняя дверь была не заперта. Старик сидел в гостиной и пыхтел, дроча на фотографию женщины в красном платье. Гадость какая...

А.Ф.: Вы поняли, что остальные комнаты в доме пустуют?

В.Н.: В спальне на первом этаже лежали кое-какие вещи, но Триша сказала, можно жить наверху, и никто даже не увидит. Мы немного понаблюдали за домом – к старику приходил только соуработник, и всего-то минут на десять. После этого я и поселилась там.

А.Ф.: Только вы одна, без Триши?

В.Н.: Она осталась в квартире. Правда, иногда заходила ко мне.

А.Ф.: Когда она впервые увидела Роберта Гардинера?

В.Н.: Думаю, пару месяцев спустя. Он был в саду с маленьким мальчиком. Триша просто с ума сходила по Робу.

А.Ф.: И начала преследовать его. Пошла, к примеру, на карнавал Коулироуд...

В.Н.: Это было несложно. С верхнего этажа просматривалась их квартира – мы видели, когда они выходили из дома. Однажды даже смотрели, как они занимаются сексом. Тогда Триша окончательно слетела с катушек и решила устроиться к ним няней.

А.Ф.: Как она это сделала?

В.Н.: Подстроила «случайную» [изображает пальцами кавычки] встречу с его женой на рынке. Провернула все так, чтобы та сама захотела ее нанять. У Триши отлично это получается – заставлять людей делать то, что ей нужно. Умеет пользоваться своими прелестями, особенно с парнями.

А.Ф.: [Поглядывает на детектива-сержанта Куинна] Тогда она и стала звать себя Пиппой?

В.Н.: Ей казалось, так звучит более утонченно. Говорила, для людей вроде Гардинеров это важно. Мол, им понравится только тот, кто

похож на них самих.

А.Ф.: Это единственная причина для смены имени?

В.Н.: [Нерешительно] Нет. Еще в школе она однажды бросилась на девочку с вилкой. Какая-то глупая ссора... та села на место Триши. Она всегда слетала с катушек, когда ей пытались указать, что делать. Мама давно забила. Оно того не стоило. Однако в школе разразился скандал, Тришу отстранили от занятий и отправили к психологу. Она боялась, что Гардинеры проверят ее, все узнают и не разрешат присматривать за ребенком.

А.Ф.: Когда ее взяли на работу, вы уже были беременны? И это тоже была затея Триши, верно?

В.Н.: [Ерзает на стуле] Она сказала, так мы получим еще больше денег. Анализ ДНК докажет, что старик меня изнасиловал.

Г.К.: А дневник?

В.Н.: [Пауза] Триша думала, с дневником нам уж точно поверят. И для суда пригодится. Она говорила мне, что писать.

А.Ф.: Вы писали его под диктовку сестры?

В.Н.: Она придумывала, а я писала. Какие-то страницы Триша залила водой, чтобы выглядело по-настоящему.

Г.К.: И все это время вы жили на верхнем этаже дома?

В.Н.: [Кивает]

А.Ф.: Почему Триша не захотела сама родить ребенка? Тогда ей досталось бы больше денег.

В.Н.: Говорила, из меня выйдет жертва получше.

Г.К.: Так и сказала – «жертва получше»?

В.Н.: Да. Мол, люди скорее будут сочувствовать мне, чем ей. Никто не поверил бы, что она могла так сглупить.

А.Ф.: А вам поверили бы?

В.Н.: [Молча прикусывает губу]

А.Ф.: Как вы договорились насчет денег?

В.Н.: Я бы с ней поделилась. Триша заставила меня пообещать. [Взволнованно] Сказала, я ее должница после всего, что она для меня сделала.

* * *

– Выглядишь офигенно. Прямо как она.

Триша отходит назад, чтобы полюбоваться своей работой. Красное платье, помада, волосы. Идеально.

– Что скажешь?

Вики смотрит на себя в зеркало. Триша права: сходство пугающее. Она вздрагивает. Не очень-то приятно быть похожей на покойника.

– Готова? – Триша открывает дверь. – Он вроде лежал на спине, пьяный в ноль. Будем надеяться, у него все же встанет. Ну или ты постарайся.

– Я не стану заниматься с ним сексом, Триша. Только не по-настоящему.

– Сколько раз повторять? Тебе и не надо. Просто подрочи ему. Потом соберем сперму и засунем в тебя.

– Вдруг он вспомнит и расскажет кому-нибудь?

– Ну да, конечно, – смеется Триша. – Вики, он больной на всю голову. Постоянно несет какой-то бред. Никто ему не поверит. Думаешь, зачем мы тебя нарядили? Он примет тебя за жену. Шикарная же идея. Начнет что-то говорить, и люди сочтут его еще более ненормальным, чем раньше. А чем безумнее выглядит он, тем лучше для нас. Поняла?

По телу Вики проходит дрожь. В этом чертовом доме все время холодно.

– Держи. – Триша подает сестре бутылку водки. – Купила по дороге сюда. Для храбрости.

Водка обжигает горло Вики.

– Ладно, – говорит она.

* * *

Уильям Харпер храпит в гостиной, лежа на раскладушке. Вики замирает у двери, но Триша толкает ее вперед. Постояв немного рядом, она снимает с него одеяло. На Харпере только майка и носки. Усохшие гениталии висят вдоль бедра.

– Давай, – шепчет Триша.

– Я не буду трогать эту гадость.

– Да он же кончит за секунду, чего ты ждешь?

Вики берет член Харпера в руку. Старик открывает глаза, и какое-то время они просто смотрят друг на друга. Его губы шевелятся, однако он не издает никаких звуков.

– Твою мать, Вики, – шипит на нее Триша.

Вики усиливает хватку, и Харпер, изумленно глядя на нее, спрашивает:

– Присцилла, это ты? – Он весь съезживается. – Не трогай меня. Я не сделал ничего плохого. Не трогай меня, пожалуйста.

Вики убирает руку.

– Я не могу.

Триша отталкивает ее.

– Господи, ну почему мне все приходится делать самой?

Она забирается на постель и раздвигает ноги Харпера, держа полиэтиленовый пакетик.

– Ну что, грязный педофил? Посмотрим, из чего ты сделан...

Вики отворачивается и выходит в коридор.

Жалобные крики старика слышны даже наверху.

* * *

А.Ф.: Итак, Вики, перейдем к июню 2015 года. Вы беременны, живете в доме на Фрэмpton-роуд, Триша устроилась няней Тоби. Расскажите нам, что привело к смерти Ханны Гардинер.

В.Н.: Ничего этого не должно было произойти.

Г.К.: Только не надо впаривать нам, что все вышло случайно, – в жизни не поверю. На гребаном чехле обнаружили частички ее мозга...

М.Г.: Не нужно нападать, сержант. Моя клиентка оказывает вам неоценимую помощь.

В.Н.: Я не впариваю. Я говорю правду.

А.Ф.: Так каков был план? У вас с Тришей ведь был план, верно? Ханна не просто так зашла в этот дом.

В.Н.: Когда Ханна была в отъезде, Триша переспала с Робом и была уверена, что их совместному счастью мешает только жена. Роб, мол, слишком порядочен, чтобы уйти от Ханны. Я волновалась, не знала, что делать...

А.Ф.: Почему?

В.Н.: Я же знаю Тришу. Она добивается всего, что хочет. Не задумываясь о других людях.

А.Ф.: Вы так беспокоились, что решили предупредить Ханну?

В.Н.: [Кивает] Только мне было страшно, что Триша узнает. Не представляю, что бы она со мной сделала.

Г.К.: Стойте, так это вы звонили Ханне в офис с мобильного за день до ее смерти?

В.Н.: [Кивает] Я не представилась.

А.Ф.: Что же вы ей сказали?

В.Н.: Про Роба я ничего не говорила. Сообщила, что Пиппа на самом деле никакая не Пиппа. Что раньше она жила на Клифтон-стрит – там люди знают ее настоящее имя, пусть проверит. Я надеялась, Ханна раскопает ту историю про девочку из школы и уволит Тришу.

А.Ф.: Вот зачем Ханна ездила на Коули-роуд... Чтобы найти «Пиппу».

В.Н.: [Кивает] Но, наверное, ничего не разузнала.

А.Ф.: И что случилось на следующий день? Что вы задумали?

В.Н.: Да ничего не было задумано. Я не знала, что произойдет. Сидела наверху, услышала шум и спустилась. И тогда... тогда...

* * *

– Господи, Триша, что ты натворила?!

Триша стоит у окна оранжереи. В руке у нее молоток, а на полу лицом вниз лежит женщина. Она издает страшные звуки, по темным волосам струится кровь. Пытается встать, но лишь цепляется руками за воздух.

Вики подходит ближе.

– О боже, это ведь Ханна...

– И без тебя знаю, тупая корова. Кто же еще?

– Что она тут делает? Что, черт возьми, произошло?

Триша бросает на сестру испепеляющий взгляд.

– Я же рассказывала тебе, идиотка. Забыла уже?

– Ты говорила, что хочешь быть с Робом. Убивать ты ее не собиралась!

– Ты же знаешь, как это бывает с мужчинами. Обещают уйти от жены, но так и не уходят. Я решила сама устранить препятствие.

Триша берет с полки резиновые перчатки. Рядом лежит вторая пара, а еще рулон клейкой ленты, банка промышленного отбеливателя и темный парик. Вчера ничего этого здесь не было.

– Господи, Триша, ты все это спланировала?

– Твою мать, ну конечно, спланировала. Иначе это не сошло бы нам с рук.

– Что значит «нам»? Я тут ни при чем... ты меня не заставишь...

– Еще как заставлю. Если не поможешь, я всем расскажу о твоей афере. Расскажу, что ты обманула беззащитного старикашку. Получишь года три-четыре как минимум.

На глаза Вики наворачиваются слезы.

– Но это ведь была твоя идея...

– Ага, – усмехается Триша. – Только полиция об этом не знает, верно? Распустила тут сопли... помогай давай.

Женщина на полу издает стон и пытается поднять руку. Триша быстро наклоняется и хватает ее за волосы. Из рта течет кровь, и она смотрит... смотрит прямо на Вики.

– Ну вот, – Триша отпускает голову Ханны, – теперь она тебя видела. Выбора нет. Не будь тряпкой!

– Что мне делать? – дрожащим голосом спрашивает Вики. Ханна тихо стонет. Зовет сына по имени.

Триша бросает сестре вторую пару перчаток.

– Иди к машине и достань из багажника одеяло. И ребенка захвати.

– Он в доме, совсем один? Вдруг он заплачет? Вдруг старик услышит?

Триша смеется:

– Старый ублюдок в отключке. Как и всегда. Я подсыпала еще больше снотворного в его чертовое пиво. Ребенку тоже дам таблетку на всякий случай.

– Ты что, он ведь еще маленький...

– Да хватит уже ныть. Я все время так делаю. По-другому его не успокоишь.

– Но...

– Так ты идешь или нет? – перебивает ее Триша.

* * *

А.Ф.: Алиби вы тоже ей обеспечили? Это вы позвонили Робу Гардинеру и сообщили, что Триша болеет? А потом, когда с вами связывалась полиция, вы назвались именем Ники Вил...

В.Н.: [Прикусывает губу] Тришу жутко взбесило, что я выбрала такое похожее на мое настоящее имя. Жаловалась, что я ничего не могу толком сделать самостоятельно.

А.Ф.: Так и есть, да, Вики? Триша врет куда лучше вас. Она поведала нам совсем другую версию смерти Ханны, которая звучит намного убедительнее. Что вы на это скажете?

В.Н.: Это я говорю правду. Зачем мне было убивать Ханну?

М. Г. Вполне разумно, инспектор. У моего клиента, в отличие от ее сестры, не было причин убивать миссис Гардинер.

А.Ф.: Сомневаюсь, мистер Годден. Триша – девушка находчивая. Уверен, она придумает какую-нибудь убедительную историю. Что-то вроде: Ханна начала вынюхивать, заметила неладное из окон квартиры. Потом нагрянула в дом и застала там вас, молодую женщину на седьмом или восьмом месяце беременности, живущую в доме с одиноким стариком. Ханна ведь была журналистом. Она немедленно узнала бы Вики, как только та поведала бы о своем заключении в подвале. Так что, я полагаю, у Вики было больше причин избавиться от Ханны.

В.Н.: Все было по-другому...

А.Ф.: Откуда нам знать? Как вы это докажете? А адвокату вашей сестры стоит лишь обеспечить разумные основания для сомнения... [Допрос прерван – сержанту из камер предварительного заключения нужно срочно поговорить с инспектором Фаули]

Г.К.: Допрос приостановлен в 21.42.

* * *

– В чем, черт возьми, дело, Вудс?

– Извините, сэр.

Я иду за ним, Куинн – следом. Камера все еще открыта, на койке и в унитазе следы крови.

– И что? – спрашиваю я у Вудса.

Он показывает на кровать: среди смятых простыней валяется упаковка из-под двух таблеток. Пустая.

– Сразу говорю: при ней этого *не* было, когда я ее оформлял, – оправдывается покрасневший Вудс.

– Вы точно ее обыскивали?

– Естественно. Если у кого-то с собой лекарства, их выдает врач. Я знаю правила. Не первый день тут работаю.

И я ему верю. Что только не проносили с собой арестанты, всего не обнаружишь. Две маленькие таблеточки – это вообще раз плюнуть.

Вудс подает мне пустую упаковку. Прочитав название, я делаю глубокий вдох.

– Она могла достать такое только через Интернет. Ни один врач законно не выпишет.

– Что это? – интересуется Куинн.

– Мизопростол. Для медикаментозного аборта.

– Черт...

Теперь Вудс бледнеет и грузно оседает на койку.

– Свяжись с Эверетт, – говорю я Куинну. – Пусть глаз с нее не спускает.

Сержант уже опередил меня и набирает номер.

– Эв? Это Куинн. Будь начеку – Пиппа, или как ее там... – Он смотрит на меня, слушая собеседницу, и кривится. – Ладно, я передам. Звони, если будут новости.

Повесив трубку, Куинн сообщает:

– Слишком поздно – она сбежала. Ее поместили в один из отсеков, и, видимо, она выбралась через заднюю дверь...

– Черт, неужели рядом никого не было?

– Сомер, как я понял, ждала снаружи. Думала, медсестра проводит осмотр, но та даже не заходила. В общем, вышла путаница. Такое бывает.

Конечно, всякое случается. И у него, и у меня. Но только не сейчас, когда это так важно.

– Больницу обыскивают?

Куинн кивает.

– Правда, у нее фора в десять минут. И людей там до хрена, попробуй еще найти, кого нужно...

– Разве Триша может уйти далеко в таком состоянии?

– Я бы этого не исключал. Зная ее, можно предположить, что так и было задумано.

Вот именно. Этого я и боюсь.

* * *

Би-би-си Мидлендс Сегодняшние новости

Четверг, 11 мая 2017 года | Последнее обновление в 17.34

Срочное сообщение

Подозреваемого в похищении девушки отпустили без предъявления обвинений

Полиция долины Темзы заявляет, что владельцу дома на Фрэмpton-роуд в Оксфорде, которого подозревали в похищении и заключении девушки в подвале, не будет предъявлено никаких обвинений. Следователи не раскрывают имени подозреваемого, однако местным жителям известно, что речь идет об Уильяме Харпере, бывшем университетском преподавателе на пенсии. Предполагается, что страдавший от болезни Альцгеймера доктор Харпер стал жертвой ужасной аферы.

Инспектор Адам Фаули отказался от комментариев по поводу слухов, что предполагаемое похищение неким образом связано с убийством Ханны Гардинер в 2015 году. Он также не сообщил никакой информации по возможным обвинениям в связи с делом Ханны.

– У нас имеется подозреваемый, – заявил инспектор, – однако арест еще не был произведен.

* * *

Эверетт выключает новости – там весь день одно и то же. Что по телевизору, что в газетах, что в Интернете. «“Афера Фритцля”: девушка притворялась заключенной ради денег»; «Дело об оксфордской афере привлекает внимание к проблемам одиноких стариков». Журналисты называют следователям, караулят их у порога, лишь бы получить цитату, или доступ к дому, или снимок Вики. Фаули всем отказал.

– Сейчас я тебя подвину, Гектор, – говорит Эверетт свернувшемуся

у нее на коленях коту. – Пора заняться ужином.

Большой полосатый кот отвечает недовольным взглядом – не стоит трогать его ради какого-то ужина. Вдруг раздается стук в дверь.

– Давай-давай, Гектор.

Верити перекладывает его на соседнее кресло, затем встает и идет к выходу. Открывает дверь – к ее удивлению, там Эрика Сомер с бутылкой игристого вина. Эрика нерешительно улыбается. Одета она в гражданское: светлые джинсы, черная футболка. Волосы завязаны в хвост.

– Извини, что вот так неожиданно... Твой сосед как раз уходил и впустил меня.

Эверетт все еще держит дверь приоткрытой.

– Слушай, я просто подумала, что наши отношения немного не заладились. Надо бы это исправить. – Сомер подает бутылку. – Как насчет вина?

Верити по-прежнему молчит, зато Эрика продолжает:

– Это твой кот?

Она наклоняется и берет Гектора на руки, чешет его за ушами. Кот прикрывает глаза и громко мурчит от удовольствия.

– Осторожно: будешь так чесать его, и он решит стать твоим другом на всю жизнь, – усмехается Эверетт.

– Я давно хочу кота, – с улыбкой отвечает Сомер, – но домовладельцы не разрешают.

– Я выбрала это местечко лишь потому, что здесь есть пожарный выход и соответственно кошачья дверца. Друзья считают меня ненормальной: стоимость в полтора раза дороже остальных вариантов, а ленивый засранец почти не выходит на улицу!

Женщины ловят взгляд друг друга, и тогда Эверетт отходит назад, распахивая дверь пошире.

– Ты что-то говорила про вино?

* * *

Три недели спустя.

У меня в саду.

Мои родители считают, что на воскресный обед с сыном и невесткой обязательно нужно нарядиться. Наверняка, вернувшись домой, они отправят эти вещи прямиком в дальний угол шкафа. На столе полно еды, в которой они только слегка поковыряются. Копченая курица, салат с рукколой, малина, инжир, сыр пекорино. Алекс вместе с моей мамой и мальчиком общаются с соседским котом, дружелюбным бело-рыжим

созданием. Малыш то и дело пытается схватить животное за огромный пушистый хвост, Алекс осторожно убирает его руку. Отец садится рядом со мной.

– Стол всегда накрываешь просто отличный.

Я улыбаюсь:

– Это не я, это Алекс. По-моему, она скупила весь магазин.

Наступает пауза. Мы оба никогда не знаем, что сказать.

– Так вы нашли девушку, которая убила ту бедняжку?

– Пока нет, – качаю я головой. – Следим за портами и аэропортами, хотя, возможно, она уже сумела выехать из страны.

– А что насчет мальчика? – спрашивает он, наливая себе еще безалкогольного пива.

– Тоби? С ним всё в порядке. Отец держит его подальше от всей этой суеты.

– Нет, я про *того* мальчика. – Он показывает рукой вдаль сада. – Думаешь, это хорошая идея?

– Слушай, пап...

– Я просто волнуюсь... после того, что случилось с Джейком, пришлось нелегко, правда? Особенно Алекс. И тебе, конечно, тоже, – спешит добавить он.

– У нас всё хорошо. Правда.

Я всегда так говорю.

– Что с ним будет?

Мальчик заплакал, и Алекс поднимает его на руки. Моя мать выглядит обеспокоенно.

– Не знаю. Соцслужба решит.

Алекс присела с малышом на скамейку. Он продолжает плакать, и мама бежит вокруг, не зная, что делать.

– Трудно ему придется, – отзывается папа, глядя на них. – Однажды кто-нибудь расскажет парнишке всю правду. О том, кто он такой. Кем был его отец, что натворила мать... Нелегко жить с таким грузом.

Я размышляю об Уильяме Харпере, который всегда хотел сына. Знает ли старик о нем? Желает ли с ним встретиться? Или же волнения последних недель только ухудшили его состояние? Когда я ехал по Фрэмpton-роуд, на доме висела табличка «Продается». Повторяю самому себе, что Харпер все равно вскоре отправился бы в дом престарелых, и тем не менее чувствую некую вину.

– Иногда лучше не знать, – говорю я, возвращаясь к реальности. – Иногда молчание милосерднее.

Папа смотрит на меня, и на мгновение, всего на мгновение мне кажется, что сейчас он скажет правду. Обо мне. О них. О том, кто я такой.

Но мама вдруг зовет нас из сада, и он, осторожно коснувшись моего плеча, идет к выходу.

– Ты прав, сынок.

* * *

Конец октября. Льет дождь, мелкий противный дождь, пронизывающий до самых костей. Реки, каналы, болота – этот город окружает вода. Зимой каменные строения впитывают влагу. Некоторые дома на Фрэмpton-роуд, а именно те, где живут дети, украшены к Хеллоуину: на окнах декорации в виде вампиров, привидений и ведьм с зелеными волосами. Кое-где у порога красуются тыквы с вырезанными глазами и зубами.

Марк Секстон стоит на подъездной дорожке дома № 31 под зонтом для гольфа и смотрит на крышу. Ни хрена они не успеют к Рождеству. Ну хоть строители вернулись, и то хорошо. По крайней мере, должны были вернуться... Он смотрит на часы – наверное, уже в четвертый раз. Да где же они, черт побери?

Как по сигналу на улицу поворачивает грузовик с платформой и останавливается у дома Марка. Выходят двое мужчин: Тревор Оуэнс, прораб, и молодой парнишка. Последний начинает разгружать машину и доставать инструменты.

– Только вы двое? – настороженно спрашивает Секстон. – Я думал, сегодня приедут и все остальные.

– Не волнуйтесь, мистер Секстон, они в пути, – отвечает Оуэнс. – Им еще надо докупить кое-какие материалы. Я решил опередить их и еще раз взглянуть на нашу проблемку в подвале.

– Как по мне, так это целая гребаная *проблема*, – сердится Марк, но все же идет открывать дверь.

Внутри стоит запах сырости. Вот еще одна чертова причина, почему он хотел управиться с ремонтом за лето.

Оуэнс идет по коридору к кухне и тянет на себя дверь в подвал. Щелкает выключателем – все равно темно.

– Кенни! – кричит он. – Фонарик есть?

Парень приносит большой желтый пластиковый фонарик. Оуэнс включает его и направляет луч света на патрон. Лампочки в нем нет.

– Ладно. Посмотрим, что у нас тут...

Он начинает спускаться по лестнице. Внезапно слышится треск, затем крик и грохот.

– Что? – Секстон наклоняется ближе. – Что там за чертовщина?

Он замирает у порога и смотрит вниз. Оуэнс лежит на спине, цепляясь за остатки деревянных ступеней.

– *Твою мать.* – Его грудь тяжело вздымается. – *Твою мать,* вон там... *посмотрите...*

Фонарик упал, и свет конусом льется по полу. В темноте мелькает десяток глаз-пуговок, что-то шуршит.

Крысы.

Только Оуэнс имел в виду совсем другое.

Она лежит у основания того, что некогда было лестницей. Одна нога изогнута под неестественным углом. Длинные волосы, немного позеленевшие, тонкие руки, черный лак на ногтях. Молодая. Когда-то, пожалуй, была красивой, только теперь уже не разберешь.

Лица у нее не осталось.

* * *

«Дейли мейл»

21 декабря 2017 года

ВЕРДИКТ ПО ДЕЛУ «БЕЗУМНЫХ СЕСТРИЧЕК»

Вики Нил вынесли приговор за «необъяснимо жестокую» аферу

Обвинения в убийстве Ханны Гардинер так и не предъявлены

Автор Питер Кроксфорд

Вчера в Оксфорде уголовный суд присяжных приговорил к шести годам заключения Вики Нил, «аферистку из подвала», признавшую себя виновной в попытке мошенничества. Она пыталась подставить пенсионера Уильяма Харпера, изобразив себя жертвой неправомерного лишения свободы и насилия. Нил и ее старшая сестра Триша Уокер издевались над пожилым человеком, унижали его, обжигали на газовой плите и подбрасывали в дом порнографические материалы. Объявляя приговор, судья Теобальд Уоттон назвал поведение девятнадцатилетней девушки «необъяснимо жестоким», а ее «попытку нажиться на больном старике, который не сделал ей ничего плохого», – бессердечной и эгоистичной.

После оглашения вердикта Джон Харрисон, суперинтендант полиции долины Темзы, выразил свою удовлетворенность тем, что справедливость наконец-то восторжествовала, и подтвердил, что вскоре на рассмотрение

Службы уголовного преследования будет представлено дело, связанное со смертью журналистки Би-би-си Ханны Гардинер, убитой в 2015 году. В своих комментариях, однако, многие люди отмечают, что будет трудно определить степень участия Нил в этом преступлении, так как два месяца назад частично разложившееся тело ее сестры, Триши Уокер, было найдено в подвале дома, соседствующего с домом Уильяма Харпера. Останки обнаружил хозяин пустующего жилища; согласно предположениям полиции, Уокер скрывалась там после того, как сбежала из-под ареста, спровоцировав выкидыш. Вскрытие показало, что она сломала ногу, упав с шаткой лестницы. Вероятно, после обильной потери крови Уокер испытывала головокружение. В заключении коронера указана смерть по причине обезвоживания. Остается лишь одна загадка: куда подевалась бесценная фигурка, которую Уокер стащила у Уильяма Харпера и носила на шее? На полу нашли порванную серебряную цепочку, но без какой-либо подвески. Попытки специалистов из лондонской полиции, работающих с краденными предметами искусства, найти нэцке не увенчались успехом.

Хотя в связи с убийством Ханны Гардинер пока так никому и не было предъявлено обвинений, стали известны некоторые подробности об ужасающих обстоятельствах ее смерти. Предполагается, что Триша Уокер тщательно спланировала убийство. Она сняла одежду с тела миссис Гардинер и связала ее, чтобы навести полицию на мысль о сексуальном маньяке. Вики Нил отрицает прямое участие в смерти миссис Гардинер, уверяя, что была вынуждена помочь сестре скрыть улики, так как находилась полностью в ее власти и опасалась за собственную жизнь.

Криминалист-психолог Лоуренс Финч, выступающий консультантом на съемках телепередачи «Преступления, которые потрясли Британию», называет этот случай классическим примером так называемого двойного психоза, *folie à deux*. «В подобных преступлениях один из партнеров обычно выступает в качестве доминирующего, однако чаще всего это бывает мужчина, навязывающий свою волю девушке или супруге. Взять хотя бы “болотных убийц”^[29]. Данное дело кажется необычным, так как в нем замешаны две женщины – к тому же еще и сестры».

Доктор Финч также полагает, что Триша Уокер является редким экземпляром женщины-психопата. «Мы привыкли видеть, что такого рода преступления совершаются мужчинами, но есть и женщины, способные на подобное при определенных факторах. Многие потенциальные психопаты за всю жизнь не делают ничего плохого, потому что не оказываются в ситуации невозможности получить желаемое. Пока этим людям ничто не

препятствует, они кажутся вполне нормальными, а иногда даже невероятно очаровательными, пусть и слегка манипулирующими. По словам одного из ведущих экспертов, с психопатом вы отлично проведете время, но заплатите высокую цену».

389 комментариев

Danielaking07

Мне кажется, что истинными жертвами этих двух мерзких коров стали муж и сын Ханны Гардинер. Малышу придется расти без мамы – вот вам и «высокая цена».

Zandra_the_sandra

А мне жаль старика. Когда уже соцработникам начнут нормально платить, чтобы они уделяли достаточно времени своим одиноким подопечным?

GloriousGloria

Мне вот что интересно: как девочки из хорошей семьи могут превратиться в таких монстров? В детстве над ними вроде никто не издевался, как я понимаю.

Otter_mindy1776

Тут во многом виноват Интернет. Не удивлюсь, если они делали селфи, издеваясь над бедным стариканом.

FireSalamander33

Ну хотя бы мальчик, рожденный Вики, получит шанс на нормальную жизнь. Говорят, его сейчас усыновляют, а в соцслужбе ему дали имя Брэндон – это значит «маленький ворон». Мило, правда?

ЭПИЛОГ

Внутри холодно, несмотря на то что на улице лето. В пустых домах всегда так. Никто не согревает его теплом своего тела или дыханием, вот и появляется сырость. Хотя он лишь кажется пустым, потому что в углу, в окружении пустых банок колы, недоеденного бургера и гигиенических прокладок, сидит девушка. Сидит, прислонившись спиной к стене и накрывшись, как одеялом, темно-синей стеганой курткой.

Дверь медленно открывается, на фоне внезапно яркого света видно чье-то лицо в тени.

Триша пытается встать, но корчится от боли. Вики смотрит на нее.

– Говорят, у тебя выкидыш.

– Ну, чем быстрее я избавлюсь от него, тем лучше. Я забеременела лишь для того, чтобы получить Роба. *Ребенок* мне на хрен не нужен. Вот уж повезло, что этот ублюдок стреляет холостыми патронами...

Вики молчит.

– Что ты сказала полиции? – спрашивает Триша.

– Ничего. Они не в курсе, что я здесь. Выпустили под залог.

– Как ты узнала, где меня искать?

– Я знаю, как ты мыслишь. Я знаю *тебя*, настоящую тебя, лучше, чем кто-либо другой.

Триша усмехается:

– Но вот *тебя*-то люди не знают, правда, Вики? Ты же им соврала.

– Как и ты. А еще *ты* соврала *мне*. Я чуть не погибла из-за тебя. *Я могла умереть.*

Вики с грохотом закрывает за собой дверь; по полу разлетаются обрывки газет.

– Тот инспектор, Фаули, он показал мне, что ты искала в Интернете на своем телефоне. Какие сайты читала. Про то, как затребовать деньги.

Триша ерзает.

– Ну, конечно, надо же было узнать, как нам все это повернуть...

– Только речь шла не о *нас*, верно? – У Вики дрожат губы, однако ее взгляд безжалостен и полон гнева. – Лишь о тебе. Ты не просто искала информацию – ты даже отправила электронное письмо в одну юридическую фирму. И в нем спрашивала, сколько денег можно получить, если подашь в суд на того, кто *убил твою сестру*.

В ответ молчание.

– Не было никакой ошибки, да, Триша? Ты хотела меня убить, а потом свалила бы вину на Харпера.

Сестры смотрят друг на друга, не скрывая враждебности.

– Где? – твердым голосом спрашивает Вики.

– О чем ты?

– Ты прекрасно знаешь, о чем я. Давай сюда.

– С чего вдруг я тебе это отдам? – прищурившись, отвечает Триша.

– Просто отдай. Тогда я уйду и оставляю тебя в покое. Или...

– Или *что*?

Вопрос повисает в воздухе.

Ответа нет.

БЛАГОДАРНОСТИ

Группа прекрасных людей, так называемая «команда Фаули», помогла мне создавать, править и улучшать этот роман. Спасибо Анне Пауэр, моему великолепному, терпеливому и готовому прийти на помощь агенту, и моим двум редакторам в издательстве «Пингвин» – не менее великолепным и проницательным Кэти Лофтус и Саре Стайн. Также хочу поблагодарить моих замечательных специалистов по связям с общественностью: Поппи Норт, Роуз Пул и Энни Холландс в Соединенном Королевстве и Бена Петроуна и Шеннон Келли в Соединенных Штатах.

Огромное спасибо моим консультантам: потрясающему криминалисту Джоуи Гиддингсу, который нарисовал схемы места преступления, королевскому адвокату Николасу Сифрету за советы в юридической сфере и детективу-инспектору Энди Томпсону за неоценимую помощь в описании работы полиции. Также благодарю доктора Энн Робинсон и Никки Ральф. Я старалась сделать эту историю как можно более правдоподобной, но все же воспользовалась некой авторской вольностью,

как это бывает во всех художественных произведениях. К примеру, допрос психически нестабильного взрослого – очень сложная процедура, и я не претендую на ее стопроцентно достоверное отображение. Разумеется, ответственность за все ошибки и неточности лежит только на мне.

Спасибо «первым читателям» – моему мужу Симону и замечательным друзьям Стивену, Элизабет, Саре и Питеру. И конечно, моему потрясающему литературному редактору Карен Уитлок.

Наверное, странно благодарить город, но я не написала бы эту книгу без помощи особого «гения места» Оксфорда. Это бесконечно вдохновляющий и удивительный город, в котором мне повезло жить. Естественно, все герои являются плодом моего воображения и не основаны на реальных людях. Многие места тоже придуманы мной, хотя некоторые существуют на самом деле – к ним относятся Уиттенхэм-Клампе, «Гнездо кукушки», «Денежная яма». Легенда о вороне тоже реальна. Несколько лет назад в Уиттенхэме действительно были обнаружены останки мужчины, ребенка и расчлененной женщины, относящиеся к железному веку. Считается, что женщину использовали для человеческого жертвоприношения. Насколько мне известно, строить дома в том районе никто не собирается.

Сноски

1

Из начальной строки поэмы Т. С. Элиота «Бесплодная земля».

2

Сити – деловой и финансовый центр Лондона.

3

«Плетеный человек» – британский фильм ужасов 1973 г. Действие происходит на острове, жители которого практикуют языческие ритуалы.

4

Музей Виктории и Альберта в Лондоне – крупнейший в мире музей декоративно-прикладного искусства и дизайна.

5

Об этом подробно рассказывается в романе К. Хантер «Самый близкий враг».

6

Идрисса Акуна «Идрис» Эльба (р. 1972) – популярный британский

актер кино и телевидения.

7

«Мария Селеста» – корабль, покинутый экипажем по невыясненной причине и найденный 4 декабря 1872 г. в 400 милях от Гибралтара.

8

Мисс Хэвишем – главная героиня романа Ч. Диккенса «Большие надежды» и его многочисленных экранизаций и театральных постановок.

9

Прежде по календарю летнее солнцестояние выпадало на 24 июня; в Англии, Уэльсе и Ирландии этот день до сих пор отмечают народными гуляньями.

10

«Нью-эйдж» – общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера.

11

Имеется в виду суперинтендант – звание старшего офицерского состава полиции, второе после комиссара полиции.

12

Вердикт присяжных, который констатирует факт совершения преступления, но не устанавливает преступника.

13

СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности.

14

Deus ex machina (*лат.*) – «бог из машины», неожиданно появляющееся лицо или непредвиденное обстоятельство, спасающее безнадежное положение.

15

Кава – белое игристое испанское вино.

16

Имеется в виду Ричард Гир (р. 1949), знаменитый американский киноактер.

17

«Офицер и джентльмен» – художественный фильм 1982 г. с Ричардом Гиром в главной роли.

18

Фамилия героини созвучна с английским словом *dire* – жуткий, неприятный.

19

Название домашнего стадиона лондонского футбольного клуба «Челси».

20

«Как жаль, что она шлюха» – трагедия английского драматурга Дж. Форда, опубликованная в 1633 г.

21

«Женщины, остерегайтесь женщин» – трагедия английского драматурга Т. Мидлтона, опубликованная в 1657 г.

22

Стокгольмский синдром – термин, описывающий защитно-бессознательную травматическую связь, взаимную или одностороннюю симпатию, возникающую между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения и (или) применения угрозы или насилия.

23

Хай-стрит – дословно: «Высокая улица» (*англ.* High Street).

24

Эта фраза приписывается королеве Виктории, которая якобы давала такое наставление своей дочери перед первой брачной ночью.

25

Имена жертв Джека-потрошителя, печально известного серийного убийцы конца XIX в.; все они были уличными проститутками.

26

В России известен под названием «Мыслить как преступник» (*англ.* «Criminal Minds»).

27

«И еще кое-что» – излюбленная фраза лейтенанта Коломбо из одноименного сериала.

28

«Фурия в аду ничто в сравнении с брошенной женщиной» – цитата из пьесы английского драматурга У. Конгрива «Скорбящая невеста».

29

«Убийства на болотах» – серия жестоких убийств, совершенных Иэном Брэйди и Майрой Хиндли в Англии в 1963–1965 гг.